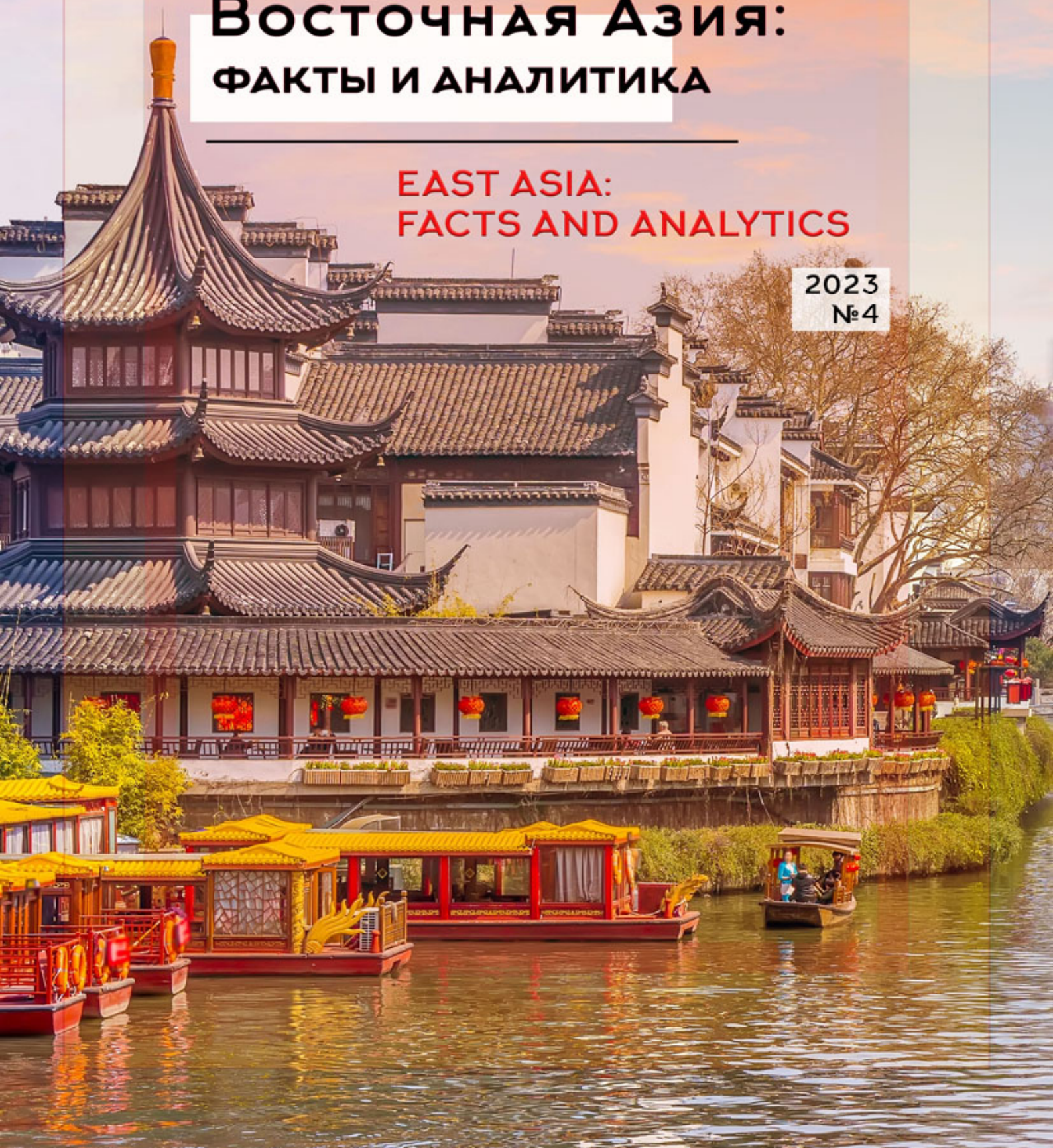

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2023
№4

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Китая и современной Азии РАН.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, ROAD, WorldCat.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Отв. секретарь: Казаков О.И. (Россия).

Редакционная коллегия: Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Островский А.В., д.э.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Сафронова Е.И., к.э.н. (Россия).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.ф.н. (*председатель*) (Россия); Бородич В.Ф., к.ю.н. (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Квак Тэ Хван, проф. (Республика Корея); Кобелев Е.В., к.и.н. (Россия); Нгуен Данг Фат (Вьетнам); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия); Такэда Масанао, проф. (Япония).

Редакция: Кириченко М.А., Скворцова Е.М., Суркова Т.И., Цветкова А.А.

Отрасли науки:

03.00.00 История. Исторические науки
06.00.00 Экономика. Экономические науки
23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
6.01 History and archaeology
6.05 Other Humanities

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов
© ИКСА РАН

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)**
www.iccaras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical “**East Asia: Facts and Analytics**” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies RAS.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”, Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, ROAD. WorldCat.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Executive Secretary: Kazakov Oleg I. (Russia).

Editorial Board: Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science).

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (*Head of the Editorial Council*); Borodich Vladimir F. (Russia), PhD (Law); Kobelev Evgeni V. (Russia), PhD (History); Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Takeda Masanao (Japan), professor; Vu Khoan (Vietnam); Yokote Shinji (Japan), professor; Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Kirichenko Maria A., Skvortsova Elizaveta M., Surkova Tatiana I., Tsvetkova Anna A.

Branch of Science (in the Russian Federation):

03.00.00 History
06.00.00 Economics
23.00.00 Comprehensive study of individual countries and regions

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
6.01 History and archaeology
6.05 Other Humanities

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2686-7702

© Team of authors

© ICCA RAS

СОДЕРЖАНИЕ

Домахина Ю.А.	
КНДР как фактор национальной безопасности Японии.....	6
Стрельцов Д.В.	
Корейское меньшинство в Японии: проблемы дискриминации и социальной дезадаптации.....	22
Петухин Л.А., Скворцова Е.М.	
Особенности «китайского» суверенитета и эволюция подходов к нему руководства страны в контексте глобализации.....	39
Кульнева П.В.	
Япония и Китай: взаимное восприятие недавнего исторического опыта через призму оппозиции «Запад – Восток».....	53
Корнеев К.А.	
Меры по обеспечению энергетической безопасности Японии как ответ на существующие и новые вызовы.....	69
Филиппов Д.А.	
Взгляды премьер-министра Хатояма Юкио (2009–2010) на внешнюю политику Японии в контексте поиска новой внешнеполитической стратегии	78
Нелидов В.В.	
Российское направление внешней политики Японии в 2023 г.: факторы формирования и реальное наполнение.....	91

CONTENTS

Domakhina Y.A.	
DPRK as a factor of Japan's national security	6
Streltsov D.V.	
Korean minority in Japan: Problems of discrimination and social maladaptation	22
Petukhin L.A., Skvortsova E.M.	
How Chinese leaders approached the idea of sovereignty in the context of globalization.....	39
Kulneva P.V.	
Japan and China: Mutual Perception of Recent Historical Experience through the Prism of the West-East Opposition	53
Korneev K.A.	
Measures to ensure Japan's energy security as a response to current and new challenges.....	69
Filippov D.A.	
Prime minister Hatoyama Yukio's (2009–2010) views on Japan's foreign policy in the context of the search for a new grand strategy	78
Nelidov V.V.	
Russian direction of Japan's foreign policy: Contents and forming factors	91

DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-6-21

КНДР как фактор национальной безопасности Японии

Домахина Юлия Андреевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. На сегодняшний день Корейский полуостров представляет собой многолетний очаг напряжённости в АТР. Особую обеспокоенность международного сообщества вызывает ракетно-ядерная программа КНДР и проводимые Пхеньяном испытания, которые ряд стран рассматривает как одну из серьёзных угроз безопасности в регионе. В связи с этим в ситуацию вокруг Корейского полуострова оказались вовлечены многие международные акторы. На протяжении нескольких десятилетий страны прилагают интенсивные усилия для решения этой проблемы. Помимо Китая и России значительную роль в решении проблемы играют такие страны, как Япония, США, Южная Корея. Автор проводит анализ сложившейся ситуации на Корейском полуострове, исследует степень влияния ядерной проблемы КНДР на обстановку в регионе и возможные последствия для региональной безопасности. В статье рассматривается политика Японии в отношении Северной Кореи, для противодействия которой Токио придерживается курса на укрепление японо-американского альянса и усиление санкционного давления. Северокорейский фактор освещается в треугольнике Япония–США–Южная Корея. Автор анализирует роль трёхстороннего оборонного сотрудничества, в области которого наметились тенденции к значительному расширению. В статье дана оценка различным подходам к урегулированию ситуации на Корейском полуострове и выявлен наиболее оптимальный сценарий.

Ключевые слова: КНДР, Япония, США, Республика Корея, АТР, Корейский полуостров, ракетно-ядерная программа.

Автор: Домахина Юлия Андреевна, младший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0007-3182-8934. E-mail: domakhina_julia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0003 «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы»).

Для цитирования: Домахина Ю.А. КНДР как фактор национальной безопасности Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 6–21. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-6-21

DPRK as a factor of Japan's national security

Domakhina Yulia A.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. Nowadays, the Korean Peninsula is a long-term source of tension in the Asia-Pacific region. The international community is particularly concerned about the DPRK's nuclear missile program and Pyongyang's tests, which a number of countries view as a serious threat to the regional security. Therefore, many international actors became involved in the situation around the Korean Peninsula. For several decades, certain countries have been making intensive efforts to solve this problem. Apart from China and Russia, Japan, the United States, and South Korea play a significant role in this process. The author analyzes the current situation on the Korean Peninsula, examines the degree of influence of the DPRK problem on the situation in the region and possible consequences for regional security. The article examines Japan's policy towards North Korea, to counter which Tokyo is pursuing a course of strengthening the Japan-US alliance and increasing sanctions pressure. The North Korean factor is highlighted in the Japan-US-South Korea triangle. The author analyzes the role of trilateral defense cooperation, which has seen a significant expansion. The article describes various approaches to resolving the situation on the Korean Peninsula and identifies the most optimal scenario.

Keywords: DPRK, Japan, USA, ROK, Asia-Pacific, Korean Peninsula, nuclear missile program.

Author: Domakhina Yulia A., Junior Researcher of the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-3182-8934. E-mail: domakhina_julia@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0003 "Japan's Relations with East Asian countries: problems, trends, prospects").

For citation: Domakhina Yu.A. (2023). KNDR kak faktor nacionalnoi bezopasnosti Yaponii [DPRK as a factor of Japan's national security]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 6–21. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-6-21

Введение

Азиатско-Тихоокеанский регион, являясь важным политическим и экономическим центром и продолжая стремительно развиваться, одновременно сталкивается с многочисленными проблемами в области безопасности. По мнению японских политиков и экспертов, одна из серьезных угроз региональной безопасности связана с ракетно-ядерной программой Пхеньяна и обусловленной ею военно-политической обстановкой на Корейском полуострове.

Одним из механизмов для разрешения ядерной проблемы КНДР стали шестисторонние переговоры, участницей которых, наряду с Россией, США, Китаем, Южной и Северной Кореей, является Япония. Неудача шестисторонних переговоров, которые на сегодняшний день фактически заморожены, во многом объясняется различиями в подходах участников, взаимным недоверием и нежеланием идти на компромиссы.

Вместе с тем, вовлечённость большого количества игроков в поиск путей разрешения ядерного кризиса свидетельствует о серьёзности проблемы. Сегодня КНДР открыто объявляет

себя ядерной державой, а темпы испытаний ядерного оружия (ЯО) и баллистических ракет, проводимых страной в последние годы, подтверждают динамичное развитие её ракетно-ядерного потенциала. Северокорейский пример может вызвать цепную реакцию и повлиять на позицию других стран относительно получения ЯО. В первую очередь, это касается Японии и Республики Корея, которые обладают передовыми ядерными технологиями. И если Токио сохраняет приверженность трём безъядерным принципам, то в Южной Корее идея создания собственного ЯО довольно популярна среди населения и не раз поднималась в политических кругах.

На данный момент такой вариант маловероятен, и обе страны продолжают пользоваться американскими гарантиями, однако в долгосрочной перспективе смена курса не исключена. Подобная ситуация может возникнуть в том случае, если Япония и Южная Корея пересмотрят подходы к союзническим отношениям с США и роль альянсов с американцами в обеспечении собственной безопасности.

Развитие Пхеньяном ядерной программы и совершенствование её потенциала в области ракетных технологий на сегодняшний день рассматривается в Японии как одна из главных угроз национальной безопасности [Домахина 2023].

Подходы Токио к проблеме ракетно-ядерного потенциала КНДР

Впервые о КНДР как об источнике угрозы для национальной безопасности в Токио заговорили после испытания трёхступенчатой ракеты Taepodong I в августе 1998 г. Этот шаг продемонстрировал наличие у Пхеньяна технологий для развития баллистической ракеты средней дальности и фактически означал возможность атаковать Японию [Hiraiwa 2020: 1–17]. В 2002 г. состоялся саммит Япония – Северная Корея, по итогам которого была подписана Пхеньянская декларация. В соответствии с документом Токио и Пхеньян подтвердили необходимость решения проблем безопасности, в том числе ядерной и ракетной, путём налаживания диалога между заинтересованными странами. Предполагалось предоставление Пхеньяну экономической и гуманитарной помощи. В свою очередь КНДР обязалась продлить мораторий на ракетные испытания¹.

Однако перейти к осуществлению пунктов на практике сторонам не удалось: в 2005 г. Пхеньян объявил о наличии у страны ядерного оружия, а год спустя было проведено первое ядерное испытание. Дальнейшая модернизация северокорейской ракетно-ядерной программы и проведение новых испытаний привели к ужесточению японской позиции по отношению к Северной Корее и напряжённости в отношениях между странами. На сегодняшний день Токио продолжает рассматривать КНДР как одну из главных угроз национальной и международной безопасности. Степень озабоченности японских политиков и официальных лиц продолжающимися в Северной Корее испытаниями в последние годы растёт.

Подобные тенденции отразились в документах Министерства обороны и Министерства иностранных дел Японии последних лет, в которых действия КНДР рассматриваются как реальная угроза национальной безопасности.

¹ Japan-DPRK Pyongyang Declaration. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Sep 17, 2002. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2021/DOJ2021_EN_Full.pdf (accessed: 14.05.2023).

В Белой книге по обороне Японии за 2023 г. Токио характеризует ракетно-ядерную программу КНДР как «серьёзную и неминуемую угрозу безопасности». Подчёркивается, что Северная Корея неоднократно запускала баллистические ракеты, летящие по нестандартным траекториям, и ракеты, которые она называет «гиперзвуковыми», а также ведёт работы по созданию крылатых ракет большой дальности с намерением оснастить их тактическим ядерным оружием. Такая военная деятельность представляет ещё более серьёзную и непосредственную угрозу национальной безопасности Японии, чем когда-либо ранее, и существенно подрывает мир, стабильность и безопасность в регионе².

В ежегодно публикуемых МИДом Японии «Синих книгах по дипломатии» северокорейской проблеме также уделяется особое внимание. Так, в документе за 2023 г. в разделе, посвящённом обострению обстановки вокруг Японии в сфере безопасности, отмечается, что Северная Корея в нарушение соответствующих резолюций Совбеза ООН неоднократно осуществляла пуски баллистических ракет с беспрецедентной частотой и не откликнулась на призывы к диалогу, а также «чётко обозначила свою приверженность политике, направленной на увеличение производства тактического ядерного оружия и наращивание ядерного арсенала». Эти действия Токио характеризует как серьёзную и неминуемую угрозу своей национальной безопасности и явный вызов международному сообществу. Документ резюмирует, что Токио будет и дальше стремиться к полной денуклеаризации Северной Кореи, тесно координируя свои действия с США и Республикой Корея, а также в сотрудничестве с международным сообществом³.

Что касается риторики официальных лиц и политических кругов, на протяжении последних лет она остаётся неизменной. Наиболее жёсткие высказывания характерны для администрации Абэ Синдзо. Так, запуск Пхеньяном в марте 2017 г. четырёх баллистических ракет, упавших в исключительной экономической зоне Японии, бывший премьер-министр назвал «угрозой нового уровня». Затем, в ходе своего выступления на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2017 г. Абэ заявил о необходимости усилить давление, поскольку предыдущие попытки решить северокорейскую проблему путём диалога потерпели неудачу, а Пхеньян «демонстрирует пренебрежение принятыми резолюциями», продолжая осуществлять испытания и ракетные запуски⁴.

Однако спустя год риторика С. Абэ заметно смягчилась: выступая на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, премьер-министр заявил, что «Япония продолжает придерживаться курса, направленного на преодоление печального опыта прошлого и нормализацию отношений с Северной Кореей после урегулирования вопроса похищений японских граждан, ядерной и ракетной проблем». Абэ также подчеркнул, что готов встретиться лично с Ким Чен Ыном, чтобы «разбить скорлупу взаимного недоверия и разрешить проблему похищений»⁵.

² Defense of Japan 2023 (Annual White Paper). *Ministry of Defense of Japan*. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2023/DOJ2023_Digest_EN.pdf (accessed: 06.06.2023).

³ Diplomatic Bluebook 2023. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100523117.pdf> (accessed: 15.06.2023).

⁴ Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Seventy-Second Session of the United Nations General Assembly. *Prime Minister's Office of Japan*, Sep 20, 2017. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201709/_00010.html (accessed: 17.06.2023).

⁵ Address by Prime Minister Abe at the Seventy-Third Session of the United Nations General Assembly. *Prime Minister's Office of Japan*, Sep 25, 2018. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201709/_00010.html (accessed: 17.06.2023).

Очевидный сдвиг в настроениях японского руководства, по всей видимости, был вызван состоявшимися в первой половине 2018 г. саммитами, среди которых встреча южнокорейского президента Мун Чжэ Ина и главы КНДР Ким Чен Ына в Пханмунджоме, а также саммиты Мун–Абэ в Токио и Трамп–Ким в Сингапуре [Soeya 2019: 167–171]. Возможно, подобные тенденции к диалогу повлияли и на изменение риторики Абэ, который не исключал возможность проведения японо-северокорейского саммита в будущем. Его преемники, Суга Ёсихидэ и Кисида Фумио, продолжили курс «давления и диалога» в отношении Северной Кореи, подтвердив необходимость её полной денуклеаризации. При этом оба лидера заявляли о готовности провести переговоры с главой КНДР.

Сегодня так называемая северокорейская проблема продолжает остро стоять на повестке дня и вызывать беспокойство Токио. В политике Японии наблюдается несколько подходов к её урегулированию. Один из них подразумевает налаживание диалога. В первую очередь, это касается шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР. Несмотря на усилия участников и заявления Ким Чен Ына в 2018 г. о приостановке ракетных испытаний и ядерных запусков, уже спустя два года лидер КНДР подтвердил отмену одностороннего моратория и возобновление ракетно-ядерной программы⁶. В сентябре 2022 г. Верховное народное собрание КНДР приняло закон о ядерных силах, в котором были закреплены условия применения страной ядерного оружия⁷. Хотя фактически ядерный статус страны был внесён в конституцию КНДР в 2012 г., а закон 2022 г. заменил Закон о ядерном оружии 2013 г. и стал обновлённой версией документа, регламентирующего отношение государства к ядерному оружию и порядок его применения [Асмолов 2022]. Принятие нового закона демонстрирует, что северокорейское руководство не намерено отказываться от ракетно-ядерной программы и окончательно позиционирует КНДР как ядерную державу. Подобные тенденции свидетельствуют о малой результативности шестисторонних переговоров.

Во многом неудача переговорного процесса объясняется различиями в подходах участников и нежеланием искать компромисс. Япония не стала исключением и заняла достаточно жёсткую позицию в вопросе денуклеаризации Северной Кореи. Свою точку зрения Токио объясняет тем, что прошлые попытки уступок КНДР в обмен на постепенное сворачивание северокорейской ядерной программы не принесли позитивных результатов: Пхеньян неизменно нарушал обязательства и возвращался к прежнему курсу.

Другим фактором, влияющим на позицию Японии, является проблема похищения японцев северокорейскими спецслужбами в 1970–1980-е гг., которая вызывает широкий резонанс в японском обществе. Официальная позиция Токио состоит в том, что похищение японских граждан – критический вопрос, касающийся суверенитета Японии, жизни и безопасности населения, и без его решения невозможна нормализация отношений между Японией и Северной Кореей⁸. На фоне развития ракетно-ядерного потенциала КНДР и ухудшения обстановки на Корейском полуострове проблема похищений отошла на второй план. Это могло послужить причиной того, что японская сторона, беспокоясь о затягивании решения этого вопроса, стала увязывать его с ракетно-ядерной проблемой КНДР. Японские

⁶ КНДР отказалась от приостановки ядерных испытаний. *Коммерсантъ*, 20.01.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4226528> (дата обращения: 17.06.2023).

⁷ Новый закон о ядерных силах КНДР: концепция превентивного удара. *TACC*, 12.09.2022. URL: <https://tass.ru/opinions/15723299> (дата обращения: 17.06.2023).

⁸ Abductions of Japanese Citizens by North Korea. Overview. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, June 1, 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/index.html (accessed: 18.07.2023).

премьер-министры последних лет, включая Кисида Фумио, неоднократно подтверждали свою готовность к личной встрече с Ким Чен Ыном для обсуждения вопросов урегулирования ситуации на Корейском полуострове, при этом отмечая необходимость первоочередного решения проблемы похищений⁹. В свою очередь власти КНДР считают эту проблему давно решённой, подвергают критике позицию Японии и согласны на проведение саммита без предварительных условий и «оглядки на прошлое»¹⁰. Таким образом, проблема похищений остаётся серьёзным камнем преткновения в японо-северокорейских отношениях и препятствует развитию диалога между странами как в двустороннем, так и в многостороннем формате. При этом некоторые японские эксперты полагают, что для установления диалога между странами Токио следует отказаться от принципа «без решения проблемы похищений невозможна нормализация» [Yamamoto 2009: 34–42].

Второй подход подразумевает усиление санкционного давления на Пхеньян, включая введение новых санкций. Япония, как и другие союзники США, впервые ввела односторонние санкции в 2006 г. сверх тех мер, что были наложены Совбезом ООН. Новые санкции были введены Токио в 2016 и 2017 гг. в ответ на ракетно-ядерные испытания Северной Кореи, а затем продлены в 2019 и 2021 гг. Они предусматривают замораживание некоторых северокорейских активов, запрет на двустороннюю торговлю с КНДР, ограничение въезда северокорейских граждан и судов на территорию Японии, а также запрет на денежные переводы на сумму более 880 долл. Помимо этого Япония играет роль наблюдателя за соблюдением санкций, отслеживая перемещение северокорейских грузов в региональных водах. В апреле 2023 г. Япония приняла решение о продлении санкций против Северной Кореи на два года, включая запрет на любую торговлю, что стало ответом на серию запусков баллистических ракет Пхеньяном. В Токио отметили, что при принятии решения учитывались такие факторы, как «отсутствие прогресса в вопросе отказа Северной Кореи от своей ядерной и ракетной программ, а также нерешённая проблема похищения японских граждан Пхеньяном в прошлом»¹¹.

Оценивая санкции как инструмент давления на Пхеньян с целью разрешения ядерного кризиса, необходимо отметить их низкую эффективность. КНДР, несмотря на санкционный режим, действующий с 2006 г., продолжает модернизировать свою ядерную программу, а запуски баллистических ракет в последние годы заметно участились. Кроме того, ужесточение санкций может привести к обратному эффекту и подтолкнуть Северную Корею к более активным действиям в области ядерного развития. С момента своего прихода к власти в 2011 г. Ким Чен Ын провёл больше ракетных и ядерных испытаний, чем его предшественники в совокупности, а уровень северокорейских технологий стал значительно выше. Во многом это связано с особенностями северокорейской идеологии: лидер КНДР воспринимает продление и введение новых санкций как угрозу выживанию своего режима и предпринимает более активные действия, такие как усиление ракетных испытаний. Северокорейский «феномен» прошёл проверку временем: почти всю историю существования

⁹ Премьер Японии выступил за открытие новой эпохи в отношениях с КНДР. *TASS*, 13.06.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17995029> (дата обращения: 17.06.2023).

¹⁰ КНДР готова на саммит с Японией, если та не станет обсуждать тему похищений граждан. *Коммерсантъ*, 29.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6012679> (дата обращения: 19.06.2023).

¹¹ Japan to extend ban on all trade with North Korea by 2 years. *Kyodo News*, Apr 07, 2023. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/04/bb2a17fbac02-japan-to-extend-ban-on-all-trade-with-n-korea-by-2-years.html> (accessed: 20.06.2023).

страна развивалась в условиях санкций и жёсткого внешнего давления, которое последние десятки лет только усиливалось. Несмотря на это, КНДР продолжала развиваться в позитивном ключе и последовательно укреплять свою обороноспособность, в том числе в области создания осязаемого ракетно-ядерного потенциала [Воронцов 2021].

Примечательна риторика и самого северокорейского лидера. После принятия закона, регулирующего применение ядерного оружия, Ким Чен Ын заявил, что страна никогда не откажется от ядерного оружия, необходимого ей для противодействия Соединённым Штатам, которые, по его словам, стремятся ослабить обороноспособность Северной Кореи и в конечном итоге развалить правительство. Глава КНДР также не оставил в стороне вопрос санкционного давления на Пхеньян, подчеркнув, что «независимо от того, введут ли санкции на 100 дней или 100 лет, Северная Корея никогда не откажется от права на самооборону, которая сохраняет существование и безопасность страны»¹².

Следующий подход Японии в отношении КНДР предполагает укрепление японо-американского сотрудничества как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Япония традиционно рассматривает альянс с США как краеугольный камень обеспечения мира, безопасности и стабильности в регионе. Сменяющие друг друга правительства и премьер-министры, включая действующего премьера Кисида Фумио, независимо от партийной принадлежности и политических убеждений неизменно придерживаются курса на усиление американо-японского альянса в сфере обороны [Афонин 2013: 50–58]. В обновлённой Стратегии национальной безопасности Японии подтверждается ключевая роль альянса в обеспечении как национальной безопасности, так и безопасности в АТР, и отмечается, что в координации с США Япония намерена работать над укреплением японо-американского союза во всех областях, включая оборону¹³.

Наиболее активное оборонное сотрудничество наблюдается в области противоракетной обороны. На данный момент система ПРО Японии представляет собой двухуровневую систему защиты и включает американские системы ПРО Aegis, которые размещены на японских эсминцах, и зенитный комплекс Patriot PAC-3. В 2017 г. на фоне проведения Пхеньяном серии испытаний и ухудшения обстановки на Корейском полуострове Япония согласилась на развёртывание американских комплексов Aegis Ashore на своей территории. Помимо этого, рассматривалась возможность развёртывания системы ТНААД. Впоследствии японское правительство отказалось от этих планов в пользу систем ПРО Aegis морского базирования. Два новых эсминца, оснащённых системами ПРО Aegis с обновлённой модификацией ракет SM-3, поступили на вооружение морских сил самообороны Японии в 2020 и 2021 гг., а в ноябре 2022 г. прошли совместные японо-американские учения с испытанием систем ПРО на новых кораблях¹⁴.

Учитывая сегодняшние реалии, в которых Пхеньян продолжает развивать ракетно-ядерную программу, наиболее вероятной представляется перспектива дальнейшей модернизации и развёртывания американской системы ПРО на японской территории.

¹² North Korea declares itself a nuclear weapons state. *NPR*, Sep 10, 2022. URL: <https://www.npr.org/2022/09/10/1122196021/north-korea-declares-itself-a-nuclear-weapons-state> (accessed: 21.06.2023).

¹³ National Security Strategy of Japan. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Apr 05, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html (accessed: 23.06.2023).

¹⁴ Япония провела испытание систем ПРО Aegis и обновленных ракет SM-3 на двух новых кораблях. *TACC*, 21.11.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16385709> (дата обращения: 23.06.2023).

Тесная координация наблюдается и в сфере модернизации военно-морских сил. США постепенно наращивают мощь своих ВМС в японских водах. В январе 2023 г. в Вашингтоне прошли консультации внешнеполитических и оборонных ведомств двух стран, по итогам которых было официально объявлено о расширении присутствия американских морских пехотинцев в Японии путём формирования нового полка к 2025 г.¹⁵ Кроме того, за последние годы число совместных японо-американских военных учений значительно возросло. Если в 2013 г. Токио и Вашингтон провели учения 24 раза, то в 2023 г. эта цифра достигла 108¹⁶.

Ещё одним ответом Японии на угрозу со стороны КНДР является наращивание собственного военного потенциала. Эта тенденция находит яркое отражение в обновлённой Стратегии национальной безопасности Японии от 2022 г. В документе ядерная проблема КНДР обозначена как одна из угроз «свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону» и занимает второе место после угроз со стороны КНР. Согласно Стратегии, важным элементом обеспечения безопасности является укрепление собственного оборонного потенциала Японии для сдерживания противника и ответа на внешние угрозы. Для этой цели предусматривается резкое увеличение военных расходов и доведение их до уровня 2 % ВВП. Ещё одним ключевым моментом новой Стратегии стало создание возможности для нанесения Японией контрудара в случае «ракетной атаки со стороны противника»¹⁷.

Таким образом, на данный момент Япония рассматривает КНДР как одну из главных угроз национальной и региональной безопасности в АТР. Помимо участия в переговорном процессе, Токио является сторонником санкционного давления на Пхеньян. Кроме того, в последнее время страна придерживается курса на усиление собственного оборонного потенциала. Вместе с тем, политические круги Японии считают укрепление японо-американского альянса приоритетной мерой противодействия так называемой северокорейской угрозе. Подобное мнение разделяет и ряд японских экспертов, которые считают, что Япония, пользуясь американскими гарантиями, в сфере безопасности практически не имеет собственных рычагов воздействия на КНДР, поэтому ей необходимо углублять оборонное сотрудничество как с США, так и с Республикой Корея [Nakato 2013: 47–74].

Северокорейская проблема в треугольнике Япония–США–Республика Корея

Среди всех стран Северо-Восточной Азии Япония и Южная Корея в наибольшей степени разделяют серьёзную обеспокоенность в отношении так называемой северокорейской угрозы [Акаһа 2007: 297–320]. Территориальное соседство обеих стран с КНДР побуждает Токио и Сеул проводить политику сдерживания Пхеньяна. Ситуацию обостряет и фактическое отсутствие отношений между странами: официальные отношения между Японией и КНДР установлены не были, а конфликт двух Корей на сегодняшний день остаётся незавершённым. Риторика официального Сеула, как и Токио, в отношении Пхеньяна отличается достаточной жёсткостью. В Белой книге по вопросам обороны

¹⁵ Япония прощается с пацифизмом. *Коммерсантъ*, 13.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5771621> (дата обращения: 25.06.2023).

¹⁶ Defense of Japan 2023 (Annual White Paper). URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2023/DOJ2023_Digest_EN.pdf (accessed: 23.06.2023).

¹⁷ National Defense Strategy. Dec 16, 2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (accessed: 10.07. 2023).

Республики Корея от 2022 г. действия Северной Кореи и её программа охарактеризованы как «серьёзная угроза» безопасности страны, а правительству и вооружённым силам КНДР даётся определение «врага». Основными целями южнокорейской политики в сфере обороны, согласно документу, являются обеспечение готовности к угрозам и возможному вторжению Северной Кореи, предотвращение военных действий на Корейском полуострове и содействие мирному воссоединению Кореи в будущем¹⁸.

Ракетно-ядерная программа Пхеньяна и проводимые испытания в последнее время вызывают всё большую обеспокоенность у своих соседей, стимулируя Токио и Сеул укреплять двусторонние союзы с американской стороной. И Япония, и Южная Корея признают, что военное присутствие США в регионе играет решающую роль в сдерживании КНДР [Акаха 2007: 297–320].

В свою очередь, американцы продвигают так называемую систему «оси и спиц», суть которой сводится к формированию двусторонних альянсов между США и государствами АТР, в число которых входят Япония и Южная Корея. Такая концепция является важным инструментом Вашингтона для сохранения присутствия и укрепления влияния в значимом регионе. При этом интересы американской стороны направлены не столько на противодействие северокорейской угрозе, сколько на сдерживание растущей мощи Китая. В феврале 2022 г. была обнародована обновлённая Индо-Тихоокеанская стратегия США, значительное место в которой отводится именно КНР: в документе не раз подчёркивается, что усиление внимания со стороны США отчасти объясняется тем, что Индо-Тихоокеанский регион сталкивается с растущими вызовами, главный из которых исходит со стороны Китая. Кроме того, в Стратегии 2022 заметный акцент сделан на вопросах сотрудничества с союзниками и партнёрами. Вновь подтверждается приверженность Вашингтона идее «свободного и открытого, взаимосвязанного, процветающего, безопасного и устойчивого Индо-Тихоокеанского региона», для реализации которой Соединённые Штаты «будут укреплять собственную роль в регионе, одновременно укрепляя сам регион»¹⁹. Стратегия содержит пять целей, каждую из которых США намерены реализовывать «в сотрудничестве с партнёрами и в рамках укрепления союзов»²⁰. При этом упоминание о ядерной проблеме КНДР встречается лишь однажды – в разделе, посвящённом укреплению Индо-Тихоокеанской безопасности.

Также как и Япония, Республика Корея находится под американским ядерным «зонтиком». Система ПРО в Южной Корее представлена комплексами THAAD и Patriot PAC-3. Согласно совместному заявлению США и РК, размещение THAAD является «оборонительной мерой для обеспечения безопасности Республики Корея и её народа и призвано защитить вооружённые силы альянса от угроз со стороны Северной Кореи, связанных с оружием массового поражения и запусками баллистических ракет»²¹. В апреле

¹⁸ 2022 Defense White Paper. *Ministry of National Defense of the Republic of Korea*. URL: https://www.mnd.go.kr/user/mndEN/upload/pblicitn/PBLICTNEBOOK_202307280406019810.pdf (accessed: 24.06.2023).

¹⁹ US Indo-Pacific Strategy 2022, p. 9. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 27.06.2023).

²⁰ US Indo-Pacific Strategy 2022, p. 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 27.06.2023).

²¹ Korea, US agree to deploy THAAD. *The Korea Times*, Aug 07, 2016. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/08/113_208967.html (accessed: 25.06.2023).

2023 г. США и Республика Корея подписали Вашингтонскую декларацию, которая закрепила тенденции сотрудничества союзников в области безопасности. Декларация отразила намерение американо-южнокорейского альянса принимать «более глубокие совместные решения» в области ядерного сдерживания, в том числе путём расширения диалога и обмена информацией о растущих ядерных угрозах для Республики Корея и региона в целом. Американская сторона подчеркнула, что их обязательства по расширенному сдерживанию подкреплены всем спектром американских возможностей, включая ядерные, а наращивание регулярного присутствия стратегических сил и средств США на Корейском полуострове будет только усиливаться. Стороны договорились и о совершенствовании совместных учений по отработыванию ядерного сдерживания на Корейском полуострове.

Знаменательным стало решение о создании новой Консультативной группы по ядерным вопросам (Nuclear Consultative Group) в целях «укрепления расширенного сдерживания, обсуждения вопросов ядерного и стратегического планирования, а также управления угрозой режиму нераспространения, исходящей от КНДР»²². Первое заседание группы состоялось в июле 2023 г. и совпало с заходом в южнокорейский порт стратегической атомной подводной лодки США USS Kentucky. Всего несколько дней спустя на военно-морскую базу Чеджудо прибыла другая американская подводная лодка USS Annapolis. Данные мероприятия были проведены в рамках усиления совместной обороны и на фоне ракетных запусков со стороны Пхеньяна²³.

Стоит отметить, что взаимодействие треугольника Япония–США–Республика Корея долгое время осложнялось японо-южнокорейским фактором. «Занозами» в отношениях Токио и Сеула, корни которых уходят в колониальное прошлое Японии на Корейском полуострове, являются тема эксплуатации корейских рабочих японскими компаниями в военный период и проблема выплат за принудительный труд, проблема «*ианфу*» («женщин для утешения»), а также территориальный спор вокруг островов Такэсима (кор. Токто). Несмотря на то, что в диалоге Японии и Республики Корея наблюдались периоды позитивного подъёма, всё чаще их вектор обращался в драматическое прошлое [Кистанов 2019: 33–48]. Нерешённые проблемы сказывались на общем уровне отношений между странами, который оставался достаточно низким, что, в свою очередь, оказывало негативное влияние на сотрудничество в сфере безопасности.

Ситуация изменилась в 2022 г. после прихода к власти в Республике Корея нового президента Юн Сок Ёля, взявшего курс на восстановление связей с Токио²⁴. Приоритетными направлениями своей политики южнокорейский лидер обозначил сближение с Японией и укрепление двустороннего союза с США на фоне возрастания общих угроз безопасности, в том числе – КНДР. «Оттепель» в отношениях Японии и Республики Корея наглядно проявилась в сфере обеспечения безопасности. После первого за долгие годы саммита между главами государств позитивный сдвиг наметился в области обмена разведывательными данными. Стороны приняли решение о возобновлении соглашения об обмене военной

²² Washington Declaration. *The White House*, Apr 26, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/26/washington-declaration-2/> (accessed: 27.06.2023).

²³ В Южную Корею снова прибыла атомная подводная лодка США. *РИА Новости*, 24.07.2023. URL: <https://ria.ru/20230724/podlodka-1885867431.html> (дата обращения: 24.07.2023).

²⁴ Япония и Корея собирают камни преткновения. *Коммерсантъ*, 15.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5875555?ysclid=llb367zi9f408274640> (дата обращения: 07.07.2023).

информацией (General Security of Military Information Agreement), действие которого находилось под угрозой в 2019 г. в связи с ухудшением японо-южнокорейских отношений.

Наращивание оборонного сотрудничества происходит и в рамках треугольника Япония–США–Республика Корея. На фоне усилившихся ракетных испытаний КНДР, в том числе межконтинентальной баллистической ракеты Hwasong-18, страны провели ряд совместных учений. Так, в апреле 2023 г. состоялись трёхсторонние противолодочные учения, целью которых стало усовершенствование потенциала, необходимого для реагирования на растущие угрозы со стороны северокорейского подводного флота, включая атаки баллистических ракет подводных лодок²⁵. В июле 2023 г. Токио, Вашингтон и Сеул провели совместные учения по противоракетной обороне в международных водах Японского моря с участием эсминцев Aegis трёх стран.

Говоря о перспективах дальнейшего трёхстороннего сотрудничества, необходимо отметить, что на сегодняшний день продолжается вовлечение Японии и Южной Кореи в формирование и укрепление региональной ПРО под эгидой США. Развитие американской ПРО неразрывно связано с характером угроз безопасности Соединённых Штатов и их союзников в АТР [Коньшев, Сергунин 2016: 165–177]. Несмотря на то, что ситуация на Корейском полуострове не является единственной проблемой для региональной безопасности, а сотрудничество союзников всё больше принимает антикитайскую направленность, наличие так называемой северокорейской угрозы остаётся обоснованием расширения американского присутствия в АТР. Действия Пхеньяна в регионе становятся аргументом в пользу наращивания оборонного сотрудничества Токио, Вашингтона и Сеула.

Поскольку дипломатическая напряжённость между Южной Кореей и Японией препятствует эффективному трёхстороннему сотрудничеству и ставит под угрозу интересы американской безопасности [Noland 2019], США будут способствовать дальнейшему упрочению линии Токио–Сеул. Начавшаяся с приходом новой южнокорейской администрации оттепель в японо-корейских отношениях позитивно сказалась и на усилении оборонного сотрудничества в треугольнике Япония–США–Республика Корея, что подтверждают совместные действия союзников в регионе. Вместе с тем для наращивания американского присутствия в АТР Вашингтон будет продолжать убеждать союзников в надёжности гарантий своего «ядерного зонтика». В ближайшей перспективе можно ожидать более тесную координацию треугольника в сфере безопасности, особенно на фоне намечившегося усиления линии Китай–Россия–Северная Корея (наращивание российско-китайского сотрудничества в военной сфере, визит министра обороны РФ С. Шойгу и члена Политбюро ЦК КПК Ли Хунчжуна в КНДР в июле 2023 г., укрепление связей Пекина и Пхеньяна, визит северокорейского лидера Ким Чен Ына в Россию в сентябре 2023 г.).

Серьёзным прорывом на пути формирования эффективной структуры сотрудничества треугольника Япония–США–Республика Корея стала встреча лидеров трёх стран в Кэмп-Дэвиде, состоявшаяся 18 августа 2023 г. По итогам исторического трёхстороннего саммита был опубликован ряд документов, среди которых – «Принципы Кэмп-Дэвида» (Camp David Principles) и «Дух Кэмп-Дэвида» (Camp David Spirit). В первом основное внимание уделяется приверженности сторон идее «свободного и открытого ИТР», основанного на уважении

²⁵ US, Japan, South Korea Conduct Joint Anti-submarine Exercise. *The Diplomat*, Apr 05, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/us-japan-south-korea-conduct-joint-anti-submarine-exercise/> (accessed: 02.07.2023).

международного права, общих норм и ценностей. Документ содержит завуалированные выпады в сторону Китая: союзники подтверждают неизменность позиций по тайваньскому вопросу и выступают против «любых односторонних попыток изменить статус-кво с помощью силы или принуждения» [Парамонов 2023]. Не осталась без внимания и северокорейская ракетно-ядерная программа: стороны отметили необходимость полной денуклеаризации КНДР согласно соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН²⁶.

В «Духе Кэмп-Дэвида» антикитайская риторика проявляется уже открыто в виде осуждения действий Пекина в Южно-Китайском море. Помимо растущего влияния Китая, «испытаниями на прочность» для треугольника Япония–США–РК названы глобальное изменение климата, проводимая Россией СВО на Украине, ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи. На последнем пункте в документе делается значительный акцент. Стороны осудили развитие ядерной программы Пхеньяна и ракетные запуски и повторно выразили приверженность полной денуклеаризации КНДР, а также объявили о создании трёхсторонней рабочей группы для «борьбы с киберугрозами со стороны Северной Кореи и блокирования уклонения страны от санкций с помощью кибертехнологий». Лидеры отметили своё намерение к концу 2023 г. ввести в действие механизм обмена данными предупреждений о ракетном нападении КНДР в режиме реального времени, а также продолжать расширение сотрудничества в области противоракетной обороны для противодействия ядерным и ракетным угрозам со стороны Пхеньяна²⁷. Кроме того, страны обязались проводить трёхсторонние консультации «в оперативном порядке» с целью координации действий в ответ на региональные вызовы, провокации и угрозы, затрагивающие их коллективные интересы и безопасность²⁸.

Саммит в Кэмп-Дэвиде имеет важное значение для функционирования треугольника Япония–США–Республика Корея. В первую очередь, он стал показателем успешной политики Вашингтона по сближению Токио и Сеула. Кроме того, встреча продемонстрировала новый этап развития трёхстороннего сотрудничества, которое имеет предпосылки к тому, чтобы оформиться в качественно новую структуру, наряду с QUAD и AUKUS.

Вместе с тем, укрепление треугольника Япония–США–РК обостряет ситуацию на Корейском полуострове и затрудняет разрешение ядерной проблемы КНДР. Пхеньян рассматривает сотрудничество союзников как намеренную эскалацию и попытку создать новый военный блок в регионе, а совместные учения характеризует как провокации. Проведение ядерных испытаний и ракетных запусков КНДР считает ответными действиями, которые необходимы для обеспечения безопасности на Корейском полуострове²⁹.

Позиция Пхеньяна основывается на том, что обладание ядерным оружием – это вопрос выживания страны. Сам Ким Чен Ын не раз высказывался о ЯО как о гарантии безопасности

²⁶ Camp David Principles. *The White House*, Aug 18, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/camp-david-principles/> (accessed: 21.08.2023).

²⁷ The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States. *The White House*, Aug 18, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (accessed: 21.08.2023).

²⁸ Commitment to Consult. *The White House*, Aug 18, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/commitment-to-consult/> (accessed: 21.08.2023).

²⁹ МИД КНДР обвинил США, Японию и Южную Корею в пересечении «опасной черты». *TASS*, 04.03.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17196427> (дата обращения: 16.09.2023).

КНДР, которая оградит страну не только от военных угроз, но и от «любой формы политического давления»³⁰. В этом плане ядерную проблему КНДР стоит рассматривать без отрыва от международного контекста [Стефанович 2018]. Северокорейское руководство давно извлекло урок из опыта Ирака и Ливии. Ливийский прецедент особенно показателен для Пхеньяна, который рассматривает печальный опыт страны как результат отказа её лидера от разработки ядерного оружия. Подобная точка зрения звучала и с российской стороны. Так, постпред РФ при ООН Василий Небензя отмечал, что пример иракского лидера Саддама Хусейна и главы Ливии Муаммара Каддафи побуждает КНДР ускоренно модернизировать свою ракетно-ядерную программу³¹.

Россия как участница шестисторонних переговоров признаёт необходимость разрешения ядерной проблемы КНДР, но при этом не согласна с методами, которые продвигают Токио, Вашингтон и Сеул. Схожей позиции придерживается и Китай. Достаточно вспомнить российско-китайские инициативы по урегулированию ситуации на Корейском полуострове, которые предполагают взаимные шаги для решения проблемы: «заморозку» ракетно-ядерной программы Пхеньяна в обмен на приостановку военных учений США и союзников в районе Корейского полуострова, а затем переход к переговорам.

Мнение о невозможности урегулировать ситуацию на Корейском полуострове с помощью усиления давления не раз звучало в российских политических кругах. Показательны заявления Президента РФ Владимира Путина: российский лидер отмечал, что проблема заключается в пренебрежении интересами Пхеньяна, а её решение должно основываться не на дальнейшем ужесточении санкций и усилении военного сотрудничества, а на предоставлении КНДР гарантий безопасности и сохранения суверенитета³².

Заключение

Корейский полуостров, ставший потенциальным детонатором вооружённого конфликта в АТР в самый разгар холодной войны, в настоящее время по-прежнему представляет собой серьёзный очаг нестабильности в регионе. Северная Корея продолжает модернизировать ядерный потенциал и увеличивает число ракетных испытаний. С начала текущего года страна провела ряд испытаний, в том числе новой межконтинентальной баллистической ракеты Hwasong-18. Подобная активность вызывает серьёзную обеспокоенность стран региона, в частности Японии, чей политический курс в отношении Северной Кореи обусловлен нежеланием иметь опасный очаг напряжённости рядом со своей территорией. В свою очередь, КНДР, ссылаясь на международный опыт, считает ядерное оружие гарантией безопасности страны.

Базой для урегулирования северокорейской проблемы являются шестисторонние переговоры с участием КНДР, Республики Корея, Японии, России, Китая и США, запущенные в 2003 г. Переговорный процесс осложняют острые противоречия между участниками, которые не желают идти на компромисс. Это приводит к отказу

³⁰ Ким Чен Ын назвал ядерное оружие гарантией безопасности Северной Кореи. *РБК*, 28.07.2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5f1fb13b9a794791ffad4ed0?ysclid=lmqvhtlea265759959> (дата обращения: 15.09.2023).

³¹ Небензя рассказал о роли судеб Хусейна и Каддафи в ракетной программе КНДР. *РИА Новости*, 22.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170922/1505287139.html> (дата обращения: 15.09.2023).

³² Путин назвал хамство в адрес Пхеньяна причиной ядерной проблемы КНДР. *РИА Новости*, 27.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221027/kndr-1827355765.html?ysclid=lmt4gajv38712943603> (дата обращения: 17.09.2023).

северокорейской стороны от участия в переговорах, которые на сегодняшний день фактически заморожены.

Развитие ракетно-ядерной программы КНДР является главным аргументом в пользу развёртывания и дальнейшего расширения американской системы ПРО в АТР, преимущественно на территории Японии и Южной Кореи. В качестве меры противодействия так называемой северокорейской угрозе Вашингтон, Токио и Сеул проводят политику «давления» в отношении Пхеньяна. Однако, несмотря на санкции и серьёзные проблемы с экономикой, КНДР развивает ракетно-ядерную программу и поддерживает высокие расходы на оборону. Усиление военного сотрудничества треугольника Япония–США–РК также не способствует снижению напряжённости на Корейском полуострове: регулярные учения Вашингтона и союзников в АТР Пхеньян воспринимает как угрозу своей безопасности, в качестве ответных шагов быстрыми темпами наращивает военный потенциал, продолжает совершенствовать ракетно-ядерную программу и проводить испытания.

В свою очередь Россия и Китай, признавая необходимость урегулирования ситуации на Корейском полуострове, связывают ядерную проблему КНДР с отсутствием гарантий безопасности для страны и считают, что её решение должно основываться на диалоге, а не усилении давления.

Как представляется, возвращение к переговорам является оптимальным форматом урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Вовлечённым в переговоры странам стоит придерживаться линии, которая позволила бы минимизировать противоречия между непримиримыми участниками, чтобы добиться выполнения ранее достигнутых пунктов путём осуществления встречных шагов. При этом необходимо принимать во внимание сложившиеся реалии: закреплённый в Конституции КНДР ядерный статус, принятый в 2022 г. закон о политике страны в отношении ядерных вооружённых сил и неоднократные заявления северокорейского руководства о том, что страна является ядерной державой. Очевидно, что говорить о полной денуклеаризации Северной Кореи не представляется возможным. В виде альтернативы на обсуждение может быть вынесен вопрос о замораживании части ракетно-ядерных разработок и уменьшении количества испытаний. Кроме того, разрешение ядерной проблемы КНДР, считающей наличие ядерного оружия законным и неотъемлемым правом на самозащиту, предполагает предоставление стране надёжных гарантий безопасности. Со своей стороны Япония может способствовать предоставлению экономических гарантий и взять на себя одну из ведущих ролей в этом процессе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асмолов К.В.* КНДР представляет новую ядерную доктрину // Российский совет по международным делам. 14.09.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kndr-predstavlyaet-novuyu-yadernuyu-doktrinu/> (дата обращения: 03.07.2023).
- Афонин Б.М.* Япония-2013: либерал-демократы усиливают позиции // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 50–58.
- Воронцов А.В.* В КНДР все под контролем // Российский совет по международным делам. 23.09.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-kndr-vse-pod-kontrolem/> (дата обращения: 07.07.2023).

- Домахина Ю.А. Роль японо-американского альянса в системе региональной безопасности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 1. С. 52–65. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-1-52-65
- Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33–48. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 5. С. 165–177.
- Парамонов О.Г. Кэмп-Дэвид и «азиатское НАТО» // Международная жизнь. 23.08.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41896> (дата обращения: 25.08.2023).
- Стефанович Д.В. КНДР и ядерное нераспространение: смертельный удар или шоковая терапия? // Российский совет по международным делам. 23.01.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kndr-i-yadernoe-nerasprostranenie-smertelnyy-udar-ili-shokovaya-terapiya/> (дата обращения: 15.09.2023).

REFERENCES

- Afonin B.M. (2013). Yaponiya-2013: liberal-demokraty usilivayut pozicii [Japan 2013: Liberal Democrats are strengthening their positions]. *Rossiia i ATR [Russia and APAC]*, 4: 50–58. (In Russian).
- Asmolov K.V. (2022). KNDR predstavlyayet novuyu yadernuyu doktrinu [DPRK presents new nuclear doctrine]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kndr-predstavlyaet-novuyu-yadernuyu-doktrinu/> (accessed: 03.07.2023). (In Russian).
- Domakhina Yu.A. (2023). Rol' yapono-amerikanskogo al'yansa v sisteme regional'noy bezopasnosti [The role of the Japan-U.S. Alliance in the regional security system]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 1: 52–65. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-1-52-65
- Kistanov V.O. (2019). Otnosheniya mezhdru Yaponiyey i Yuzhnoy Koreyey: problemy, tendentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: problems, trends, perspectives]. *Yaponskie issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 3: 33–48. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019
- Konyshhev V.N., Sergunin A.A. (2016). Politika SShA po sozdaniyu sistem protivoraketnoy oborony v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The U.S. policy for building ballistic missile defense system in the Asia-Pacific region]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]*, 5: 165–177. (In Russian).
- Paramonov O.G. (2023). Kemp-Devid i «aziatskoye NATO» [Camp David and “Asian NATO”]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [The International Affairs]*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41896> (accessed: 25.08.2023). (In Russian).
- Stefanovich D.V. (2018). KNDR i yadernoye nerastrostraneniye: smertel'nyy udar ili shokovaya terapiya? [DPRK and nuclear non-proliferation: death blow or shock therapy?]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kndr-i-yadernoe-nerasprostranenie-smertelnyy-udar-ili-shokovaya-terapiya/> (accessed: 15.09.2023). (In Russian).
- Vorontsov A.V. (2021). V KNDR vse pod kontrolem [North Korea got it covered]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-kndr-vse-pod-kontrolem/> (accessed: 07.07.2023). (In Russian).

* * *

- Akaha T. (2007). Japanese Policy toward the North Korean Problem. Balancing Bilateralism and Multilateralism. *Journal of Asian and African Studies*, 42 (3): 297–320. DOI: 10.1177/0021909607076708

- Noland M. (2019). Alliances under Stress: South Korea, Japan, and the United States. *East-West Center*.
- Shunji H. (2020). Japan's policy on North Korea: four motives and three factors. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 9 (3): 1–17. DOI: 10.1080/24761028.2020.1762300
- Soeya Y. (2019). Japan and Peace on the Korean Peninsula: The Need for a Flexible Approach. *Asia Policy*, 14 (1): 167–171. DOI: 10.1353/asp.2019.0003
- Yamamoto T. (2009). Abduction: Japan's Blunders in Negotiations with North Korea. *North Korean Review*, 5 (2): 34–42. DOI: 10.3172/NKR.5.2.34
-

Поступила в редакцию: 12.09.2023

Принята к публикации: 23.09.2023

Received: 12 September 2023

Accepted: 23 September 2023

DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-22-38

Корейское меньшинство в Японии: проблемы дискриминации и социальной дезадаптации

Стрельцов Дмитрий Викторович^{1,2}

¹ МГИМО МИД России

² Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье рассматривается проблема дискриминации проживающих в Японии этнических корейцев (*дзайнити*), которые сталкиваются с различными её проявлениями – от психологической травли до прямых запугиваний и оскорблений. Автор показывает историческую подоплёку данной проблемы и приходит к выводу о том, что неоднозначное правовое положение корейцев в Японии, предвзятое отношение японцев к корейцам-*дзайнити*, обострившийся в последнее десятилетие вопрос «ненавистнических речей», дискриминация «корейских школ» в Японии и прочие аспекты проблемы в значительной степени определяются негативным историческим наследием в отношениях Японии со странами Корейского полуострова. Своё влияние оказывает также раздел Корейского полуострова, который находит отражение в расколе корейской диаспоры и взаимной враждебности между двумя её полюсами, ориентирующимся на Север или на Юг Кореи. Нелюбовь японцев к Северной Корее, выступающей в их глазах источником прямой военной угрозы, проявляется в дискриминационной по отношению к «корейским школам» политике правительства и местных властей, которые исключают эти школы из публичной системы финансовой поддержки.

Ключевые слова: корейцы-*дзайнити*, дискриминация, «корейские школы», *Чонгрин*, «ненавистнические речи», *Дзайтокукай*, ресентимент.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76); ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7177-2831. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Корейское меньшинство в Японии: проблемы дискриминации и социальной дезадаптации // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 22–38. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-22-38

Korean minority in Japan: Problems of discrimination and social maladaptation

Streltsov Dmitry V.^{1,2}

¹ Moscow State Institute of International Relations

² Institute of China and Contemporary Asia RAS

Abstract. The article deals with the problem of discrimination of ethnic Koreans living in Japan (*Zainichi Koreans*), who face it in various forms – from psychological harassment to direct intimidation and insults. The author shows the historical background of this problem and comes to the conclusion that the ambiguous legal status of Koreans in Japan, the biased attitude of the Japanese towards Koreans, the issue of “hate speeches” that has aggravated in the last decade, the discrimination of “Korean schools” in Japan and other aspects of the problem are largely determined by the negative historical legacy in Japanese relations with the countries of the Korean peninsula. The division of the Korean peninsula also has its influence, which is reflected in the split of the Korean diaspora and mutual hostility between its two poles, oriented towards the North or the South of Korea. The Japanese dislike of North Korea, which in their eyes is a source of direct military threat, manifests itself in the discriminatory policy of the government and local authorities towards “Korean schools”, which exclude these schools from the public financial support system.

Keywords: *Zainichi* Koreans, discrimination, “Korean schools”, Chongryon, “hate speeches”, *Zaitokukai*, resentment.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, DSc (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7177-2831. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support: This research was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 23-18-00109).

For citation: Streltsov D.V. (2023). Koreiskoe menshinstvo v Yaponii: problemi diskriminacii i socialnoi dezadaptacii [Korean minority in Japan: problems of discrimination and social maladaptation]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 4: 22–38. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-22-38

Среди проживающих в Японии этнических меньшинств наиболее крупным являются корейцы, которых в Японии именуют дзайнити (букв. «находящийся в Японии»). Речь идет о сотнях тысяч корейцев, зарегистрированных в Японии в качестве «граждан Кореи» или «граждан Южной Кореи» и имеющих в массе своей статус «иностранных резидентов» с правом постоянного проживания. С 1952-го по 1991 г., когда Япония реформировала свою политику иммиграционного контроля и приняла Закон об иммиграционном контроле и признании беженцев, корейцы-дзайнити составляли 95% иностранцев в Японии [Park 2017: 72-73].

По состоянию на конец 2022 г. в Японии насчитывалось 436 670 корейцев-дзайнити. В эту статистику включаются лица, имеющие «специальное право постоянного проживания» *токубэцу эйдзюся* (260 605 «граждан Южной Кореи» и 24 854 «граждан Кореи») и лица просто с «правом постоянного проживания» *эйдзюся* (соответственно, 75 805 «граждан

Южной Кореи» и 373 «граждан Кореи»¹. Кроме того, имеется также некоторое количество лиц с правом «длительного проживания» *тэйдзюся*, а также корейцев, являющихся иждивенцами либо японцев, либо постоянно проживающих в Японии иностранцев.

При этом по статистике десять лет назад их было существенно больше – например, на конец 2011 г. был зарегистрирован 545 401 кореец как иностранец [Itagaki 2015: 51]. Снижение их количества связано с тем, что некоторые корейцы получают японское гражданство по личному заявлению, взяв при этом японское имя, некоторые получают двойное гражданство, будучи рождёнными в смешанных семьях, в связи с чем точное количество проживающих в Японии корейцев установить сложно. Поскольку в официальной статистике отсутствуют данные по этническому происхождению, корейцы, получившие японское гражданство, становятся для неё невидимыми. Таким образом, статистика и многие документальные исследования свидетельствуют, что число *дзайнити* неуклонно сокращается: они либо ассимилируются, либо исчезают по естественным причинам (хотя масштаб этого явления не всегда можно точно определить).

Серьёзную социальную проблему в послевоенный период представляла открытая и скрытая дискриминация корейцев-*дзайнити*. Она имела место и в бытовой, и в общественной жизни, когда предрассудки играли ключевую роль при поступлении на работу, вступлении в брак и т.д. Кроме того, в Японии имеются ультраправые организации, которые выступают за репатриацию корейцев, не желающих «натурализоваться» в качестве японских граждан, и проводят различные оскорбительные для корейцев акции.

Предыстория проблемы корейцев-*дзайнити*

Большинство корейцев-*дзайнити* — это потомки иммигрантов, которые мигрировали в японскую метрополию в колониальный период. В 1909 г., за год до аннексии Кореи, в Японии проживало всего 790 корейцев [Itagaki 2015: 51]. В 1910 г. все жители Корейского полуострова стали подданными японского императора. Корейские и тайваньские мигранты стали прибывать в страну как подданные Японской империи и, таким образом, имели японское гражданство, не нуждаясь в паспортах или визах.

С начала 1920-х гг. начался процесс интенсивной миграции корейцев в Японию. После Первой мировой войны японские колониальные власти отбирали у проживавших в сельской местности корейцев пахотные земли, лишая их средств к существованию и побуждая к эмиграции в Японию, где наблюдался спрос на дешёвые рабочие руки. С 1920 по 1930 г. число корейцев в Японии выросло в десять раз и достигло примерно 420 тыс. человек². К 1935 г. их численность достигла 625 682 человек [Park 2017: 69]. После начала войны с Китаем и особенно с США, в связи с проведением нескольких мобилизаций в материковой Японии проявилась острая нехватка рабочей силы, особенно на военных предприятиях. Власти пытались восполнить её дефицит за счёт ввоза работников из колоний – и прежде всего из Кореи и Тайваня.

¹ 在留外国人統計 [Статистика иностранцев в Японии]. URL: https://www.e-stat.go.jp/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00250012&tstat=000001018034&cycle=1&year=20220&month=24101212&tclass1=000001060399&result_back=1&tclass2val=0 (accessed: October 14, 2023).

² Min Jeong Lee. Do the country's new anti-bias measures have any teeth? *Bloomberg*, October 18, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2021-10-17/koreans-in-japan-hate-speech-case-highlights-workplace-racism> (accessed: October 14, 2023).

Во время войны около 634 тыс. корейцев против своей воли были доставлены в Японию для работы в шахтах, строительстве, обрабатывающей промышленности и машиностроении³. После введения воинской повинности в Корею в 1944 г. в императорскую армию Японии было призвано более 150 тыс. корейцев. Когда Япония капитулировала, в стране проживало около 2 млн корейцев. Большинство из них либо приехали в Японию в результате трудовых и военных мобилизаций, либо уже родились в семьях переехавших.

Как бывшим колониальным подданным, корейцам и тайваньцам, проживающим в Японии, в соответствии с международным правом должен был быть предоставлен выбор между японским гражданством и гражданством их новой независимой родины. В отличие от коренных японцев, у них отсутствовала регистрация по месту жительства и потому был неопределённый юридический статус. Даже корейцы и тайваньцы второго поколения, рождённые в Японии, не могли в полной мере рассчитывать на японское гражданство, так как в Японии, в отличие от США и ряда других стран, никогда не было гражданства по праву рождения.

К концу декабря 1945 г. около 1,4 млн человек вернулись на Корейский полуостров (в основном к югу от 38-й параллели). Примерно 600 тыс. корейцев и тайваньцев остались в Японии, большинство из них намеревались вернуться в Корею, но колебались из-за экономической и политической нестабильности на своей исторической родине, тем более что они не могли привезти с собой нажитое в Японии имущество. К тому же начавшаяся в 1950 г. война на полуострове практически остановила процесс репатриации – наоборот, многие из уехавших ранее корейцев возвращались обратно в Японию. В 1952 г. в Японии оставалось около 535 тыс. корейцев⁴.

Ближе к концу Второй мировой войны японское правительство рассматривало возможность разрешить корейцам и тайваньцам, проживающим в Японии, перенести регистрацию своих семей в «саму Японию» (*найти*). Как подходящее решение в отношении корейцев и тайваньцев, оставшихся в Японии после окончания войны, эту идею рассматривал и главнокомандующий оккупационными силами США в Японии Д. Макартур. Однако позиция американского правительства была противоречивой. С одной стороны, оно считало, что живущие в Японии бывшие жители японских колоний являются представителями «освобождённых народов», которых следует защищать и о которых следует заботиться до тех пор, пока они не смогут вернуться в свои родные страны [Park 2017: 69]. С другой стороны, корейцы были гражданами враждебного государства, представители которого воевали против стран-победительниц, а потому в их глазах никакой специальной милости не заслуживали, во всяком случае, особых мер по возмещению им психологического и морального ущерба, связанного с насильственным перемещением в Японию, оккупационные власти от японского правительства не ожидали. При этом, как отмечал российский исследователь В.А. Гринюк, американцы смотрели на проживающих в Японии корейцев, многие из которых были связаны с коммунистами, как на потенциально подрывные элементы [Гринюк 2013: 126].

³ Min Jeong Lee. Do the country's new anti-bias measures have any teeth? *Bloomberg*, October 18, 2021. <https://www.bloomberg.com/news/features/2021-10-17/koreans-in-japan-hate-speech-case-highlights-workplace-racism> (accessed: October 14, 2023).

⁴ 趙慶濟 [Kyungjae Cho] 「在日韓国・朝鮮人の属人法に関する論争」 [The dispute about a personal law of the South Koreans and North Koreans, who reside permanently in Japan]. *立命館法学* [Ritsumeikan hogaku], 2007, 2: 312. URL: <https://www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/law/lex/07-2/cho.pdf> (accessed: October 14, 2023).

В результате этой двусмысленности главнокомандующий оккупационными силами так и не смог принять решение о правовом статусе японских корейцев. Японское правительство, в свою очередь, пообещало сохранить для бывших иммигрантов из колоний японское гражданство до заключения мирного договора. Под давлением Штаба оккупационных войск (ШОВ) Япония объявила о предоставлении своим бывшим подданным, которые оставались в стране, нерадостного выбора: либо вернуться на историческую родину, либо пройти процесс натурализации (часто унижительный), чтобы стать гражданами Японии [Debito 2015: 715].

В реальности же японские власти делали всё, чтобы заставить корейцев вернуться на родину, пусть даже без денег и имущества. Уже с первых месяцев оккупации начался процесс исключения неапонцев из числа претендентов на японское гражданство, даже несмотря на тот факт, что до конца оккупации по международному праву они всё ещё оставались гражданами Японии.

Первый шаг в этом процессе был сделан в декабре 1945 г., когда был принят закон, распространяющий избирательное право на женщин. В соответствии с той же мерой право голоса было ограничено владельцами регистрации по месту жительства *найми косэки*, что лишило гражданских и политических прав корейцев и тайваньцев, проживающих в Японии. Следующим таким шагом стало введение в 1947 г. системы регистрации иностранцев [Morris-Suzuki 2015: 75]. Принятым 2 мая постановлением предлагалось «до особого распоряжения считать корейцев и тех тайваньцев, которые определены министерством внутренних дел, иностранцами» [Lee 2010: 169]. В отсутствие иных правовых норм японское правительство получило на его основе возможность по своему усмотрению применять в отношении тайваньцев и корейцев любые меры административного воздействия, касающиеся жителей страны, не имеющих японского гражданства.

Новая иммиграционная политика, введённая в действие в 1952 г., установила систему регистрации иностранцев для всех постоянно проживающих неграждан, чтобы отслеживать их местонахождение как «иностранцев», и иные меры контроля, которые не применялись к законопослушным гражданам Японии. Например, было введено снятие отпечатков пальцев и обязательное, под угрозой уголовного наказания, ношение при себе удостоверений личности, а также практика проверки полицией личности иностранцев даже без наличия достаточных оснований.

В 1950 г. японский парламент принял новый, пересмотренный с довоенного периода, Закон о гражданстве. В нём сохранялось довоенное правило, согласно которому японское гражданство приобреталось по наследству или по линии крови (*ius sanguinis*), а не по месту рождения (*ius soli*), и наследовалось от отцов, но не матерей [Morris-Suzuki 2015: 76]. Иными словами, только японцам «японской крови» (от японского мужчины) было разрешено сохранить свое японское гражданство после Второй мировой войны. Исключение составили неапонцы – коренные жители страны, проживавшие в пределах нынешних суверенных границ Японии, то есть айны Хоккайдо, а позже рюкюсцы Окинавы [Debito: 716]. Закон о гражданстве 1950 г., а также Закон об иммиграционном контроле, принятый в 1951 г., окончательно закрепили статус корейцев и тайваньцев как иностранцев.

Хотя Закон о гражданстве был разработан японским правительством, а не оккупационными властями, последние в целом его приветствовали: в отчёте юридического отдела ШОВ он был охарактеризован как «исключительно хороший законодательный акт» [Morris-Suzuki 2015: 76].

В день вступления в силу Сан-Францисского мирного договора японское правительство объявило о своём решении лишить японского гражданства всех бывших колониальных подданных Кореи и Тайваня, проживающих в Японии (постановление № 438 от 19 апреля 1952 г.) [Lee 2010: 170]. Это решение логически вытекало из отказа Японии от Кореи и Тайваня и признания ею независимости стран Корейского полуострова. И хотя межгосударственных отношений с данными странами установлено не было, и обе страны не подписали мирный договор, Япония стала считать всех своих жителей корейского происхождения иностранцами с корейским подданством, без привязки к определённому корейскому государству (*тёсэнэки*). В отношении постоянно проживавших в Японии корейцев, тайваньцев и иных иммигрантов первого и второго поколения, не получивших японского гражданства, на бытовом уровне стал использоваться термин *дзайнити*, означающий просто «живущий в Японии иностранец», но подразумевающий, что речь идёт именно о мигрантах военного и довоенного времени и их потомках, в первую очередь корейцах.

Историки расходятся во мнениях относительно того, намеренно или нет Япония лишила гражданства своих иммигрантов, принуждая тем самым их к «добровольной денатурализации», т.е. к возвращению на «историческую родину». Однако фактом остаётся то, что это решение в дальнейшем облегчило становление послевоенного нарратива об «однородной Японии». Следует учесть и международно-политическую обстановку того времени: к репатриации побуждались представители «враждебной» Кореи, где на Севере установилась коммунистическая диктатура, а отношения с Югом у Японии никак не складывались. Кроме того, иммигранты из колоний были зримым напоминанием о недавней колониальной политике Японии, от наследия которой она стремилась избавиться, и потому власти были заинтересованы в скорейшем преодолении его видимых проявлений. Наконец, правительство Японии не видело и экономического смысла в привлечении корейцев и тайваньцев к послевоенному восстановлению, так как в метрополию хлынул поток японских репатриантов из её бывших колоний и недостатка в рабочей силе в стране не наблюдалось.

«Южные» и «северные» корейцы в Японии

Раздел Корейского полуострова ещё больше усложнил вопрос о том, к какому государству относились проживавшие на тот момент в Японии корейцы. Им теперь предстояло сделать непростой выбор между Севером и Югом, причём не только по своему происхождению и наличию родственников, но и по политическим предпочтениям. Значительная часть японских корейцев не имела собственности и стабильного материального положения в Японии, была подвержена коммунистической пропаганде и политически отождествляла себя с Севером, тем более что авторитарный режим на Юге в их глазах не имел большой привлекательности. Другой сегмент японских корейцев не хотел быть аффилирован ни с Севером, ни с Югом, а стремился к самоидентификации в качестве представителей просто Кореи (по-японски *Тёсэн*, по-корейски *Чосон*), что позволяло им избежать необходимости делать политический выбор.

С 1965 г., когда были установлены дипломатические отношения с Республикой Корея, те корейцы, которые отождествляли себя с Югом, сделали выбор в пользу статуса

«иностранцев – граждан Южной Кореи» (*канкокусэки*)⁵; а их проживание в Японии стало определяться межгосударственной конвенцией между Японией и РК. В соответствии с этим документом таким гражданам гарантировалось право постоянного проживания в Японии (*кэтэй эйдзюкэн*) [Lee 2010: 170].

Прочие же корейцы, не пожелавшие стать южнокорейцами, так и остались со статусом «корейских граждан» без аффилиации с определённым государством (*тёсэнсэки*). И хотя такой статус не имеет никакой идеологической коннотации и лишь означает, что они являются потомками иммигрантов, приехавших в Японию в то время, когда Корея была колонией, нежелание делать выбор в пользу Юга стало у многих в Японии на уровне восприятия приравниваться к политической лояльности Северной Корее (хотя это не имело ничего общего с реальностью), и проживавшие в стране «корейские граждане» стали испытывать серьёзную дискриминацию по сравнению с «южнокорейскими гражданами». Например, им вплоть до 1982 г. не предоставлялось официального «права постоянного проживания», подобного тому, которое было у корейцев с «южной» аффилиацией. По сути, они являлись иностранцами – «лицами без гражданства», вынужденными регулярно продлевать свой статус резидента. До 1989 г. у «корейских граждан» не было возможности получать одинаковые с японскими гражданами социальные гарантии⁶. Только с 1993 г. японские «южнокорейцы» и «корейцы» получили одинаковый статус лиц со «специальным правом постоянного проживания» (*токубэцу эйдзюкэн*)⁷.

Конечно, лица, имеющие специальное право постоянного проживания, пользуются большей свободой и проходят меньше бюрократических процедур для поддержания своего правового статуса, и потому их можно рассматривать как «привилегированную прослойку» по сравнению с другими иностранцами в Японии. Однако многие корейцы задавались вопросом, почему статус пребывания в Японии тех корейцев, которые родились и выросли там, говорят только по-японски и почти никогда не были в Корее, имеет такую же правовую основу, что и у лиц, приезжающих из азиатских стран на заработки, или бразильцев японского происхождения, имеющих дальнюю родственную связь с Японией. Многие корейцы видят дискриминацию в самом факте их причисления к «иностранцам», пусть и с особым статусом проживания. Например, корейская исследовательница С. Пак отмечает дискриминационный и даже расистский для *дзайнити* характер подобного подхода, заложенного в японскую иммиграционную систему. Именно на основании этого подхода к корейцам-*дзайнити* как к иностранцам японские правые организации рассматривают всех живущих в Японии неапонцев как инородное для страны тело, как «чужаков», которые должны уехать из страны [Park 2017: 78].

В настоящее время около 90 % *дзайнити* составляют «южнокорейцы». Разделение на северян и южан было зафиксировано и на структурно-организационном уровне. В послевоенный период в Японии появилось несколько организаций корейских граждан, ориентирующихся на одну из стран Корейского полуострова. Наиболее крупными из них

⁵ 在日コリアンとは？ふらっと [Что такое корейцы-*дзайнити*?]. URL: https://www.jinken.ne.jp/flat_consultation/cat193/cat195/post_468.php (accessed: October 14, 2023).

⁶ 在日朝鮮人 [Корейцы-*дзайнити*]. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%9C%A8%E6%97%A5%E6%9C%9D%E9%AE%E4%BA%BA-272599> (accessed: October 14, 2023).

⁷ 在日コリアンとは？ふらっと [Что такое корейцы-*дзайнити*?]. URL: https://www.jinken.ne.jp/flat_consultation/cat193/cat195/post_468.php (accessed: October 14, 2023).

являются две: Союз корейских резидентов в Японии *Миндан* (在日本大韓民国民団, сокр. 民団), имеющий тесные связи с Республикой Корея, и Генеральная ассоциация корейских резидентов в Японии (по-корейски *Чонгрин*, по-японски *Со:рэн* 総連在日本朝鮮人総連合会, сокр. 朝鮮総連), ориентирующаяся на КНДР.

Чонгрин была основана в 1945 г., а после реорганизации в 1955 г. стала ключевой структурой, которая оказывала значительное влияние на корейское сообщество в Японии. Во-первых, корейцы составляли один из наиболее бедных слоёв послевоенного общества, и первое социалистическое корейское государство, появившееся в 1948 г. на политической карте мира, было для них воплощением многих несбывшихся надежд. В идеологическом отношении КНДР оказывала после войны огромное воздействие на японских корейцев ещё и потому, что именно там обосновались лидеры антияпонского сопротивления, имевшие большой авторитет в корейском обществе. Наконец, было важно и то, что вплоть до 1960-х гг. в имидже Севера, преваляровавшем среди корейцев-*дзайнити*, большое место занимали его экономические успехи, что было неудивительно в связи с изначально высоким уровнем экономического развития более индустриализированной в период японского правления северной части Кореи по сравнению с южной.

С 1959 г. *Чонгрин* начала масштабный проект репатриации в КНДР из Японии, проводившийся под броским лозунгом возвращения японских корейцев на «историческую родину», где большинство из них до этого никогда не были. Данный проект пользовался большой популярностью – до 1984 г. из Японии уехало более 93 тыс. корейцев [Okamura and Saito 2022]. Страдая от бедности и дискриминации, корейцы поддавались уговорам, чтобы начать новую жизнь, однако по прибытии многие из них были репрессированы (заключены в тюрьму и казнены) по обвинению в «шпионаже» в пользу Японии или принадлежности к «враждебному классу» [Park 2017: 74]. Следует отметить, что движение за «возвращение на родину» проводилось в сотрудничестве с японским правительством, которое рассматривало корейцев как обузу для быстро развивающейся экономики Японии и потому способствовало их скорейшей репатриации.

По мере постепенного ослабления политической и экономической привлекательности Северной Кореи авторитет *Чонгрин* среди корейцев стал уменьшаться. Его влияние также существенно ослабло после нормализации отношений с Южной Кореей в 1965 г., когда большинство корейцев при получении статуса иностранца с правом на постоянное проживание в Японии выбрали южнокорейское гражданство.

Тем не менее, в сфере образования *Чонгрин* сохраняла большое влияние на корейскую общину в Японии. После поражения в войне в Японии были основаны многочисленные «корейские школы», где велось преподавание корейского языка и истории. Их основная цель изначально заключалась в том, чтобы помочь молодым корейцам интегрироваться в корейское общество по возвращении на родину.

В настоящее время в Японии имеется 63 учебных заведения (от начальных школ до университетов), находящихся под контролем *Чонгрин* (данные 2023 г.)⁸. «Корейская школа»,

⁸ 朝鮮学校補助金 [Финансовая помощь «корейским школам»]. *Санкэй*, 17.03.2023. URL: <https://www.sankei.com/article/20230317-PDXTATQPQFJN7O47W6R4EFFQLM/> (accessed: October 14, 2023). Данное различие можно объяснить тем, что большинство «южных» корейцев в Японии предпочитает отдавать своих детей в японские школы.

в отличие от мировой практики функционирования иностранных школ, имеет полноценную образовательную систему от детского сада до университета. По состоянию на 2012 г., под эгидой *Чонгрин* в стране насчитывалось 38 детских садов, 54 начальные школы, 33 средние школы, 10 старших школ и 1 университет [Itagaki 2015: 52]. С течением времени, по мере снижения рождаемости и естественного сокращения корейцев-*дзайнити*, наблюдается сокращение количества просеверокорейских школ: например, в период с 2009 по 2019 гг. их число уменьшилось с 76 до 64, а число учеников – с 8323 до 5223⁹.

Несмотря на это обстоятельство, «корейские школы» по-прежнему являются крупнейшим по численности сегментом школьного образования для иностранцев в Японии. В них не только преподают корейский язык как отдельный предмет, но и всю свою учебную программу, помимо изучения японского языка, они ведут на корейском языке. Поскольку японский является родным языком корейцев-*дзайнити*, учащиеся этих школ становятся двуязычными [Itagaki 2015: 52].

Проблемы дискриминации корейцев в современной Японии

Конечно, японцы не столь откровенно выражают своё настороженное или даже негативное отношение к живущим в стране корейцам, как это происходит, например, в некоторых европейских странах, где существует массовое общественное движение против миграции и где правые партии, выступающие под лозунгами ограничения миграции или даже насильственной репатриации мигрантов, набирают на выборах миллионы голосов. Скорее, японцы в массе своей склонны внешне проявлять политкорректность и не выражать открытой враждебности по отношению к корейцам-*дзайнити*.

Корейцы, даже не имея полноценного японского гражданства, в бытовом отношении обладают практически теми же правами, что и японцы. Ограничения касаются их политических прав (невозможность голосовать на общенациональных выборах, хотя на местном уровне в нескольких десятках муниципалитетов иностранцы со статусом постоянного проживания такое право имеют). В период холодной войны они были вынуждены проходить в полицейских участках унизительную процедуру сдачи отпечатков пальцев (в 1980-е гг. в стране развернулось движение бойкота этой практики), однако в 2000 г. данное требование было отменено. За границу «южные корейцы» могут выезжать при наличии южнокорейского, «корейцы» – северокорейского заграничного паспорта, в получении которых им содействуют, соответственно, *Миндан* и *Чонгрин*. Для возвращения в Японию с 2012 г. им не требуется проходить обычную для иностранцев процедуру «обратного въезда» в страну¹⁰.

Однако это не означает, что корейцы не сталкиваются с проблемой дискриминации. Рост национализма в Японии и усиление ксенофобских настроений в японском обществе, направленных в том числе против корейцев-*дзайнити*, стали своего рода обратной реакцией на волну признания в Японии собственных «ошибок» военного времени и даже покаяния со стороны политического руководства страны, которое особенно ощутимо было проявлено

⁹ 朝鮮総連は「民族教育の模範」 [«Модель национального образования» под эгидой *Чонгрин*]. *Yonhap News Agency*, 25.05.2021. URL: <https://jp.yna.co.kr/view/AJP20210525001100882> (accessed: October 14, 2023).

¹⁰ 海外に行くときは？ [Как поехать за границу?]. *MINDAN 生活ハンドブック* [Настольная книга жизни от *Миндан*]. URL: <http://www.mindan-kanagawa.com/handbook/abroad/> (accessed: October 14, 2023).

в первой половине 1990-х гг. Наиболее известными событиями в этом контексте стали публичное признание представителем японского правительства вины японских властей перед «женщинами для утешения» – корейками, насильственно рекрутированными в японские военные бордели в период Второй мировой войны (т.е. «заявление Коно Ёхэй» 4 августа 1993 г.), а также речь премьер-министра Т. Мураяма 15 августа 1995 г., в которой он признал ответственность Японии перед азиатскими народами за страдания, причинённые им милитаристской политикой государства в годы войны. Действия правительства вызвали сильный ресентимент среди части японского общества, воспитанной в «патриотическом духе», которая стала обвинять правительство в «мазохизме». Наиболее радикальным выразителем этих настроений оказались правые организации, которые в числе прочего начали открыто выступать за лишение корейцев-*дзайниту* «несправедливых привилегий» и даже за их насильственную репатриацию на историческую родину.

Рис. 1. Один из выпусков манга «Кэнканрю» (Ненависть к «корейской волне»).

Pic. 1. One of the manga releases “Kenkanryu” (Hatred of the “Korean wave”).

Источник

[Source]:

Amazon.co.jp

<https://www.amazon.co.jp/%E3%83%9E%E3%83%B3%E3%82%AC%E5%AB%8C%E9%9F%93%E6%B5%81-%E5%B1%B1%E9%87%8E-%E8%BB%8A%E8%BC%AA/dp/488380478X>

В 2005 г. была опубликована серия комиксов под названием *Кэнканрю 嫌韓流*, (букв. «ненависть к «корейской волне» – явная отсылка к буму корейской культуры, захлестнувшему Японию в начале 2000-х гг., особенно после проведения совместного с Южной Кореей чемпионата мира по футболу в 2002 г.). Серия стала бестселлером на фоне прошедших в том же году антияпонских демонстраций в Корее и Китае. На обложке одного из выпусков этого комикса можно найти высказывание, отражающее изменения в японском общественном мнении по отношению к Корее, произошедшие с 1990-х гг.: «Нам больше не нужно извиняться перед Кореей и платить ей компенсации».

Одной из наиболее известных ультранационалистических группировок, выражающих ксенофобские настроения по отношению к корейцам в Японии, стала организация *Дзайнити токкэн-о юрусанай симин но кай* («Союз граждан против привилегий корейцев-дзайнити в Японии»), или *Дзайтокукай*. Эта группировка, созданная в 2006 г., к середине 2010-х гг. насчитывала более 15 тыс. членов [Park 2017: 66].

Дзайтокукай неоднократно выражала открытую враждебность в отношении корейских этнических меньшинств. Её члены выступали против корейских школ в Японии, городских районов с большим корейским или китайским населением, против притока мигрантов в Японию, против антиядерного движения, против продвижения культуры коренного народа айну на Хоккайдо и т.д. Группа прославилась агрессивной риторикой: на её демонстрациях регулярно появлялись баннеры с такими лозунгами, как «Убивайте корейцев», и карикатуры, сравнивающие проживающих в Японии иностранцев с тараканами или свиньями [Morris-Suzuki 2015: 68]. Через свой веб-сайт *Дзайтокукай* открыто призывала к митингам и уличным демонстрациям, на которых звучало то, что в японском языке получило название *хэйто спи:чи* (англ. hate speech) – открыто «ненавистнические речи» в отношении мигрантов.

Первым председателем *Дзайтокукай* стал блогер Сакураи Макото. Под псевдонимом «Доронпа» он активно писал комментарии на двуязычной онлайн-доске объявлений, предназначенной для обмена мнениями между японцами и южнокорейцами, а затем стал вести блог под тем же названием. В своих блогах, например, он обвинял студентов-дзайнити за «проюжнокорейские позиции» по вопросам истории колониального правления Кореи, говоря о том, что Япония не проводила никакого колониального порабощения Кореи, а лишь осуществляла «управление совместными владениями» (*хэйго тотти*)¹¹.

Среди лозунгов, использовавшихся *Дзайтокукай* во время публичных выступлений, были такие, как «Привет, тараканы из Син-Окубо! Мы, дезинфекторы всей Японии, очищаем японское общество» и «Давайте загрузим корейцев-дзайнити в ракеты «Тэпходон» и запустим их в сторону Южной Кореи!». Действия организации также включали отправку доносов о корейцах-дзайнити в иммиграционную службу страны [Park 2017: 66].

В «ненавистнических речах» *Дзайтокукай* использовались различные уничижительные выражения для описания корейцев-дзайниччи: «воняющие кимчи» (*кимучи кусай*), «негодяи» (*рокудэнаси*), «неподобающие корейцы», «граждане третьих стран», «корейские гангстеры», «шпионы», «потомки нелегальных иммигрантов». Нередко также использовался термин «тараканы», ассоциирующий корейцев-дзайнити с захватчиками, которые вторгаются и размножаются в «доме» японского народа [Itagaki 2015:52–60].

¹¹ Doronpaの独り言 [Монологи Доронпа]. URL: <https://ameblo.jp/doronpa01/> (accessed: October 14, 2023).

Японский исследователь Р. Итагаки проводит интересный этимологический анализ некоторых терминов, взятых из лексикона ультраправых организаций для выражения ненависти к корейцам-*дзайнити* [Itagaki 2015: 56–57]. Например, выражение «неподобающие корейцы» (*футэй сэндзин*) распространилось по всей Японии в ответ на движение 1 марта 1919 г., крупнейшее движение за независимость в колониальной истории Кореи. Когда в 1923 г. произошло Великое землетрясение в Канто, охваченные ужасом японцы поверили слухам о том, что «неподобающие корейцы» *футэй сэндзин* устраивают беспорядки или отравляют колодцы, и вырезали несколько тысяч корейцев. Впоследствии этот термин часто использовался для обозначения выступающих против японской колониальной политики корейцев как отпетых террористов.

Другой термин – «граждане третьих стран» (*сангокудзин*) – широко использовался в отношении корейцев-*дзайнити* после окончания Второй мировой войны. Он означает, что речь идёт не о представителях Японии как побеждённой нации и не о представителях союзных держав, а о бывших подданных Японской империи из числа жителей её колоний. Впервые он использовался для привлечения внимания к незаконным или криминальным действиям корейцев-*дзайнити* на чёрных рынках или в японских поездах после войны. В результате слово *сангокудзин* укоренилось в японском языке и использовалось для противопоставления негативных образов корейцев как «преступников-варваров», которые представляли «угрозу порядку и безопасности японского общества», положительным образам потерпевших поражение беззащитных японцев.

Указанная терминология получила широкое распространение в Японии в ранний послевоенный период, однако постепенно, по мере налаживания экономической жизни, она утратила своё значение. Но с начала 2000-х гг. эти выражения вновь стали широко использоваться в риторике правых организаций и националистически настроенных политических лидеров страны, сперва в интернет-пространстве, а затем – и на реальных политических акциях, где *Дзайтокукай* и другие правые группировки пытались в реальном, а не виртуальном мире найти формы выражения ненависти к корейцам-*дзайнити*.

Особенно шумно эти враждебные акции проходили в периоды, когда сообщения из Северной Кореи давали японцам поводы для проявления враждебности к этой стране: в 2002 г., когда Ким Чен Ир признал факты похищений японских граждан в 1970–1980-е гг., в 2010-е гг., когда КНДР активно проводила ракетно-ядерную программу и вблизи Японии регулярно падали северокорейские ракеты¹². В 2009 г. *Дзайтокукай* и аналогичные группы начали проводить митинги и демонстрации сначала в Токио, потом в Осаке, а затем и в других крупных городах Японии, где имеются большие корейские общины. В 2009 и 2010 гг. *Дзайтокукай* организовала демонстрацию перед начальной корейской школой в Киото, в ходе которой обучающиеся там дети были названы «тараканами» и «шпионами», и распространила через интернет видео со своим выступлением [Kawai 2015: 4].

На выходки правых власти всё же вынуждены реагировать. Например, организаторы описанной выше шумной акции в Киото по решению суда были подвергнуты крупному штрафу, а группировке было запрещено проводить пропагандистские мероприятия вблизи школ. В июне 2016 г. был принят специальный Закон о предотвращении «ненавистнических

¹² 「ゴキブリ」と罵られた「在日」を英紙が取材したら... [Когда британская газета взяла интервью у корейца-*дзайнити*, которого обозвали «тараканом»...]. *Courier*, June 10, 2017. URL: <https://courier.jp/news/archives/99730/> (accessed: October 14, 2023).

речей» (*хэйто супи:ти кайсё:хо:*)¹³, на основании которого неоднократно принимались решения в пользу пострадавших корейцев. Например, в октябре 2023 г. в соответствии с упомянутым выше законом суд в г. Кавасаки постановил выплатить корейнке-*дзайнити* в третьем поколении компенсацию размером в 1,94 млн иен (более 13 тыс. долл. США), которую должен заплатить японец, написавший в своём блоге в её адрес: «Убирайся на свою родину» (*сококу-э каэрэ*)¹⁴.

И хотя взгляды ультраправых организаций не имеют массовой поддержки в японском обществе, где преобладает терпимое отношение к проживающим в стране корейцам, среди определённой его части сохраняется настороженность и предрассудки по отношению к корейской общине, которые порой всё же проявляются в публичном поле. Например, нередко с насилием или дискриминационными действиями со стороны сверстников сталкиваются обучающиеся в японских школах корейские дети (это, в частности, отразила вышедшая в декабре 2020 г. скандальная реклама фирмы Nike «The Future Isn't Waiting», которая показала наличие в школах Японии расовых и этнических предрассудков). Самый известный в Японии кореец-*дзайнити*, председатель SoftBank Group Corp. Маэси Сон, в 2015 г. рассказал в интервью, что в школьные годы подвергался моральной дискриминации и даже физическому насилию по причине своего происхождения. «Когда я учился в начальной и средней школе, я мучился из-за своего происхождения настолько сильно, что всерьёз подумывал покончить с собой. Я бы сказал, что дискриминация – это очень жестоко», – заявил он¹⁵.

Свидетельством распространённости антикорейских настроений стало так называемое дело Fuji. С 2013 г. компания Fuji распространяла среди своих сотрудников копии интернет- и журнальных статей, в которых содержались оскорбительные высказывания и негативные оценки в отношении граждан Кореи и Китая. В январе 2015 г. служащая Fuji из числа *дзайнити* подала в суд иск на компанию, в котором приводились конкретные факты проявления «ненавистнических речей» в адрес корейцев и китайцев. Например, в раздаточных материалах для работников говорилось, что эти люди «должны умереть», что они были «лжецами», «подлыми людьми» и «дикими животными». Президент компании, кроме того, приказал сотрудникам заполнить анкету, распространённую Японским обществом за реформу учебников истории, в которой содержался призыв выбрать крайне националистический учебник для средней школы, изданный компанией Ikuhoshi¹⁶. Судебное разбирательство продолжалось почти 7 лет в судах различных уровней и завершилось лишь в сентябре 2022 г., когда Верховный суд приказал компании прекратить практику раздачи

¹³ 「ヘイトスピーチ」って何? [Что такое Закон о предотвращении «ненавистнических речей»?]. The Ministry of Justice. URL: https://www.moj.go.jp/JINKEN/jinken04_00108.html (accessed: October 14, 2023).

¹⁴ 在日コリアンへの差別認定、川崎 「帰れ」とブログ投稿、賠償命令 [Суд принял решение о наличии в интернет-блоге дискриминации проживающей в Кавасаки корейки-*дзайнити* и о выплате ей моральной компенсации]. *Tokyo shimbun*, 12.10.2023. URL: <https://www.tokyo-np.co.jp/article/283294> (accessed: October 14, 2023).

¹⁵ Min Jeong Lee. Do the country's new anti-bias measures have any teeth? *Bloomberg*, October 18, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2021-10-17/koreans-in-japan-hate-speech-case-highlights-workplace-racism> (accessed: October 14, 2023).

¹⁶ Japan: Zainichi Korean employee at Fuji Corporation Limited files lawsuit against company, alleging it continues to distribute derogatory materials against ethnic minorities. *Business and Human Rights Resource Center*, February 22, 2021. URL: <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/japan-zainichi-korean-employee-at-fuji-corporation-limited-files-lawsuit-against-company-alleging-it-continues-to-distribute-derogatory-materials-against-ethnic-minorities/> (accessed: October 14, 2023).

таких материалов и постановил, что президент компании М. Имаи должен будет выплатить истцу 1,32 млн иен (9200 долл. США) в качестве моральной компенсации за душевные страдания, которые она пережила на своём рабочем месте¹⁷.

Нередки также факты побуждения корейцев к переходу на японские имена. Например, в одном из опросов *Миндан* 2000 г. только 13,4 % респондентов заявили о том, что всегда использовали корейские имена, а в опросе муниципального управления Осаки 2001 г. выяснилось, что корейские имена использовали только 7,9 % корейских респондентов [Kawai 2015: 3]. Насильственное использование японских имён приводило к судебным искам, в ходе которых корейцы добивались компенсации за причинённый им моральный ущерб. Тем не менее, большинство корейцев-*дзайнити*, не желавших вступать в конфликт с окружением, приняли в послевоенный период японские «имена для общественного пользования» (*цусёмэй*), т.е. реальные (официальные) и публичные имена у них стали различаться. Например, в одном из опросов, проведённом в 1986 г., около 91 % корейцев-*дзайнити*, проживающих в префектуре Канагава, заявили, что они также используют японские имена¹⁸.

Неоднозначную политику в отношении проживающих в стране корейцев проводят и власти. Особенно это заметно при анализе ситуации вокруг «корейских школ» в Японии. Хотя «корейские школы» исторически находились под влиянием Северной Кореи, их учебная программа больше напоминает японскую, чем северокорейскую. Японское правительство исключает этническое образование или образование для иностранцев из своей официальной системы образования. В результате «корейские школы» и другие учебные заведения для иностранцев не признаны официальными, а отнесены к категории «разных школ» (*какую гакко:*), на которые не распространяются различные институциональные льготы и субсидии японского правительства.

Правительство и местные власти подозревают «корейские школы» в том, что они являются не образовательными, а в первую очередь идеологическими учреждениями, созданными для воспитания среди молодёжи преданности северокорейскому режиму, а потому не заслуживают финансовой помощи, которую получают обычные японские школы. Особую активность проявляли в этом направлении префектуральные власти Осаки в период, когда главой префектуры был правый политик Хасимото Тору (именно в Осаке проживает наиболее многочисленная в Японии община корейцев-*дзайнити*). В своём интервью, данном в марте 2010 г., он усомнился в необходимости выдавать субсидии школам, связанным с КНДР, которая «находится в одном ряду с организованной преступностью» [цит. по: Itagaki 2015: 61], и принял решение о прекращении этой практики, которая действовала с 1992 г. А в декабре 2012 г. в ответ на ухудшение отношений с Северной Кореей японское правительство исключило «корейские школы» из системы фонда поддержки средних школ старшей ступени, которая была введена в 2010 г., аргументируя это их тесными отношениями с *Чонгрин* [Okamura and Saito 2022]. Это решение было принято даже несмотря на выраженную Комитетом ООН по ликвидации расовой

¹⁷ Top court orders company to pay damages for 'hate speech'. *Asahi Shimbun*, September 09, 2022. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14714919> (accessed: October 14, 2023).

¹⁸ Min Jeong Lee. Do the country's new anti-bias measures have any teeth? *Bloomberg*, October 18, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2021-10-17/koreans-in-japan-hate-speech-case-highlights-workplace-racism> (accessed: October 14, 2023).

дискриминации в 2010 г. обеспокоенность в связи с тем, что в данном шаге проявляется дискриминация в отношении учреждений школьного образования [Okamura and Saito 2022].

В 2014 г. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН выступил с рекомендацией правительству Японии разрешить «корейским школам» пользоваться, в зависимости от обстоятельств, средствами Фонда поддержки обучения в старших классах и предложить местным органам власти возобновить или сохранить предоставление субсидий для них. Однако рекомендация осталась нереализованной, а иски в адрес местных властей, которые подавали представители корейского сообщества в суды различных инстанций, хотя и способствовали привлечению общественного внимания к данной проблеме, были в конечном счёте отвергнуты [Okamura and Saito 2022].

Заключение

Проблема дискриминации корейцев-*дзайнити* в послевоенной и современной Японии тесно связана с международно-политической ситуацией в Восточной Азии, где и по сей день сохраняется множество рудиментов холодной войны и более отдалённого исторического прошлого. Неоднозначное правовое положение корейцев в Японии, предвзятое отношение японцев к *дзайнити* и проблема «ненавистнических речей», дискриминация «корейских школ» в Японии и т.д. – всё это в значительной степени определяется историческим наследием в отношениях Японии со странами Корейского полуострова.

Это наследие включает и память о периоде колониального правления, когда корейцы были униженной и дискриминируемой частью империи, и особенно о том этапе агрессивной милитаристской политики Японии на материке, когда корейские мужчины использовались в качестве бесплатной рабочей силы, а женщины – в качестве сексуальных рабынь, удовлетворявших потребности японских военных. Среди проживающих в Японии уже нескольких поколений корейцев, чьи отцы или деды были завезены в страну в ходе «трудовых мобилизаций» военного времени, эта память остаётся мощным генератором чувства собственной виктимности.

Казалось бы, проблему социальной адаптации для корейцев-*дзайнити* было бы проще всего решить путём принятия ими японского гражданства. Однако этот путь для большинства остаётся неприемлемым, так как ставит под угрозу сохранение ими корейской идентичности.

С одной стороны, в японском обществе имеется чёткое представление о том, что натурализация (получение гражданства) означает полную самоидентификацию в качестве японца. Как указывается на одном из правозащитных сайтов, на людей с иностранными корнями, получающих японское гражданство, оказывается «ассимиляционное» давление: «Если вы станете «натурализованными», вы должны вести себя как японец и принять японскую культуру как свою»¹⁹. Кроме того, на них направляется и психологический прессинг в пользу принятия японских имён в качестве официальных (хотя это не является юридически обязательным). Поскольку большинство корейцев, дорожащих своими этническими корнями, не хотело бы решать проблему адаптации в японском обществе в подобной плоскости, это удерживает их от принятия японского гражданства.

¹⁹ 「帰化」の意味と手続き [Смысл понятия «натурализация» и процедуры её прохождения]. ふらっと. URL: https://www.jinken.ne.jp/flat_consultation/cat193/cat195/post_325.php (accessed: October 14, 2023).

С другой стороны, для японского общества естественным является постулат о невозможности смены гражданства, полученного по отцовской линии. Но и для тех корейцев, которые родились в Японии и получили корейское гражданство с самого рождения, вполне естественным считается его сохранение на всю оставшуюся жизнь, тем более что в странах Корейского полуострова, как и в Японии, в отличие от англосаксонских стран, гражданство наследуется по праву «крови», а не «места рождения».

К тому же многие корейцы справедливо считают, что обретение гражданства в результате длительной (около года) и обременительной административной процедуры, в ходе которой они должны будут выступать просителями, а японская сторона в лице министра юстиции вправе отказать, например, на основе отсутствия у них в течение 5 лет постоянного адреса проживания или невыполнения условия «хорошего поведения», является для них крайне унижительным делом, особенно с учётом того, что речь идёт о жителях страны в нескольких поколениях, исправно плативших налоги и своим трудом внесших вклад в развитие японской экономики.

На проблему корейцев-*дзайнити* влияние оказывает также раздел Корейского полуострова, который находит отражение в расколе корейской диаспоры и взаимной враждебности между двумя её полюсами, ориентирующимся на Север или Юг Кореи. Враждебное отношение к КНДР, в основе которого лежит проблема похищения японских граждан северокорейскими спецслужбами, ракетно-ядерная программа КНДР, имеющая в числе прочего антияпонскую направленность, а также деятельность просеверокорейской организации *Чонгрин*, направленная на воспитание идеологической лояльности молодых корейцев-*дзайнити* в отношении Северной Кореи, дают основания для виктимного самоощущения уже самим японцам. И хотя многие из них испытывают чувство вины перед корейцами, пострадавшими в период колониального прошлого, большинство японцев подспудно хотели бы, чтобы проблема *дзайнити* решилась естественным образом, путём бесконфликтной и полной ассимиляции корейцев в японское общество и тихого превращения их в «полноценных» японцев, что позволит сохранить пресловутую японскую гомогенность. Как заметили российские исследователи А.Ю. Нагорнова и С.Ю. Нагорнова, японцы придерживаются этнического национализма, который по сути является идеологией, направленной на развитие этнически исключительной и однородной нации [Нагорнова 2023: 8]. Кстати, и политика правительства, отражая эти настроения, заключается в том, чтобы, с одной стороны, наказывать радикалов в связи с открытыми проявлениями ими враждебности по отношению к корейцам, с другой – замалчивать и не признавать наличие в стране на массовом уровне дискриминационных побуждений, стоящими за этими проявлениями.

Взаимный ресентимент создает крайне сложные и противоречивые отношения между титульным этносом и этническим меньшинством, которым являются корейцы-*дзайнити*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гринюк В.А. Корейская диаспора в Японии после Второй мировой войны (1945–1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 124–134.
- Нагорнова А.Ю., Нагорнова С.Ю. Основные формы дискриминации иностранцев в Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 3. С. 6–17. DOI: 10.24412/26867702-2023-3-6-17

REFERENCES

- Grinyuk V.A. (2013). Koreyskaya diaspora v Yaponii posle Vtoroy mirovoy voyny (1945–1960 gg.) [Korean Diaspora in Japan after World War II (1945–1960)]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*, 4: 124–134. (In Russian).
- Nagornova A.Yu., Nagornova S.Yu. (2023). Osnovnyye formy diskriminatsii inostrantsev v Yaponii [Major forms of discrimination of foreigners in Japan]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 3: 6–17. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-3-6-17
- * * *
- Debito A. (2015). Japan's Under-Researched Visible Minorities: Applying Critical Race Theory to Racialization Dynamics in a Non-White Society. *Global Studies Law Review*, 14 (4): 695–723. URL: https://openscholarship.wustl.edu/law_globalstudies/vol14/iss4/13 (accessed: October 14, 2023).
- Itagaki R. (2015). The Anatomy of Korea-phobia in Japan. *Japanese Studies*, 35 (1): 49–66. DOI: 10.1080/10371397.2015.1007496
- Kawai Y. (2015). Deracialised Race, Obscured Racism: Japaneseness, Western and Japanese Concepts of Race, and Modalities of Racism. *Japanese Studies*, 35 (1): 23–47. DOI: 10.1080/10371397.2015.1006598
- Lee Hong Jang (2010). Chosenseki zainichi chosenjin seinen-no nashonaru aidentiti to rentai senryaku [National Identity and Solidarity among Zainichi Korean Youths with “Chosen-seki”]. *Shakaigaku hyoron*, 61 (2): 168–175. (In Japanese). DOI: 10.4057/jsr.61.168 [李洪章. 朝鮮籍在日朝鮮人青年のナショナル・アイデンティティと連帯戦略. 社会学評論].
- Morris-Suzuki T. (2015). Beyond Racism: Semi-Citizenship and Marginality in Modern Japan. *Japanese Studies*, 35 (1): 67–84. DOI: 10.1080/10371397.2015.1014469
- Okamura R. and Saito Y. (2022). Endangering the Right to Ethnic Education: Japan's Exclusion of Chōsen Schools from the Tuition Waiver Program. *Japan Focus*, 20 (3), no. 1. URL: <https://apjjf.org/2022/3/Okamura.html> (accessed: October 14, 2023).
- Park S. (2017). Inventing aliens: immigration control, 'xenophobia' and racism in Japan. *Race & Class*, 58 (3): 64–80. DOI: 10.1177/0306396816657719

Поступила в редакцию: 15.10.2023

Принята к публикации: 24.10.2023

Received: 15 October 2023

Accepted: 24 October 2023

DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-39-52

Особенности «китайского» суверенитета и эволюция подходов к нему руководства страны в контексте глобализации

Петухин Леонид Андреевич¹
Скворцова Елизавета Михайловна²

¹ МГИМО МИД России

² Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей и эволюции восприятия суверенитета Китаем в контексте текущего изменения баланса между глобализацией и суверенитетом в соответствии с моделью маятника. Цель настоящего исследования – рассмотреть отличия китайской концепции суверенитета от европейской и выявить современные тенденции подхода КНР к этому понятию. В теоретической части работы кратко описана история происхождения и развития идеи суверенитета и отмечена опасность прямого переноса западных терминов на китайскую реальность. Далее анализируется трансформация китайских подходов к суверенитету в исторической перспективе. Отмечается, что наиболее активное развитие этой концепции начинается после образования Нового Китая. В рамках практической части статьи авторы обращаются к китайским источникам, рассматривая программные речи руководителей КНР – доклады Ху Цзиньтао в 2012 г. и Си Цзиньпина в 2017-м и 2022 г. Анализ общих аспектов и характерных различий этих выступлений позволил выделить основные тенденции восприятия суверенитета правительством КНР за последние 15 лет. Отмечается особая значимость дальнейшего исследования суверенитета в условиях текущей международной напряжённости и подчёркивается необходимость понимания исторического и современного китайского подхода к суверенитету для успешной реализации внешней политики России.

Ключевые слова: Китай, суверенитет, глобализация.

Авторы:

Петухин Леонид Андреевич, магистр международных отношений МГИМО (У) МИД РФ (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76). ORCID: 0009-0001-9312-0874. E-mail: pla321@yandex.ru

Скворцова Елизавета Михайловна, редактор-переводчик Центра научного мониторинга и развития, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-0816-7377. E-mail: skvortsova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Петухин Л.А., Скворцова Е.М. Особенности «китайского» суверенитета и эволюция подходов к нему руководства страны в контексте глобализации // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 39–52. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-p1-p2

How Chinese leaders approached the idea of sovereignty in the context of globalization

Petukhin Leonid A.¹
Skvortsova Elizaveta M.²

¹ Moscow State Institute of International Relations

² Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the analysis of characteristics and evolution of China's perception of sovereignty in the context of the current change in the balance between globalization and sovereignty in accordance with the pendulum model. The purpose of this study is to consider the differences between the Chinese and European ideas of sovereignty and to identify modern trends in the PRC's approach to this concept. The theoretical part of the work briefly describes the history of the origin and development of the idea of sovereignty and notes the danger of directly transferring Western terms to Chinese reality. The authors analyze the transformation of Chinese approaches to sovereignty from a historical perspective. It is emphasized that the most active development of this concept begins after the formation of New China. The practical part of the article considers Chinese sources, namely the speeches of the leaders of the PRC – the reports of Hu Jintao in 2012 and Xi Jinping in 2017 and 2022. Based on the analysis of the common aspects and differences of these reports, the authors tried to identify the main trends and changes in the perception of sovereignty by the Chinese government over the past 15 years. The conclusion underlines the particular importance of further research on sovereignty in the context of current international tensions and emphasizes the need to understand the historical and modern Chinese approach to sovereignty for the successful implementation of Russian foreign policy.

Keywords: China, sovereignty, globalization.

Authors:

Petukhin Leonid A., Master of International Relations, MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0009-0001-9312-0874. E-mail: pla321@yandex.ru

Skvortsova Elizaveta M., Editor of the Center for Scientific Monitoring and Development, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0816-7377. E-mail: skvortsova@iccaras.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Petukhin L.A., Skvortsova E.M. (2023). Osobennosti «kitayskogo» suvereniteta i evolyutsiya podkhodov k nemu rukovodstva strany v kontekste globalizatsii [How Chinese leaders approached the idea of sovereignty in the context of globalization]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 4: 39–52. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-39-52 (In Russian).

– Life swings like a pendulum backward and forward between pain and boredom.

Артур Шопенгауэр

Сталкиваясь с многогранным и непонятным миром, человеку свойственно создавать модели, которые подчёркивают одни аспекты и игнорируют другие. Такие защитные механизмы позволяют человеческому сознанию лучше воспринимать окружающий мир и не «тонуть» в нескончаемом потоке информации.

Многим людям, даже отдалённо связанным с наукой, знаком целый ряд различных научных и не совсем моделей. К примеру, в современной политической науке стала модной апелляция к модели пассионарности по Гумилёву, выполненной в виде графика, а в китаистике широкое распространение в своё время получила модель циклов, через призму которых объясняется процесс взлёта и падения каждой династии.

Помимо «классических» моделей, получивших выражение в форме различных линий и циклов, крайне интересной в современном поляризованном мире представляется модель маятника, стремящаяся предугадать, куда глобальные тренды сдвинутся в ближайшем будущем.

Модель маятника часто используется при описании противостояния политических партий, особенно в двухпартийных политических системах (республиканцы и демократы в США, тори и либералы в Великобритании и т.д.), эволюции различных учений и теорий (реалистская и либеральная теория) и других явлений.

Иметь возможность предугадать траекторию движения маятника важно, поскольку влияние некоторых взмахов выходит далеко за пределы одного государства и воздействует на формирование политической повестки практически во всём мире.

Вслед за многими российскими и иностранными экспертами авторы данной статьи уже несколько лет наблюдают, как маятник дихотомии «глобализация – суверенитет» уверенно движется в сторону последнего, по пути меняя внутри- и внешнеполитические приоритеты государств.

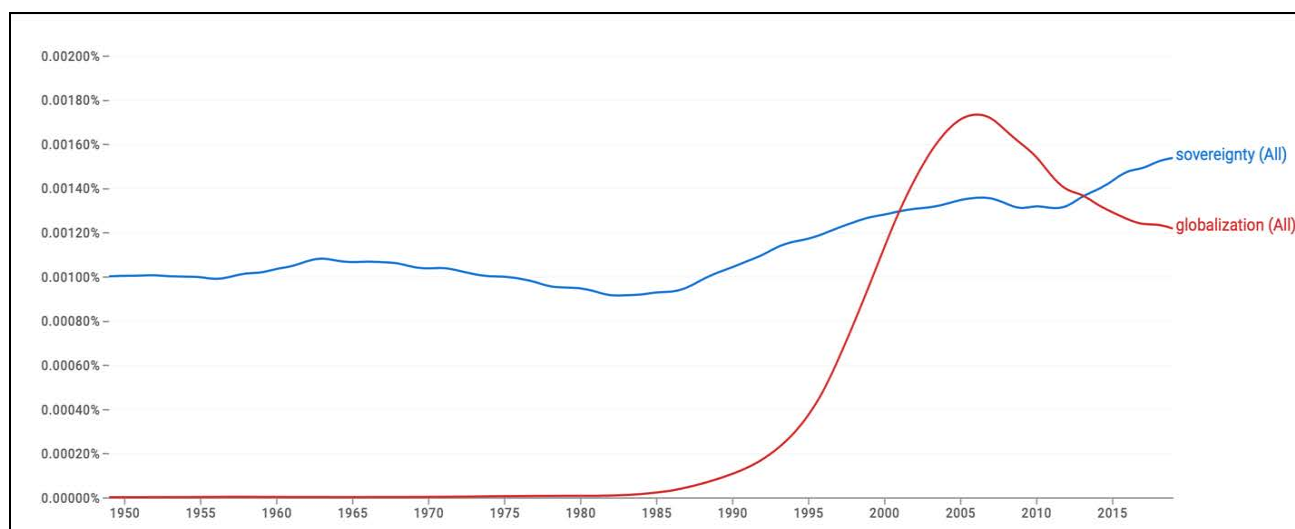

График 1. Частотность упоминания терминов «суверенитет» и «глобализация» в англоязычных источниках по данным Google Books Ngram Viewer.

Fig. 1. Frequency of mentions of terms “sovereignty” and “globalization” in English sources according to Google Books Ngram Viewer.

Суверенитет – явление сложное и неоднозначное, с другой стороны, бывает ли в науке иначе? Он особенно интересен тем, что во время кризисов различные политики (чаще правого толка) начинают активно использовать это понятие для отстаивания своего политического видения.

Предмет настоящего исследования – подходы Китая, одного из главных игроков на международной арене, к суверенитету в современные беспокойные времена¹. Цель работы – проследить, как эволюционировали подходы руководства КНР к суверенитету в промежутке от «пика» глобализации (см. График 1) до сегодняшнего дня.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд задач: сопоставить «европейский» и «китайский» подходы к суверенитету, кратко описать их эволюцию, проанализировать оригинальные тексты выступлений китайских лидеров, в которых упоминается суверенитет. Однако без чётко сформулированного понятийного аппарата невозможно построение никаких определённых выводов. Поэтому первоочередная задача исследования – дать ответ на вопрос, который отделяет обычную политическую риторику от научной мысли: что мы подразумеваем под суверенитетом в Китае?

«Западный» суверенитет и его основные особенности

Суверенитет, как и многие другие понятия современной политической теории, корнями уходит в европейскую историю. В своё время существенный вклад в развитие учения о суверенитете внесли ведущие мыслители западного мира, от Аристотеля, Жана Бодена и Жан-Жака Руссо до наших современников Кеннета Уолтца и Стивена Краснера.

В этой работе мы не ставим перед собой цель проанализировать эволюцию европейского подхода к суверенитету, однако для дальнейшего сравнения с «китайским» суверенитетом предлагается под суверенитетом «европейским» понимать набор властных полномочий государства, которые обеспечивают его ведущую роль во внутренней и внешней политике и могут быть в добровольном или принудительном порядке полностью или частично ограничены в различных сферах жизни.

Отдельно стоит отметить, что исследователи по-разному интерпретируют составляющие суверенитета. Так, ведущий специалист в этой области Стивен Краснер выделяет четыре вида суверенитета: международный, вестфальский, внутренний и суверенитет взаимозависимости. Каждый вид распространяется на неограниченное количество сфер: политическую, экономическую, финансовую, военную и т.д. [Krasner 1999: 3–4].

При этом использование и перенос европейских терминов и определений так, как их понимают на Западе, на реалии Китая не рекомендуется, поскольку, как верно отмечает Каррай, «поиск в незападном опыте категорий и догм современного международного права, зародившегося и развивавшегося в Европе, может привести к ошибочным выводам» [Carrai 2019: 3].

¹ Китайские власти характеризуют современный этап как «невиданные за столетие изменения». См., например: Си Цзиньпин выступил на 25-м Петербургском международном экономическом форуме. *RG.ru*, 18.06.2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/18/si-czinpin-vystupil-na-25-m-peterburgskom-mezhdunarodnom-ekonomicheskom-forume.html>; Сюй Бо. Внешнеполитическая мысль Си Цзиньпина и китайско-российское сотрудничество. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*, 16.08.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnepoliticheskaya-mysl-si-tszinpina/> (дата обращения: 07.11.2023).

«Китайский» суверенитет, его происхождение и эволюция

Впервые термин «суверенитет» появился в Китае благодаря переводу работы Генри Уитона (1745–1848) «Elements of International Law», или «万国公法» (досл.: «общие законы десяти тысяч стран»), который был выполнен миссионером Уильямом А.П. Мартином.

Говорить о том, что до работ Уитона в Китае элементов суверенитета в европейском понимании не существовало, наверное, ошибочно. Китайское государство обладало властными полномочиями; династии, пока не приходила пора упадка очередной и взлёта следующей, играли ведущую роль на подвластной им территории; правда, их видение «масштабов» этой территории могло отличаться от представлений других государств.

Отдельные эксперты считают, что в период Воюющих государств на территории Китая была сформирована система, схожая с современным суверенитетом [也谈... 2006]. При этом подчёркивается, что она просуществовала сравнительно недолго и была заменена даннической системой, также известной как система номинального вассалитета. Тем не менее, утверждать, что все элементы «европейского» суверенитета абсолютно чужды китайской традиции, тоже нецелесообразно².

Как и ожидалось, после знакомства Китая с «западным» пониманием суверенитета не произошло быстрого принятия и адаптации понятия к местным реалиям. Китай, который в течение тысячелетий существовал в рамках собственной ойкумены, основанной на конфуцианском учении, не мог принять тот факт, что какое-либо другое государство могло иметь полную автономию на своей территории. Такая автономия напрямую противоречила даннической системе, базировавшейся на идее о том, что «китайская государственность могла быть только уникальной и единственной», а не «одной из десяти тысяч стран» (万国).

Китай практически игнорировал европейское понимание суверенитета вместе с остальными западными идеями вплоть до периода Опиумных войн и насильственного открытия европейскими державами. Открытие Китая остальному миру при этом не заставило его «встроиться» в мировой порядок в европейском понимании. Было бы наивно ожидать подобного от страны с историей, в разы превосходящей по длительности историю некоторых государств-завоевателей.

В этот период Китай, руководствуясь принципами стратагемного мышления «以夷制夷», или «с помощью варваров усмирять варваров»³, вооружился западными идеями и лексиконом и начал по-новому отстаивать свои права и интересы.

Так, князь Гун использовал новые концепции суверенитета, чтобы заставить Пруссию освободить военные корабли Дании, стоявшие в китайской гавани, и выплатить компенсацию в размере полутора тысяч долларов за нарушение морского суверенитета Китая [Carrai 2019: 65].

Вплоть до образования Нового Китая суверенитет служил двум целям: с одной стороны, использовался «Китаем-жертвой» для защиты от иностранного вторжения,

² Так, пять принципов мирного сосуществования, которые являются краеугольным камнем современного китайского видения суверенитета, понятны и близки европейским подходам. Подробнее об общем и разном в западных и китайских подходах к суверенитету см.: Coleman, A., Maogoto, J. (2013). “Westphalian” Meets “Eastphalian” Sovereignty: China in a Globalized World. *Asian Journal of International Law*, 3 (2): 237–269. DOI: 10.1017/S2044251313000179

³ Впоследствии эта идея стала лозунгом поздней Цин: использовать западную науку и технологии для противодействия империалистическому вторжению.

а с другой, становился инструментом для повторного включения утраченных имперских владений в новые территории государства.

Настоящий взлёт суверенитета произойдёт уже с образованием КНР, когда «взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности» станет одним из пяти принципов мирного сосуществования, которые лягут в основу китайской внешней политики на десятилетия вперёд.

В рассматриваемый период китайские исследователи придерживались средней позиции между западной теорией абсолютного суверенитета и советской идеей об ограниченном суверенитете. Исследователи Ян Синь и Чэнь Цзянь подчёркивают, что государства могут обладать абсолютным суверенитетом только в том случае, если они не нарушают суверенитет других стран вне зависимости от уровня их политического, экономического и социального развития [Carrai 2019: 166].

Позицию, ставящую во главу угла неделимость суверенитета и невмешательство во внутренние дела как его основу, можно считать абсолютно оправданной, учитывая китайский опыт предыдущих ста лет, который в современном политическом дискурсе приобрёл название «века унижения».

Если отталкиваться от классификации Краснера, то в этот период для Китайской Народной Республики также был крайне важен международный суверенитет [Krasner 1999: 8], т.е. формальное признание государства на международной арене. По Краснеру, несмотря на то что в течение нескольких десятилетий после образования КНР Китай обладал полнотой вестфальского суверенитета, многие страны мира продолжали признавать гоминьдановское правительство в качестве законного суверена китайской территории.

Китайские эксперты того периода утверждали, что смена власти на территории одной страны, вне зависимости от её инструментов, не имеет никакого отношения к вопросам международного права и не должна служить предметом для одобрения или согласия каких-либо третьих сторон.

По мнению китайского исследователя Кун Мэна, капиталистические государства использовали вопрос признания и международного суверенитета лишь с целью «или заставить малые страны заплатить большую цену за их признание, или для противостояния социалистической идеологии» [Carrai 2019: 65].

Поэтому, вплоть до возвращения Китаю законного места в Организации Объединённых Наций (1971 г.), за которым последовало признание КНР множеством стран Запада, международный суверенитет и идея равенства западных и восточных стран преобладали в политическом дискурсе по данной проблематике.

Политика реформ и открытости, старт которой был дан на третьем пленуме ЦК КПК XI созыва, оказала существенное влияние и на вопросы суверенитета. Модернизация и активное включение Китая в мировую экономику требовали дальнейшего отказа от абсолютистского подхода к суверенитету, по мнению отдельных экспертов, сложившегося в Китае [Carrai 2019: 183].

Абсолютистский подход не предполагал передачи суверенитета ни в каких сферах, что безусловно не совпадало с политикой, начатой в 1987 г., поскольку экономическая открытость требует снижения вестфальского суверенитета, т.е. ограничения роли внешних игроков на своей территории вплоть до полного их выдавливания. Одним из главных

примеров снижения роли вестфальского суверенитета можно считать вступление Китая во Всемирную торговую организацию в декабре 2001 г.

С другой стороны, в аспекте внутренней политики данный период характеризовался активным поиском решения территориальных проблем. Если в вопросах экономики можно было наблюдать некоторую эволюцию суверенитета, то в территориальных вопросах таких изменений не произошло.

По мнению руководителя программы исследований Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона Корнеллского университета Алена Карлсона, «китайская политика сохранила статическую интерпретацию территориального суверенитета и продвигала непреклонную и всё более воинственную позицию в отношении юрисдикционного суверенитета⁴» [Carlson 2005: 3].

В контексте неизменно жёсткой позиции Китая по территориальным вопросам интересно анализировать соответствующие работы авторов не китайского происхождения. Как уже подчёркивалось, человеческому мышлению свойственно создавать модели для более простого описания действительности, однако порой они слишком искажают реальность. Вопрос суверенитета – не исключение.

Так, японский исследователь Такаши Окамото, профессор Киотского университета, утверждает, что современный подход к суверенитету корнями восходит к Цинскому периоду, и с данным тезисом поспорить сложно [Okamoto 2019: 14–15].

Однако, в своих исследованиях профессор Окамото выводит следующую модель.

hushi (互市): linked by trade

E.g.: Western powers, Japan

shuguo (屬國): tributaries

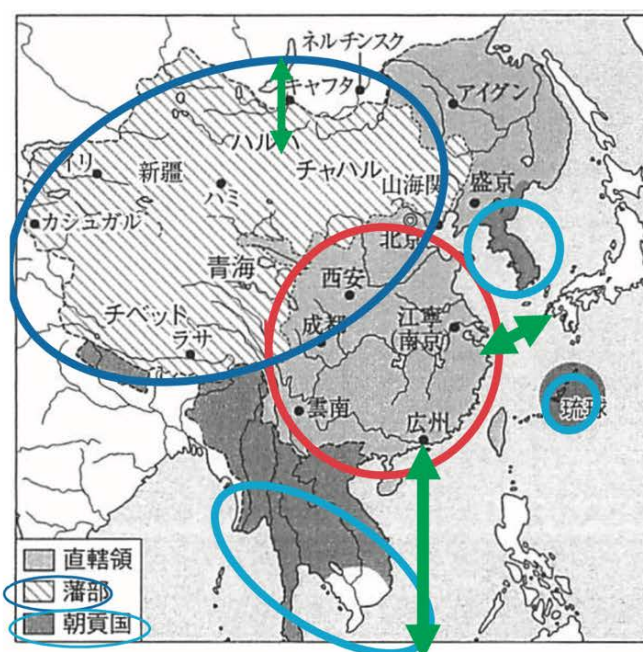
E.g.: Korea, Ryukyu, Vietnam

fanbu (藩部)

E.g.: Tibet, Mongolia, Xinjiang

zhi-sheng (直省): provinces

China proper

Source: [Okamoto 2019: 14–15].

В соответствии с ней мы можем увидеть, что Цинскую империю с Японией не связывали никакие отношения, кроме торговых. В своей статье эксперт отмечает: «Западные страны и

⁴ В международном праве под юрисдикционным суверенитетом понимается административная, судебная, исполнительная и законодательная деятельность государства. См.: Dixon, M., McCorquodale, R., & Williams, S. (2016). *Cases & Materials on International Law*. Oxford: Oxford University Press, p. 281.

Япония поддерживали с Цин отношения *хуши*. Это означает, что между правительствами не было формальных отношений, а была только местная торговля. Начиная со второй половины XIX в. эти отношения в целом превратились в связи, основанные на договорах. Эти страны вступили в дипломатические отношения с Китаем на сравнительно раннем этапе».

Несмотря на то, что такая модель безусловно упрощает восприятие китайского подхода к суверенитету, с ней сложно согласиться. Япония в рамках системы номинального вассалитета безусловно попадала в китайскую ойкумену. Один из выдающихся российских китаистов В.А. Корсун пишет, что цинский Китай воспринимал Японию как вассала и именно поражение от Японии в 1895 г. нанесло сокрушительный удар по китайской даннической системе [Корсун 2022: 118]. Представляется, что если бы Японию и цинский Китай соединяли исключительно торговые отношения, то таких результатов бы не последовало.

Рассуждая об эволюции представлений о суверенитете в современном Китае, российский исследователь О.А. Тимофеев также выделяет четыре разных территориальных подхода: исторический, не включающий в себя территорию Синьцзяна, Тибета и Северо-Востока Китая; территорию КНР без Тайваня; «Большой Китай», включающий Тайвань, Пескадорские острова, а также острова Цзиньмэнь и Мацзу; и «Большой Китай» как ареал проживания китайских диаспор [Тимофеев 2011]. Вопрос влияния столь различных оценок на актуальные подходы современного Китая к пониманию территориального суверенитета остаётся открытым.

«Китайский» суверенитет сегодня

Современный Китай, как отмечают западные исследователи, превратился из реципиента западных понятий суверенитета в его активного участника и новатора. Хорошим примером деятельного участия государства в формировании современных подходов к суверенитету является китайская позиция по дихотомии «суверенитет vs. права человека».

Если в середине XX в. отдельные китайские учёные рассматривали Организацию Объединённых Наций как «империалистический инструмент, используемый Соединёнными Штатами для вмешательства и препятствования национальному суверенитету меньших и более слабых государств» [Carrai 2019: 174], то уже в 2006 г. Китай внёс существенный вклад в создание Совета по правам человека ООН.

Несмотря на то, что Китай как и прежде продолжает придерживаться позиции, что суверенитет превалирует над правами человека, он всё же согласился на периодические проверки состояния прав человека на своей территории, тем самым показав, что страна готова к кооперации даже по самым чувствительным вопросам, непосредственно затрагивающим её суверенитет.

При этом некоторые западные специалисты уверены, что основной целью Китая в вопросах прав человека является размывание повестки в угоду своим политическим интересам. Так, Каррай пишет: «суверенитет по-прежнему понимается и используется Китаем контекстуально и инструментально для обслуживания своих национальных интересов, которые сегодня включают его стремление стать глобальной державой» [Carrai 2019: 223].

Как бы то ни было, проблематика суверенитета продолжает оставаться крайне важной для развития КНР как на текущем этапе, так и в будущем. Примечательно, что магистерская диссертация главного идеолога партии, ныне Председателя Народного политического консультативного совета Китая Ван Хунина посвящена именно вопросу суверенитета.

Стоит подчеркнуть, что в процессе работы над проблематикой восприятия суверенитета Китаем особенно важно обратиться к китайским источникам, дабы не стать, по ёмкой характеристике В.М. Алексеева, «писателем о Китае», т.е. человеком, изучающим Китай, но при этом не владеющим китайским языком [Круглый стол... 2022].

Анализ китайских источников позволяет сделать интересный вывод: подходы к суверенитету продолжают эволюционировать даже в пределах «современного» периода.

Интересно, что одну из первых таких перемен в подходе к понятию суверенитета можно проследить уже в начале существования Нового Китая. В «Общей программе Народного политического консультативного совета Китая», принятой НПКСК 29 сентября 1949 г. за два дня до образования КНР, суверенитет в первую очередь упоминается в контексте функционирования Народно-освободительной армии Китая: «Задача этих вооружённых сил — защищать независимость, территориальную целостность и суверенитет Китая, а также защищать революционные завоевания и все законные права и интересы китайского народа»⁵. Обращение к суверенитету в контексте внешней политики Китая вторично по отношению к приведённой статье.

Однако уже в первой Конституции КНР 1954 года происходит смена приоритетов: понятие суверенитета возникает уже в преамбуле в контексте установления дипломатических отношений, успешным примером которых служат отношения КНР с СССР⁶. И лишь далее, в 20-й статье он упоминается в контексте функционирования вооружённых сил государства. Подобная смена и трансформация приоритетов происходит и сейчас.

Особый интерес в этом отношении представляет анализ упоминания суверенитета в официальных докладах руководителей КНР на съездах Коммунистической партии Китая. Выступления, звучащие на этом ключевом событии внутривнутриполитической жизни страны, обобщают её главные достижения и ставят новые задачи, тем самым определяя вектор развития государства на следующие пять лет. В рамках настоящей статьи авторы рассмотрели программные речи за последние 15 лет – доклады Ху Цзиньтао в 2012 г. и Си Цзиньпина в 2017 г. и 2022 г. Очевидно, что некоторые пункты в них схожи или даже почти полностью повторяют друг друга; тем не менее, удалось выявить и новые тенденции обращения к понятию суверенитета. Далее мы приведём краткий обзор указанных выступлений, где постараемся выделить как общие аспекты, так и характерные различия.

⁵ 中国人民政治协商会议共同纲领 [Общая программа Народного политического консультативного совета Китая]. 中国人民政治协商会议全国委员会. (На кит.). URL: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/12/16/ARTI1513309181327976.shtml> (дата обращения: 22.08.2023).

⁶ 中华人民共和国宪法 (1954年) [Конституция Китайской Народной Республики 1954 года]. 共产党员网. (На кит.). URL: <https://news.12371.cn/2015/03/18/ARTI1426665514681575.shtml> (дата обращения: 22.08.2023).

В докладе Ху Цзиньтао, произнесённом 8 ноября 2012 г. на XVIII съезде КПК⁷ и подводившем итоги его нахождения на посту лидера партии и страны, слово «суверенитет» (主权) встречается пять раз. Первый из абзацев, где упоминается это понятие, посвящён государственной политике в области укрепления армии и усиления национальной обороны, при этом отмечено, что данный курс нацелен на защиту «государственного суверенитета, безопасности, территориальной целостности», а также обеспечение мирного развития страны.

Как и в дальнейших аналогичных речах лидеров КНР, большое внимание уделяется единству страны, проблеме Тайваня и вопросу интеграции Гонконга и Макао в централизованную систему административной власти. Здесь также звучит тезис о принципе защиты государственного суверенитета, безопасности и интересов развития, которого придерживается центральное правительство в отношении Гонконга и Макао. Далее Ху Цзиньтао отмечает, что, несмотря на то что материковый Китай и Тайвань пока не объединены, обе стороны пролива принадлежат одному Китаю, а территория и суверенитет страны неделимы.

В заключительной части доклада Ху Цзиньтао затрагивает тему текущего состояния международных отношений. Здесь можно выделить два важных, на наш взгляд, момента. Во-первых, в отличие от последующих докладов, которые будут более подробно проанализированы ниже, в речи Ху Цзиньтао понятие суверенитета встречается в контексте прямой отсылки к Уставу ООН. Председатель КНР подчёркивает, что страна выступает за доверие, равноправие и взаимовыгодное сотрудничество между государствами, а также намерена способствовать демократизации международных отношений, «уважать суверенитет» и содействовать миру и стабильности во всём мире. Последний абзац, где упоминается суверенитет, выдержан в характерной для китайской дипломатии риторике: отмечается, что КНР следует по пути мирного развития, отстаивает принципы независимой и самостоятельной внешней политики, а также будет «решительно защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития», несмотря на все препятствия со стороны внешних сил.

Значительное изменение в расстановке акцентов можно наблюдать в прозвучавшем спустя пять лет – 18 октября 2017 г. – докладе Си Цзиньпина XIX съезду КПК⁸. Характерно, что первое упоминание суверенитета в этом выступлении встречается в контексте выдвинутой Си концепции «китайской мечты». Отмечая важность сохранения социалистического строя и руководства КПК для достижения этой цели, председатель КНР использует формулировку, которую мы уже видели в докладе Ху Цзиньтао. Он подчёркивает необходимость «сознательно защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития», а также решительно противостоять всем попыткам «расколоть страну, подорвать национальное единство и гармонию в обществе».

⁷ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК]. 人民网. (На кит.). URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html> (дата обращения: 04.09.2023).

⁸ 习近平：决胜全面建成小康社会 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин: Одержатъ решительную победу во всестороннем построении среднезажиточного общества. Добиться великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК]. 中华人民共和国中央人民政府. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 04.09.2023).

Следующий абзац с упоминанием суверенитета посвящён концепции национальной безопасности. Здесь Си Цзиньпин говорит о важности защиты всех видов безопасности, входящих в это понятие: безопасности внешней и внутренней, территориальной и национальной, традиционной и нетрадиционной, частной и коллективной, завершая этот пункт стандартной формулировкой о суверенитете, безопасности и интересах развития.

Последние же разделы посвящены вопросам Тайваня, Гонконга и Макао. Си Цзиньпин подчёркивает важность реализации принципа «одна страна, две системы» для достижения долгосрочной стабильности и процветания Гонконга и Макао и призывает КПК работать для улучшения жизни населения этих САР и исполнения своей конституционной обязанности защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития. К проблеме Тайваня Си Цзиньпин подходит значительно жёстче, чем пять лет назад в своём докладе Ху Цзиньтао. Здесь отмечается готовность решительно защищать суверенитет и территориальную целостность страны, противостоять любым сепаратистским действиям, направленным на достижение независимости Тайваня, а завершается абзац восклицательным предложением о том, что Китай никому и никогда не позволит отделить «ни кусочка от своей территории».

Таким образом, обращение к суверенитету встречается в этой речи четыре раза. Интересно, что поиск по иероглифам 主权 выдаёт шесть его упоминаний в докладе, однако в двух случаях он используется не самостоятельно, а как составная часть понятия 自主权 – автономия, самоуправление. В этих пунктах Си Цзиньпин говорит о важности продолжения реформы системы государственных органов и предоставления бóльшей автономии местным правительствам на уровне провинций и ниже. Большой абзац также посвящён стремлению Китая наращивать открытость внешнему миру, продвигать строительство инициативы «Один пояс, один путь» и предоставить экспериментальным ЗСТ бóльшую автономию в проведении реформ.

Наконец, обратимся к последнему докладу – выступлению Си Цзиньпина на XX съезде КПК, сделанном 16 октября 2022 г.⁹. Суверенитет упоминается в нём шесть раз, что составляет наибольшее число из всех рассмотренных речей. Показательно, что здесь суверенитет в контексте проблемы Тайваня затрагивается гораздо раньше, чем в предыдущих докладах – практически в самом начале выступления. Подводя итоги за пять лет, прошедшие с XIX съезда, Си Цзиньпин отмечает, что за это время страна столкнулась со многими серьёзными вызовами, которые, однако, успешно преодолела: эпидемия COVID-19, беспорядки в Гонконге, а также рост тайваньского сепаратизма. Важно отметить, что здесь впервые из проанализированных нами фрагментов трёх речей упоминаются провокации извне: «Столкнувшись с сепаратистскими действиями сил, выступающих за «независимость Тайваня», и серьёзными провокациями внешних сил, вмешивающихся в дела Тайваня, мы решительно развернули борьбу против сепаратизма и (внешнего) вмешательства, продемонстрировали твёрдую решимость защищать государственный суверенитет и территориальную целостность...».

⁹ 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Высоко держать великое знамя социализма с китайской спецификой. Сплочённо бороться ради всестороннего построения модернизированного социалистического государства. Доклад Си Цзиньпина на XX съезде КПК]. 中华人民共和国中央人民政府. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 04.09.2023).

Следующие два пункта с упоминанием суверенитета посвящены концепции национальной безопасности и в целом схожи с аналогичным разделом прошлого доклада Си Цзиньпина. Председатель КНР отмечает эффективность борьбы с сепаратистскими и экстремистскими силами, важность обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, безопасности цепочек производства и поставок, защиты законных прав и интересов китайских граждан за рубежом и необходимость «решительно защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития».

Ещё в двух абзацах рассматривается политика усиления армии. Отмечается необходимость наращивания военной мощи страны, модернизации вооружения и техники, улучшения подготовки личного состава с целью превратить Народно-освободительную армию Китая в одну из самых совершенных и передовых армий мира. Си Цзиньпин называет НОАК «героической армией, на которую партия и народ могут положиться» и два раза подчёркивает её способность и решимость защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития (в следующем абзаце – суверенитет, единство и территориальную целостность).

Последний фрагмент с упоминанием суверенитета открывается словами о том, что Китай проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику, отстаивает международную справедливость, уважает суверенитет и территориальную целостность всех стран, а также их право независимо выбирать путь развития и общественный строй, и выступает против вмешательства внешних сил во внутренние дела других государств.

Подведём итоги. В ходе изучения и анализа трёх рассмотренных выступлений можно отметить следующие тенденции и изменения в восприятии руководством КНР понятия суверенитета за последние 15 лет:

- количество упоминаний суверенитета постепенно возрастает;
- суверенитет начинает меньше упоминаться в контексте международных отношений и равноправного взаимодействия стран на мировой арене; напротив, значительно чаще обращение к нему начинает происходить в вопросах защиты безопасности и территориальной целостности государства;
- во всех выступлениях суверенитет упоминается в связи с проблемой Тайваня. Вместе с тем очевидна тенденция последовательного нарастания жёсткости формулировок и, соответственно, перехода китайского руководства к более жёсткой и бескомпромиссной позиции по этому болезненному для КНР вопросу. В условиях текущей международной напряжённости в последнем докладе Си Цзиньпина вопрос Тайваня поднимается практически сразу, кроме того, в отличие от двух предыдущих докладов открыто упоминаются провокации со стороны внешних сил;
- нельзя не отметить и явную тенденцию к более частому упоминанию суверенитета в контексте обеспечения национальной безопасности и усиления вооружённых сил страны. Если в 2012 г. в докладе Ху Цзиньтао суверенитет прозвучал в этой связи всего один раз, то в 2022 г. на эти сферы приходится уже две трети его упоминаний.

* * *

На протяжении веков суверенитет был и остаётся одной из самых «горячих» тем как мировой, так и китайской политики. В условиях, когда маятник снова качнулся в сторону

превалирования суверенитета над глобализацией (см. График 1), его изучение как никогда важно.

Исследование проблематики суверенитета, которая затрагивает практически все сферы жизни страны и общества, позволяет нащупать самые болезненные их точки. При этом необходимо, чтобы такие исследования базировались в первую очередь на оригинальных китайских источниках, прежде всего – программных речах лидеров страны, которые задают основной вектор развития КНР на годы вперёд. Речи лидеров КНР – это лакмусовая бумажка внутренних трансформаций Китая.

Другой вопрос – как подходить к решению проблем суверенитета, периодически обостряющихся и захватывающих всё инфополе.

С одной стороны, их можно игнорировать, руководствуясь стратегией Дэн Сяопина, который был убеждён, что вопросы, которые сейчас кажутся нерешаемыми, необходимо оставить будущим поколениям, ведь они будут обладать большей мудростью и большими возможностями для их решения. Возможно, к таким проблемам можно отнести неразрешённые территориальные вопросы, ведь подходы к суверенитету в этой области меняются медленнее всего.

С другой стороны, некоторые вопросы можно и нужно решать сейчас, например, допуск иностранных компаний и товаров на чужие рынки, поскольку одно из очевидных достижений глобализации – формирование более гибких подходов к суверенитету торгово-экономическому.

В любом случае, при принятии подобных решений необходимо в первую очередь опираться на внимательное изучение и понимание исторического и современного китайского подхода к суверенитету, который на протяжении последних веков играет особую роль во внутренней и внешней политике Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Круглый стол «Китаеведение современной России: проблемы и перспективы развития» // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 7–39. DOI: 10.31857/S013128120018493-3

Корсун В.А. Империя лавирует, или как Китай включали в семью наций. М.: МГИМО-Университет, 2022. 320 с.

Тимофеев О.А. Эволюция представлений о суверенитете в современном Китае // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 52. С. 55–60.

REFERENCES

Korsun V.A. (2022). *Imperiya laviruyet, ili kak Kitay vklyuchali v sem'yu natsiy* [The Empire maneuvers, or how China was included in the family of nations]. Moscow: MGIMO-Universitet, 320 p. (In Russian).

Kruglyy stol “Kitayevedeniye sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy razvitiya” [Round table “Sinology of modern Russia: problems and prospects of development”] (2022). *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 1: 7–39. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120018493-3

Timofeev O.A. (2011). *Evolyutsiya predstavleniy o suverenitete v sovremennom Kitaye* [The evolution of perceptions of sovereignty in modern China]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 52: 55–60. (In Russian).

Carlson A. (2005). *Unifying China, Integrating with the World: Securing Chinese Sovereignty in the Reform Era*. Stanford: Stanford University Press, 320 p.

Carrai M.A. (2019). *Sovereignty in China: A Genealogy of a Concept since 1840*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 284 p.

Krasner S.D. (1999). *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 269 p.

Okamoto T. (2019). China's "Territorial Sovereignty" and Its Origins. *Japan Review*, 3 (2): 13–19. DOI: 10.1353/asp.2020.0054

Sang Donghui (2006). Ye tan Chunqiu Zhanguo shiqi de zhuhouguo shifou wei zhuquan guojia [Let's discuss whether the vassal states during the Spring and Autumn Period and the Warring States Period were sovereign states]. *Guoji zhengzhi yanjiu*, 2: 137–149. (In Chinese). [桑东辉。也谈春秋战国时期的诸侯国是否为主权国家。国际政治研究。2006年。第二期。第137–149页].

Поступила в редакцию: 23.10.2023

Принята к публикации: 29.10.2023

Received: 23 October 2023

Accepted: 29 October 2023

DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-53-68

Япония и Китай: взаимное восприятие недавнего исторического опыта через призму оппозиции «Запад – Восток»

Кульнева Полина Викторовна^{1,2}

¹ МГИМО МИД России

² Институт востоковедения РАН

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия Китаем и Японией тяжёлого исторического опыта двусторонних отношений, который берёт начало в середине XIX в. при столкновении стран с давлением со стороны западного мира. Хронологические рамки исследования охватывают, таким образом, период, начинающийся с «опиумных войн» в Китае и реставрации Мэйдзи в Японии, проходят через кульминацию кризиса японо-китайских отношений – войну 1937–1945 гг. – и заканчиваются современностью, когда в обеих странах продолжается осмысление этого тяжёлого периода истории. Цель исследования – выявить роль западной составляющей во взаимном восприятии недавнего исторического опыта в Китае и Японии, рассмотрев это восприятие через призму оппозиции «Запад – Восток». Первая часть работы посвящена проблеме поиска странами своей национальной идентичности в условиях взаимодействия с западным миром во второй половине XIX – начале XX вв.; во второй части через призму оппозиции Запада и Востока рассмотрен процесс формирования памяти о японо-китайской войне 1937–1945 гг. в каждой из стран в послевоенный период. Исследование продемонстрировало, что фактор западного влияния достаточно значителен для понимания истоков и оценки последствий кризиса японо-китайских отношений, он отражается как на современном взаимодействии двух стран, так и на интерпретации ими своего исторического прошлого.

Ключевые слова: японо-китайские отношения, дихотомия «Восток – Запад», национальная идентичность, реставрация Мэйдзи, политика самоусиления, японо-китайская война 1937–1945 гг., историческая память, историческая травма.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, участник научного коллектива проекта «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии» МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76); научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0002-8699-5568. E-mail: kpoline@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00109 «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии».

Для цитирования: Кульнева П.В. Япония и Китай: взаимное восприятие недавнего исторического опыта через призму оппозиции «Запад – Восток» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 53–68. DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-53-68

Japan and China: Mutual Perception of Recent Historical Experience through the Prism of the West-East Opposition

Kulneva Polina V.^{1,2}

¹Moscow State Institute of International Relations

²Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the analysis of the perception of difficult historical experience in bilateral relations by China and Japan, which dates back to the middle of the 19th century when both countries faced strong pressure from the Western world. The chronological framework of the study thus covers the period starting from the “Opium Wars” in China and the Meiji Restoration in Japan, makes a focus on the war of 1937–1945, which is viewed as the culmination of the crisis in bilateral relations, and ends with the current situation, when both countries are still trying to comprehend this difficult period of their history. The purpose of the study is to identify the role of the Western component in the mutual perception of recent historical experience by China and Japan, examining this perception through the prism of the West-East opposition. The first part of the article describes the process of Japan and China, searching for their national identities after facing with the growing pressure from the West in the second half of the 19th – early 20th century. The second part sheds light on the role of the Western component in the formation of historical memory in Japan and China, related to the recent war between them. The study demonstrates significance of the Western factor for understanding the origins of the crisis in Sino-Japanese relations and the assessment of its consequences for each country. It should be definitely taken into consideration for better understanding the current state of Sino-Japanese relations as well as the interpretation of historical past in both countries.

Keywords: Sino-Japanese relations, East – West dichotomy, national identity, Meiji Restoration, Self-Strengthening Movement, Sino-Japanese war of 1937–1945, historical memory, historical trauma.

Author: *Kulneva Polina V.*, Ph.D. (Economics), member of the research team of the project “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation); researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8699-5568. E-mail: kpoline@list.ru

Conflict of interests. The author declares the absence on the conflict of interests.

Support. The research was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00109 “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”.

For citation: Kulneva P.V. Japonija i Kitaj: vzaimnoe vosprijatie nedavnego istoricheskogo opyta cherez prizmu oppozicii «Zapad – Vostok» [Japan and China: Mutual Perception of Recent Historical Experience through the Prism of the West-East Opposition]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 53–68. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-53-68

Введение

Япония и Китай – государства Восточной Азии, которые тесно сотрудничают в экономической, культурной и других сферах, но обременены целым комплексом проблем, связанных с историческим прошлым и современным положением на мировой экономической и политической арене.

Противоречия японо-китайских отношений начали проявляться с особой остротой в середине XIX в., когда обе страны после долгой изоляции столкнулись с натиском западной цивилизации и необходимостью встраивания в систему международных отношений, поиска своего места в ней. В этом смысле многие проблемы и конфликты оказываются неразрывно связаны с периодом самоопределения стран в пространстве между Востоком и Западом, в том числе японо-китайская война 1937–1945 гг., ставшая кульминацией кризиса двусторонних отношений, а также издержки памяти о ней, которые мы наблюдаем в настоящее время.

В статье сделана попытка осветить проблему исторической памяти в японо-китайских отношениях через призму оппозиции Востока и Запада и показать, как эта дихотомия формирует болевые точки памяти в настоящее время. Анализ проводится с предпосылкой об условном делении стран мира на восточные и западные по социокультурному принципу, которое сложилось в европейской мысли в Новое время и остаётся принятым в современном геополитическом дискурсе. Осознавая европоцентричность этого подхода, мы исходим из того, что рассматриваемые страны Востока – Япония и Китай – также воспринимали западный мир как нечто внешнее и, столкнувшись с его влиянием, искали своё место в этой системе координат.

Цель исследования – выявить роль западной составляющей во взаимном восприятии недавнего исторического опыта в Китае и Японии, рассмотрев данное восприятие через призму оппозиции «Запад – Восток». Это определяет задачи исследования, которые состоят в том, чтобы показать, как формировалась национальная идентичность Японии и Китая в условиях взаимодействия с западным миром во второй половине XIX – начале XX вв.; осветить с этой точки зрения проблему исторической памяти, связанной с тяжёлыми событиями середины XX в., в первую очередь японо-китайской войной.

Поиск странами национальной идентичности между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX вв.

В 1840–50-е гг. Япония и Китай, имевшие к тому времени схожие ценности и много общего в сферах государственного устройства, архитектуры, искусства и других достижений цивилизации (в первую очередь, в результате длительного влияния китайской цивилизации на Японию), столкнулись с беспрецедентными вызовами. Находясь под давлением со стороны западного мира, обе страны были вынуждены приспособливаться к новым условиям, не теряя при этом свою идентичность. История показала, что пути, по которым пошла каждая из них, оказались противоположными и имели разные последствия. Если Япония уже через несколько десятилетий после западного вторжения превратилась в одну из передовых стран мира, то Китаю потребовалось почти столетие, прежде чем он смог начать собственную модернизацию в условиях национального единства.

Освобождение Японии от монопольного влияния китайской культуры

Вторая половина XIX в. знаменует для Японии начало масштабных преобразований в политической, военной и социально-экономической сферах, которые проводились в русле последних достижений западного мира. Выбор этого пути модернизации был обусловлен прагматическими целями и осознанием сёгунатом превосходства стран Европы и Северной

Америки, наглядно продемонстрировавших своё влияние не только на Японию, но и на соседний Китай. В 1853 г. к Японии подошла эскадра США под командованием М. Перри, которая заставила правительство бакуфу подписать неравноправный договор и, после длительного периода самоизоляции Японии, открыть её порты для торговли. Примерно в это же время, в 1840–1842 и 1856–1860 гг., в цинском Китае разразились первая и вторая «опиумные войны» – вооружённые конфликты между западными державами и империей Цин. Великобритания, Франция и США требовали неограниченного права торговли на территории Китая, в том числе опиумом, и страна попадала под всё бóльшую от них зависимость, рискуя потерять суверенитет.

Если в Средние века наибольшее влияние на материальную и духовную культуру Японии оказывал Китай, находившийся на более высокой ступени развития, то после реставрации Мэйдзи¹ ситуация изменилась. Япония не только обратила взор к культуре западных стран, продемонстрировавших свою силу, но и стала по-другому относиться к соседу, который уже не внушал прежнего почтения. В период резкого сокращения контактов между странами (два века японской самоизоляции в 1641–1853 гг. и контроль торговли с иностранцами, введённый китайским правительством для защиты страны в XVIII – первой половине XIX в.) в Японии поддерживались прежние представления о Китае как о сильной и высокоцивилизованной стране, однако на фоне успешной модернизации Японии новое «открытие» Китая вызвало разочарование и даже презрение. В результате китайское влияние стало отходить на задний план на фоне доминирующего влияния Запада [Каткова, Чудодеев 2001: 43].

Эти процессы во многих отношениях перевернули представление японцев о внешнем мире и, наряду с изменением баланса сил между Китаем и Японией в пользу последней, привели к переосмыслению места Японии в мировой истории. С начала периода Мэйдзи японские учёные пытались вписать историю своей страны в западную историческую науку. В новом нарративе Запад заменил Китай в качестве идеализированной сущности, олицетворяющей прогресс и современность. Во многих случаях это означало отказ от целого пласта истории, привнёсшего в японскую культуру буддизм и конфуцианство [Такака 1993: 36–37]. Наряду со многими трудами мыслителей того времени показателен известный теоретический очерк «Дацуарон» (яп. 脱亜論, «Уход из Азии» / «Отречение от Азии») японского просветителя Фукудзава Юкити, опубликованный в газете «Дзидзи симпо:» в 1885 г. В нём Фукудзава призывает следовать за западным ветром, дующим на Востоке, не сопротивляться переменам, и если другие азиатские народы (китайский и корейский, которые названы в очерке «плохими друзьями») не спешат вставать на путь реформ и прогресса, то стоит «отречься от них» и связать свою судьбу с «цивилизованными народами Запада»².

Другая группа мыслителей высказывала противоположные идеи и призывала к единению всех азиатских народов в рамках концепции паназиатизма, причём особая роль в этом процессе отводилась Японии. Понимание Японией своей роли в мировом историческом

¹ Реставрация Мэйдзи – политические события и социально-экономические преобразования в Японии в 1868–1889 гг., направленные на модернизацию страны и одновременное сохранение её независимости в условиях давления западных держав.

² 脱亜論 [Теория ухода из Азии]. 時事新報 [Дзидзи симпо:], № 917. 16.03.1885. (На яп.). URL: <https://ja.wikisource.org/wiki/脱亜論> (дата обращения: 05.08.2023).

процессе нашло отражение в науке *то:ё:си* (яп. 東洋史, «история Востока»), появившейся в начале периода Мэйдзи в противовес *сэйё:си* (яп. 西洋史, «история Запада»). Если раньше, в эпоху Токугава, картина мира выстраивалась преимущественно вокруг Китая, который отдельно изучали науки *кангаку* (яп. 漢学, «китайские науки»), а самобытность японской культуры противопоставлялась им в рамках национальной науки *кокугаку* (яп. 国学, «изучение [своей] страны»), то теперь Китай, Япония и другие страны Азии были включены в единый ареал *то:ё:* (яп. 東洋, «Восток»). Это означало, что Япония больше не стоит с Китаем на разных ступенях развития, а относится к региону – такому же полноправному субъекту мировой истории, как и Запад. Соответственно, прогресс, достигнутый западными странами, стал считаться вполне достижимым для восточной страны, вставшей на путь реформ и модернизации.

Как отмечает известный японовед А.Н. Мещеряков, каждое столкновение Японии с иностранной культурой вызывало обратную реакцию в виде попыток самоидентификации и припоминания собственных корней [Мещеряков 1992: 15–20]. Это произошло и в XIX в., однако интенсивность этого процесса привела в данном случае к чрезмерному укреплению националистических настроений. Ускоренная модернизация Японии, в том числе в военной сфере, и растущая вера в миссию страны при возрождении региона, подкреплённая военными успехами (победой в первой японо-китайской войне и русско-японской войне), создали благоприятную почву для зарождения и развития милитаристской идеологии и стали основой для японской агрессии в Китае. Результатом такого видения Японией своей роли в мире и регионе стала концепция создания «великой восточноазиатской сферы процветания» – блока азиатских народов и государств, возглавляемых японской империей и свободных от контроля западных держав.

Попытка самоусиления Китая в условиях борьбы традиционных и прогрессивных идей

Как и Япония, Китай столкнулся в середине XIX в. с серьёзным вызовом для своей государственности – вероятно, самым значительным за всю предшествовавшую историю. Преследуя свои экономические интересы, страны Запада оказывали на страну возрастающее давление, требуя открытия портов для торговли, свободного доступа на китайский рынок, разрешения миссионерской деятельности и других привилегий. Экономическое и военное превосходство Запада привело к подписанию серии неравноправных договоров с невыгодными для Китая условиями.

Столкновение с западным миром совпало с традиционным для страны кризисом династийного цикла, который усугубился вследствие вмешательства извне. Вторая половина XIX в. прошла под знаком борьбы разнонаправленных сил, стремившихся освободить Китай от западного гнёта и свергнуть правящую маньчжурскую династию. Осознавая отставание страны от западного мира, часть этих сил считала необходимым заимствование ценностей, институтов и достижений у Запада. Так, выступая против западных колонизаторов, тайпины обращались к западным религиозным учениям для утверждения собственной власти³. Либеральная оппозиция во главе с Кан Ювэем призывала к соединению традиционных ценностей Поднебесной с экономическими достижениями Запада и парламентской

³ Название теократического повстанческого государства *Тайпин тяньго* («Небесное государство великого благоденствия») сочетает в себе христианское влияние с традиционными представлениями.

демократией. Другая группа оппозиционеров под руководством Сунь Ятсена ставила своей задачей свержение маньчжурской династии и создание республиканского государства. На рубеже XIX–XX вв. возникло ещё одно антизападное движение, вылившееся в Ихэтуаньское восстание (восстание «отрядов справедливости и мира»). В отличие от тайпинов, это движение было в высшей степени традиционным и призывало к полному устранению иностранного влияния в экономической, политической и религиозной жизни страны.

Прочность устоев конфуцианской государственности и сильный традиционный компонент в национальном самосознании привели к тому, что любые попытки возрождения страны на базе западных ценностей сталкивались с жёстким сопротивлением. Представление о превосходстве морально-этических принципов конфуцианства, которое преобладало в интеллектуальных кругах того времени, выражалось в формуле «китайская (т.е. конфуцианская) наука составляет основу, а западная носит прикладной характер» (кит. 中学为体, 西学为用)⁴.

Китай не мог поддаться западному влиянию с той же лёгкостью, что и Япония, имевшая длительный предшествовавший опыт заимствования внешней культуры. Реформы, направленные на укрепление мощи страны и противодействие внешним захватчикам, оказались подчинены военным нуждам, не обеспечив внутренней стабильности. Это привело к ослаблению трона и нарастанию противоречий, создав благоприятную почву для революции, гражданской войны и, наконец, полномасштабной войны с Японией.

Япония воспринималась в этих событиях как предатель, который вместо того, чтобы помочь «старшему брату»⁵, присоединился к захватнической политике колонизаторов и подверг страну «столетию унижения»⁶. В 1894 г., вскоре после отторжения у Китая Северного Вьетнама и установления там французского протектората, Япония начала войну против империи Цин с целью установления своего господства в Корее, находившейся в вассальных отношениях с Китаем. Таким образом, унижительная для Китая политика захвата его территорий западными странами была продолжена некогда близким и дружественным азиатским государством. Первую японо-китайскую войну завершил Симоносекский договор, по которому, помимо прочих условий, от Китая отторгались Тайвань, острова Пэнху и Ляодунский полуостров. Все последующие события и действия Японии (начиная с попытки захвата германских владений в Шаньдуне и «Двадцати одного требования»⁷ и заканчивая японской интервенцией в Маньчжурию и продвижением японской Императорской армии вглубь Китая во время войны 1937–1945 гг.) в итоге привели к серьёзной трансформации японо-китайских отношений.

⁴ По мнению некоторых исследователей, например, старшего научного сотрудника отдела китаеведения Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН Г.С. Каретиной, эта формула является ключом к пониманию политики Китая на протяжении всей новой истории страны (1840–1949 гг.) и сохраняет своё значение в настоящее время [Каретина 2015: 4].

⁵ Многие китайские просветители (среди них Хуан Цзунсянь, Лян Цичао, Сунь Ятсен) в духе конфуцианской традиции воспринимали отношения с Японией с позиций семейной иерархии и рассматривали Японию как младшего брата [Каткова, Чудодеев 2001: 59, 109, 134–135].

⁶ «Столетие унижения», или «столетие национального унижения» (кит. 百年国耻) – термин, используемый в китайской историографии для описания периода интервенции и вынужденного подчинения страны западным державам и Японии в период с середины XIX до середины XX в.

⁷ Список унижительных требований, вручённый главе правительства Китайской Республики Юань Шикаю после успешного продвижения японских войск в Шаньдуне, который включал закрепление за Японией бывших германских владений и других территорий, а также допуск к принятию государственных решений, расширение прав экономической и просветительской деятельности японцев в стране.

Если во второй половине XIX в., по признанию исследователей японо-китайских отношений, в Китае возник кризис традиционного восприятия страны-соседа [Каткова, Чудодеев 2001: 34–74], то войну 1937–1945 гг. можно считать кульминацией этого кризиса. При этом очевидно, что новая модель взаимного восприятия формировалась в условиях поиска странами своего места в мировой истории и международных отношениях, который происходил при возрастающем давлении Запада. Роль западной составляющей сохраняет актуальность в японо-китайских отношениях и в послевоенный период.

Роль западной составляющей в отношении стран к своей исторической травме

Японо-китайская война 1937–1945 гг. остаётся тяжёлой травмой и для Китая, и для Японии, и память о ней, которая актуализировалась в последние десятилетия, наносит большой ущерб двусторонним отношениям. Причиной серьёзных противоречий остаются различия в оценках масштаба трагедии и меры ответственности за неё. Споры и конфликты возникают в связи с фиксацией исторических фактов в учебниках истории и музеях, разным пониманием подходящего и допустимого поведения бывшего агрессора, заявлениями политиков и СМИ. Но наиболее показательной можно считать проблему извинений государственных лидеров Японии. После нормализации японо-китайских отношений (1972 г.) высшие должностные лица Японии неоднократно произносили слова сожаления о прошлом. Однако китайская сторона воспринимает эти извинения как недостаточно сильные, что в полной мере отражает тяжесть полученной Китаем исторической травмы. С японской же стороны отголоски травмы проявляются в накопившейся за последние десятилетия усталости от извинений.

Если влияние Запада сыграло осязаемую роль на этапе зарождения и развития конфликта, то оно сохраняется и после войны. Возникшая под влиянием Запада трансформация породила неоднозначность в оценке коммунистами бывшего агрессора⁸. С одной стороны, подобно тому, как это делали китайские просветители во второй половине XIX в., китайские коммунисты говорили о близости японского и китайского народов, с другой стороны, они же подвергали Японию резкой критике за слабость перед западным империализмом. Здесь проявилось и чувство солидарности с Японией, соседней страной, которая, как и Китай, подверглась беспрецедентному западному давлению, и солидарность с простыми японцами, усиленная постулатом ленинской теории о том, что народ никогда не виноват.

Для китайской риторики первых послевоенных десятилетий было характерно чёткое отделение ответственности пришедших к власти милитаристов за развязывание войны от ответственности японского народа. Так, Чжоу Эньлай неоднократно подчёркивал, что японский народ тоже столкнулся с бедствиями и лишениями⁹. Сама же Япония воспринималась как жертва империалистической агрессии, угнетения и контроля со стороны США. Закономерное неприятие вызывает Договор безопасности между США и Японией, причём

⁸ В описании послевоенного периода речь будет идти только о коммунистическом Китае. Исследование исторической памяти на Тайване не входит в задачи данной работы.

⁹ 孙平化、王效贤。周恩来为浇开中日友谊之花倾注心血 [Сунь Пинхуа, Ван Сяоянь. Чжоу Эньлай сделал всё, чтобы расцвёл цветок дружбы Китая и Японии]. *人民网* [Жэньминьван], 18.02.2021. (На кит.). URL: <http://zhouenlai.people.cn/n1/2021/0218/c409117-32030509.html> (дата обращения: 15.10.2023).

«вторжение» США во внутренние дела страны-соседа сравнивается с японской агрессией против Китая. В 1952 г. газета «Жэньминь жибао» пишет, что «американский империализм заменил японский империализм в качестве главного виновника агрессии против стран Азии»¹⁰. Наблюдая за дальнейшим развитием событий и протестным движением в Японии, Мао Цзэдун выражает в 1964 г. восхищение антиамериканской демонстрацией японского народа [Мао Tse-Tung 2021].

В этом отношении важно подчеркнуть, что с окончанием Второй мировой войны борьба с империализмом для коммунистического Китая не закончилась, а напротив, как отмечалось в статье «Жэньминь жибао» в 20-летнюю годовщину победы, «на смену немецкому, итальянскому и японскому фашизму пришёл американский империализм, ставший самой агрессивной формой империализма»¹¹. Антифашистская война подразумевала для Китая не только борьбу с Японией, но и глобальную борьбу с западным капиталистическим миром вообще¹². Будучи побеждённым агрессором, с китайской точки зрения, Япония, как и многие другие страны, оставалась в сфере пагубного влияния Запада.

Говоря о китайском восприятии Японии, важно также учитывать обстоятельства гражданской войны в самом Китае. Борьба с внешним агрессором сопровождалась ожесточёнными столкновениями с внутренним соперником коммунистов Гоминьданом, при этом Мао Цзэдун не отрицал вклад Японии в благоприятный исход гражданской войны. Так, выступая в 1960-е гг. перед японской делегацией, Мао выразил благодарность японской Императорской армии и отметил, что «если бы Япония не захватила большую половину Китая, китайский народ бы не пробудился» [Мао Zedong 1999: 201].

Относительно мягкое отношение к бывшему агрессору, нежелание акцентировать внимание на тяжёлых событиях недавнего прошлого определялось и конъюнктурными интересами, связанными со складывавшейся международной обстановкой и желанием коммунистов выйти из международной изоляции. Для того, чтобы получить дипломатическое признание стран Запада, Новому Китаю была необходима, в том числе, поддержка Японии, находившейся в орбите влияния США [Стрельцов 2016: 338–339].

Ещё одним внешним фактором, определившим сближение с Японией, стали нараставшие противоречия между КНР и СССР в 1950–60-е гг. В этих условиях Япония представлялась китайскому руководству значительно более привлекательным союзником и партнёром. Показательными явлениями для данного периода становятся поддержка со стороны Китая японской позиции по «северным территориям» в 1964 г. и достигнутый в 1972 г. компромисс по спорным островам Сэнкаку – проблемы, к которым отношение КНР в дальнейшем окажется диаметрально противоположным.

¹⁰ 中日两国人民团结起来，为反对美国侵略而斗争——纪念中国人民抗日战争十五周年 [Народы Китая и Японии объединяются для борьбы против американской агрессии – Празднование 15-летия Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 07.07.1952. (На кит.). URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1952-07-07-1#85705> (дата обращения: 01.06.2023).

¹¹ 反法西斯战争的历史经验 [Исторический опыт антифашистской войны]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 09.05.1965. (На кит.). URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1965-05-09-1#340106> (дата обращения: 15.10.2023).

¹² Fitzgerald, J. China's Anti-Fascist War Narrative: Seventy Years On and the War with Japan is Not Over Yet. *The Asan Forum*, November 17, 2015. URL: <https://theasanforum.org/chinas-anti-fascist-war-narrative-seventy-years-on-and-the-war-with-japan-is-not-over-yet/> (accessed: 16.10.2023).

Таким образом, в первые послевоенные десятилетия Запад, с одной стороны, оставался соперником для Китая (но уже в марксистской парадигме), с другой – был необходим стране как опора для выстраивания международных связей после победы коммунистов и основания нового государства. Это не могло не повлиять на восприятие Японии в КНР. Оно выстраивалось как с учётом традиционной модели (в которой Япония является «младшим братом» Китая и родственной азиатской страной), так и с учётом западного влияния на страну-соседа. Подвергая Японию резкой критике за слабость перед натиском Запада, Китай считал её жертвой американского империализма, которой предстоит решить задачу национального освобождения. Что касается антияпонских заявлений, связанных с войной, то на официальном уровне в этот период они практически не звучали.

Потеря актуальности упомянутых международных проблем (в 1972 г. после нормализации отношений с Японией была решена задача преодоления изоляции КНР, а с начала 1980-х гг. СССР всё меньше воспринимается как враг и угроза), вместе с политическими и экономическими процессами в Китае, приводит к качественному сдвигу в его позиции по отношению к Японии в 1980–90-е гг.

В этот период в КНР происходит идеологическая трансформация, связанная с тяжёлым внутривластным кризисом в результате провала Большого скачка и последовавшей за ним «культурной революции». Взятый после смерти Мао Цзэдуна курс на выход страны из кризиса, в первую очередь экономические преобразования, получившие название политики «реформ и открытости», требовал новой идеологической базы для укрепления самооценки и национальной гордости китайского народа. В 1980-е гг. на смену марксистской идеологической парадигме приходит национализм, причём доминирующим нарративом в нём становится «виктимизация» – акцент на представлении Китая как жертвы, пострадавшей от агрессии стран Запада, включая Японию [Gries 2004: 48].

На протяжении дальнейших десятилетий в Китае наблюдается «обновление» памяти о войне, меняется образ страны и её народа в борьбе с японскими захватчиками [Перминова 2022: 345–349]. Необходимость консолидации китайской нации вокруг общей идеи усилилась после жестокого подавления антиправительственных демонстраций Народно-освободительной армией Китая на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Именно в начале 1990-х гг. руководство страны объявило о начале государственной кампании «патриотического воспитания», которая привела к реинтерпретации ряда ключевых проблем военного прошлого. Если раньше обвинений в адрес Японии практически не звучало, то теперь стал акцентироваться статус её как агрессора, а упоминания о положительном вкладе в модернизацию Китая или о роли в борьбе с Гоминьданом исчезли из официального дискурса. Если раньше китайские власти отделяли ответственность японской элиты за развязывание войны от ответственности простого народа, то в 2000-е гг. это разделение пропадает [Vickers, Yang 2013: 29]. Обновлённая риторика активно транслировалась через систему школьного образования, военные памятники и музеи.

Характерным для 1990-х гг. стал рост масштабов экспозиций ведущих военных мемориалов Китая [Denton 2014: 133–152]. Так, «Мемориальный комплекс памяти жертв нанкинской резни» в Нанкине обновлялся и расширялся дважды – в 1995 и 2005 гг., примерно в это же время проводились крупные реконструкции «Музея сопротивления китайского народа японским захватчикам», расположенного в пригороде Пекина у моста Лугоуцяо. Оба мемориальных комплекса были открыты в 1980-е гг., а обновление их

экспозиций было приурочено к памятным датам трагических событий в Нанкине и Великой победы.

Помимо монументализации памятников, ещё одной характерной тенденцией последнего времени стало усиление глобальной перспективы в оценке Китаем тяжёлых событий прошлого. В 2005, 2010 и 2015 гг. (по случаю, соответственно, 60-летия, 65-летия и 70-летия победы в войне) в «Музее сопротивления китайского народа японским захватчикам» состоялись выставки, посвящённые всемирной борьбе с фашизмом и вкладу Китая в Великую победу. Это, с одной стороны, говорит об укреплении позиций страны на мировой арене, что даёт Китаю возможность подчёркивать свою глобальную роль, с другой – вновь отсылает к мотиву противостояния с Западом, который присутствовал и до войны, и во время неё в контексте борьбы с фашизмом.

Логическим продолжением идеологического курса последних десятилетий можно считать провозглашённую Си Цзиньпином в 2012 г. стратегическую концепцию «китайской мечты» (кит. 中国梦), или «мечты о великом возрождении китайской нации» (кит. 中华民族伟大复兴), в которой прослеживается очевидная связь с памятью о национальном унижении со стороны Запада и Японии и пропагандируется возвращение к великому Китаю, существовавшему до этих событий. В этом смысле ключевая идеологема «китайской мечты» – «два столетия» (кит. 两个一百年), которая подразумевает реализацию целей развития страны к двум знаменательным датам – столетию основания КПК и столетию основания КНР –отражает стремление преодолеть тяжёлую память о «столетии национального унижения».

В Японии направление, в котором формировалась память о войне, было иным и во многих отношениях противоположным. В первые послевоенные годы (1945–1952) представление японского общества о военном прошлом складывалось при участии оккупационной администрации, политика которой привела к смещению фокуса внимания с «Великой восточноазиатской войны» (яп. 大東亜戦争) к «Тихоокеанской войне» (яп. 太平洋戦争). В частности, в годы оккупации был введён прямой запрет на использование первого варианта названия в официальных документах, поскольку он вызывал нежелательные ассоциации с милитаризмом и японской агрессией.

Интересы оккупационной администрации требовали стабилизации обстановки и скорейшего послевоенного восстановления Японии, что соответствовало и приоритетам японского правительства. В послевоенные десятилетия особое внимание в стране уделялось смягчению военной травмы посредством государственного контроля в массовой культуре и сфере образования. Большая часть фильмов этого периода была посвящена именно событиям на тихоокеанском фронте. Что касается школьных учебников, то в них, как и в подавляющем большинстве японских СМИ и в других источниках – книгах, журналах, до сих пор употребляется термин «Тихоокеанская война» в противовес таким названиям, как «Пятнадцатилетняя война» (яп. 十五年戦争) и «Азиатско-тихоокеанская война» (яп. アジア・太平洋戦争), которые также отсылают к военным действиям на китайском фронте [Shōji 2011: 75–77]. Показательно, что по данным опроса, проведённого в начале 1990-х гг. специальной японо-китайской комиссией по исследованию учебников истории, японская молодёжь была лучше осведомлена о действиях США на Тихоокеанском театре военных действий, чем о событиях, связанных с японским наступлением в Китае [Nihon no seito...

1996: 1–27]. Результат опроса наглядно иллюстрирует смещение акцентов и размывание памяти о данной странице истории.

Помимо этого, восприятие итогов Тихоокеанской войны в Японии непосредственно связано с атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, что ставит страну в позицию жертвы, несмотря на статус побеждённого агрессора. Такое осознание создаёт чувство психологического комфорта [Стрельцов 2015: 42] и парадоксальным образом помогает японцам принять послевоенное развитие событий, формируя соответствующее отношение к историческому прошлому.

Ориентация Японии на западный прогресс и западные ценности, которая только усилилась благодаря военному альянсу с США и активному взаимодействию с американской и европейской культурой, подвергается резкой критике в современном китайском дискурсе. В вопросах оценки исторической травмы китайской стороной, в обвинениях Японии в совершённых военных преступлениях можно видеть как отсылки к истокам конфликта, так и акцентирование влияния США на Японию в послевоенный период. Так, по мнению ряда китайских исследователей, именно давление США мешает Японии осознать свою вину и раскаяться в совершённых ошибках.

Приводя такие примеры, можно отметить, что, по мнению участников Китайского форума социальных наук, прошедшего в Пекине в 2010 г., Япония встала на путь войны, сформировав под влиянием противостояния Азии (т.е. Востока. – *Прим. авт.*) и Запада представление о своей исключительности. Поскольку после Токийского процесса Япония была вынуждена «покинуть Азию, не завоевав Европу» (т.е. фактически остаться в подчинённом положении по отношению к западному миру), то находясь на перепутье, она так и не смогла восстановить дружеские отношения со своими соседями. При этом политика США, по мнению участников форума, препятствует переосмыслению Японией собственной истории, поскольку всегда ставила на первое место продвижение американских интересов, а не проблему привлечения бывшего агрессора к ответственности [Li 2011: 21–24].

Аналогичная точка зрения была выражена в 2021 г. научным сотрудником Института изучения Японии Китайской академии современных международных отношений Хо Цзяньганом: Сан-Францисский мирный договор, к подписанию которого не был допущен Китай и другие страны Азии, «позволил бывшему агрессору остаться безнаказанным»; «использование американцами Японии в холодной войне в качестве щита для борьбы с Советским Союзом отодвинуло на второй план вопрос привлечения страны к ответственности»¹³.

На фоне регулярных извинений японских государственных лидеров и роста напряжённости в отношениях КНР с США в 2000-е гг. обвинения китайской стороной Японии в непризнании всей полноты ответственности (хотя порой и не лишённые оснований¹⁴) сложно не относить к так часто звучащей в Китае антиамериканской риторике.

¹³ 日本推卸战争责任越走越远 [Япония всё дальше уклоняется от ответственности за войну]. *新华* [Синьхуа], 23.09.2021. (На кит.). URL: http://www.news.cn/globe/2021-09/23/c_1310195738.htm (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁴ Предметом недовольства стран Азии, пострадавших от японской агрессии, является противоречие между декларируемым сожалением японской стороны и посещением государственными лидерами Японии храма Ясукуни, где в том числе почитается память преступников, осуждённых военными трибуналами. Кроме того, в 2000-е гг. характер японских извинений изменился в содержательном плане, что заметно в речи премьер-министра С. Абэ 2015 г.

С японской стороны отсылка к Западу присутствует в знаковых речах премьер-министров Японии, связанных с войной¹⁵, но она возникает главным образом в контексте послевоенного восстановления страны, укрепления её связей с экономиками Юго-Восточной Азии и возвращения в мировое сообщество. Так, вместе со словами сожаления об ущербе и страданиях, причинённых народам Азии, Т. Мураяма выразил «глубочайшую благодарность странам мира, в первую очередь США, за оказанную поддержку и сотрудничество» и искреннюю радость в связи с установлением дружеских отношений со странами Азии, с США, всеми странами АТР, а также с Европой¹⁶. В речи премьер-министра Дз. Коидзуми (2005) была отмечена роль Сан-Францисского мирного договора в возвращении Японии в мировое сообщество¹⁷. Красной линией через все официальные заявления, связанные с войной, проходит утверждение пацифизма как главного достижения в развитии послевоенной Японии. В 70-летнюю годовщину окончания войны премьер-министр С. Абэ вновь подтверждает высшую ценность мира и процветания для японского государства, отмечая, что жизнь современных поколений стала возможной благодаря «руке помощи, протянутой большим числом стран, с которыми Япония яростно боролась как с врагами, в первую очередь США, Австралией и странами Европы»¹⁸.

В то же время в японских правительственных кругах имеет место мнение о коллективной ответственности Запада за развязывание агрессивной войны и роли западного фактора в действиях Японии. Оно ярко проявилось в полемике вокруг резолюции японской Палаты представителей 1995 г., которая выглядела довольно слабой с точки зрения извинений перед пострадавшими народами и раскаяния Японии за агрессивные действия, особенно по сравнению с одновременно прозвучавшей речью Т. Мураяма. Текст резолюции вызвал бурную дискуссию в парламенте, и в одном из черновых вариантов, предложенных либерально-демократической партией, содержалось утверждение о том, что «Япония попала в водоворот борьбы между великими державами¹⁹ за колониальное господство» [Mukai 1996: 1022–1023]. Этот тезис, который фактически означал, что агрессивная политика Японии ничем не отличалась от политики других западных стран, вызвал критику социалистической партии и не вошёл в итоговую резолюцию. Однако в финальном тексте об «агрессии» и «колониальном господстве» по-прежнему говорится лишь в общих чертах, с точки зрения исторических тенденций того времени.

¹⁵ Для анализа взяты наиболее значимые и показательные речи премьер-министров Японии, произнесённые на 50-летие (Т. Мураяма), 60-летие (Дз. Коидзуми) и 70-летие (С. Абэ) окончания войны.

¹⁶ 「戦後 50 周年の終戦記念日にあたって」 (いわゆる村山談話) [«По случаю 50-летней годовщины окончания войны» (Так называемое «Заявление Мураяма»)]. 外務省 [МИД Японии], 15.08.1995. (На яп.). URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/07/dmu_0815.html (дата обращения: 21.08.2023).

¹⁷ 小泉総理の演説・記者会見等 内閣総理大臣談話 [Речи и пресс-конференции премьер-министра Коидзуми. Заявление премьер-министра]. 首相官邸 [Кабинет министров Японии]. (На яп.). URL: <https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11236451/www.kantei.go.jp/jp/koizumispeech/2005/08/15danwa.html> (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁸ 平成 27 年 8 月 14 日内閣総理大臣談話 [Заявление премьер-министра от 14 августа 2015 г.]. 首相官邸 [Кабинет министров Японии] (На яп.). URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/discourse/20150814danwa.html (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁹ В оригинале резолюции использовано слово *рэккё*: (яп. 列強, «великая держава»), которое относилось в военный период к Великобритании, Франции, нацистской Германии, Италии и США.

В центре внимания резолюции японского парламента 2005 г. наряду с 60-летней годовщиной окончания войны был юбилей ООН и роль организации в решении широкого круга проблем, стоящих перед мировым сообществом. При отсутствии прямых упоминаний об агрессии и колониализме в тексте документа присутствует отсылка к резолюции 1995 г., подчёркивающая неизменность общей позиции по отношению к военному прошлому.

В 70-ю годовщину окончания войны было официально объявлено о том, что в новой резолюции нет необходимости: отчасти потому, что эта дата не столь знаменательна, как 50-летие, отчасти из-за большого числа отсутствовавших при голосовании за предыдущую резолюцию²⁰. С точки зрения японского менталитета это можно объяснить отсутствием абсолютного единства в оценке недавнего исторического прошлого японским парламентом, который предпочёл оставить слово за премьер-министром во избежание конфликта.

По случаю 70-летия окончания войны С. Абэ действительно даёт исчерпывающие ответы на насущные вопросы, в том числе впервые напрямую обращаясь к проблеме западного колониализма и истоков конфликта. По словам премьер-министра, «колониальная экспансия Запада», его «подавляющее технологическое превосходство» подтолкнули Японию на путь модернизации. В результате Япония стала «первой в Азии страной, учредившей конституционное правительство». Способность страны защитить свою независимость и её победа в русско-японской войне «придали смелости многим странам Азии и Африки, находившимся под колониальным управлением». После Первой мировой войны, намереваясь присоединиться к масштабному движению наций за самоопределение и участвовать в создании нового миропорядка, Япония «столкнулась с серьёзным экономическим ударом» в результате «мировой смуты» и «создания странами Запада экономических блоков с вовлечением колониальных экономик». «В этих условиях Япония ... попыталась преодолеть дипломатический и экономический тупик с помощью силы»²¹. Таким образом, агрессия Японии представлена в речи С. Абэ как вынужденный ответ на угрозу западного империализма, что вновь дало повод китайским СМИ обвинить японскую сторону в уклонении от ответственности²².

Основные тезисы речи С. Абэ соответствуют видению Японией своего места в современном мире и официально декларируемому стремлению японского государства не перекладывать ответственность на будущие поколения, которые не имеют отношения к прошлой агрессии. Подчёркивая, что Япония стала другой страной и больше не ступит на путь войны, Абэ пытается найти выход из периода *сэнго* (яп. 戦後, «после войны»), когда японцы должны бесконечно акцентировать внимание на прошлом и продолжать извиняться. В то же время, говоря о солидарности с народами Азии в период, предшествовавший войне (способность Японии достойно выйти из ситуации возрастающего западного давления

²⁰ 戦後 70 年国会決議「必ずしも必要ない」 谷垣幹事長 [Резолюция парламента по случаю 70-летия окончания войны «не обязательна», исполнительный секретарь Танигаки]. *TV Asahi*, 17.03.2015. (На яп.). URL: https://news.tv-asahi.co.jp/news_politics/articles/000046534.html (дата обращения: 27.10.2023).

²¹ 平成 27 年 8 月 14 日 内閣総理大臣談話 [Заявление премьер-министра от 14 августа 2015 г.]. *首相官邸* [Кабинет министров Японии] (На яп.). URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/discourse/20150814danwa.html (дата обращения: 22.08.2023).

²² Своё разочарование речью Абэ выразило, например, агентство Синьхуа в статье: 战后 70 周年: 中日关系何处去 [70 лет после войны: куда движутся китайско-японские отношения?]. *新华* [Синьхуа], 16.08.2015. (На кит.). URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-08/16/c_128133897.htm (дата обращения: 22.08.2023).

«придала смелости многим странам Азии и Африки»), и делая отсылку к роли Запада в развязывании конфликта, Абэ подчёркивает сложность глубинных причин этого конфликта и подразумевает возможность (и необходимость) выстраивания равноправных отношений со всеми его сторонами в современных условиях.

Заключение

В данной работе сделана попытка выделить фактор противостояния Востока и Запада в японо-китайских отношениях и рассмотреть с этой точки зрения те проблемы, которые возникли в середине XIX в., достигли своей кульминации в XX в. во время японо-китайской войны и продолжают осложнять отношения двух стран в настоящее время в форме исторической памяти. Как показало исследование, хотя фактор западного влияния и не является единственным, он достаточно важен для понимания истоков кризиса японо-китайских отношений и оценки его последствий каждой из стран в современных условиях.

В первой части работы мы проследили, как, столкнувшись с натиском Запада в XIX в., Китай и Япония искали своё место в системе международных отношений, и определили основные отличия выбранных ими путей преодоления кризиса. Во второй части сделан акцент на развитии японо-китайского конфликта и проблеме оценки каждой из стран своей исторической травмы с учётом западной составляющей. Можно утверждать, что ни Япония, ни Китай не свободны от западного влияния не только в вопросах самоидентификации, но и в формировании отношения к стране-соседу.

Эволюция взаимного восприятия Китая и Японии и изменение их отношения к исторической травме в послевоенный период были в значительной степени связаны с западным фактором. Так, желание заручиться поддержкой Запада для выхода из дипломатической изоляции во многом определило относительно мягкое отношение КНР к бывшему агрессору в первые послевоенные десятилетия. В то же время сближение Японии с США выступало негативным фактором в оценке Китаем пути, выбранного Японией после войны, и способности этой страны признать свои ошибки. Влияние Запада на Японию в связи с рассмотренными проблемами можно свести к формированию в первые послевоенные годы взгляда на войну с определённого ракурса (смещению фокуса внимания с Великой восточноазиатской войны к Тихоокеанскому театру военных действий) и сглаживанию острых углов в сохранившейся памяти о войне под влиянием политики американских оккупационных властей. В послевоенный период страны Запада являются неотъемлемой частью глобальных экономических и политических связей Японии. В то же время, оглядываясь в прошлое, японские националистические круги используют прозападную риторику для оправдания военной экспансии.

Взросшее в последнее время желание японских политических кругов добиться большей самостоятельности страны в оборонной политике косвенно отражается и на оценке военного прошлого, в том числе в виде критических замечаний в отношении западного колониализма, допущенных в речи премьер-министра С. Абэ в 2015 г. Фактор отношений с США нельзя не учитывать и для китайской стороны, поскольку усиление напряжённости в китайско-американских отношениях отражается на оценке действий Японии.

В современном мире отношения Японии и КНР со странами Запада продолжают меняться. Характер и направление этих изменений будут определять и современное состояние японо-китайских отношений, и интерпретацию странами своего исторического прошлого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Каретина Г.С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая // Известия Восточного Института. 2015. № 26 (2). С. 3–9.
- Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. – 30–40 гг. XX в.). М.: ИВ РАН – Крафт+, 2001. 370 с.
- Мещеряков А.Н. Внешний фактор в истории Японии и проблема национальной самоидентификации // Восток. 1992. № 4. С. 15–20.
- Перминова В.А. «Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае и её влияние на отношения между Пекином и Токио в 90-е гг. XX века // Общество и государство в Китае. Т. LII / Редколл.: А.И. Кобзев, гл. ред. [и др.]. М.: ИВ РАН, 2022. С. 341–370.
- Стрельцов Д.В. Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 38–45.
- Стрельцов Д.В. Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945–1991 гг.) // Ежегодник Япония. 2016. Т. 45. С. 337–352.

REFERENCES

- Karetina G.S. (2015). Konfucianstvo v processe modernizacii Kitaya [Confucianism in the Process of China's Modernization]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta [Oriental Institute Journal]*, 26 (2): 3–9. (In Russian).
- Katkova Z.D., Chudodeev Yu.V. (2001). *Kitaj – Yaponiya: lyubov' ili nenavist'?* K probleme evolyucii social'no-psihologicheskikh i politicheskikh stereotipov vzaimospriyatiya (VII v. n. e. – 30–40 gg. XX v.) [*China–Japan: Love or Hatred? On the Problem of the Evolution of Sociopsychological Stereotypes of Mutual Perception (7th Century BC–the 1930s–1940s)*]. Moscow: Kraft+. 370 p. (In Russian).
- Meshcheryakov A.N. (1992). Vneshnij faktor v istorii Yaponii i problema nacional'noj samoidentifikacii [External Factor in the History of Japan and the Problem of National Self-Identification]. *Vostok [Oriens]*, 4: 15–20. (In Russian).
- Perminova V.A. (2022). “Obnovlenie” pamjati ob antijaponskoj vojne v Kitae i ejo vlianie na otnoshenija mezhdru Pekinom i Tokio v 90-e gg. XX veka [“Renewal” of the Memory of the Anti-Japanese War in China and its Impact on Relations between Beijing and Tokyo in the 1990s]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, vol. LII, pp. 341–370. (In Russian).
- Streltsov D.V. (2015). Viktimnost' kak chast' poslevoennoj identichnosti Yaponii. In: *Rossijskoe yaponovedenie segodnya: k 20-letiyu Associacii yaponovedov [Russian Japan Studies Today: to the 20th Anniversary of the Association of Japanologists]*. Moscow: IDV RAN [IFES RAS], pp. 38–45. (In Russian).
- Streltsov D.V. (2016). Identichnosti Rossii i Japonii v poslevoennyj period (1945–1991 gg.) [Identities of Russia and Japan in the Post-War Period (1945–1991)]. In: *Ejegovodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*, vol. 45, pp. 337–352. (In Russian).

* * *

Denton, Kirk A. (2014). *Exhibiting the Past. Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China*. Honolulu: University of Hawai'i Press. 360 p.

- Gries, Peter Hays (2004). *China's New Nationalism. Pride, Politics, and Diplomacy*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 224 p.
- Li Wei (2011). Lun Riben de lishi fansi yu ziwo guoji diwei [On Japan's Historical Reflection and International Self-Positioning]. *Shixue lilun yanjiu [Historiography Bimonthly]*, 1: 21–24. (In Chinese).
- Mukae, Ryuji (1996). Japan's Diet Resolution on World War Two: Keeping History at Bay. *Asian Survey*, 36 (10): 1011–1030. DOI: 10.2307/2645631
- Nihon no seito, gakusei no 15 nen sensōkan to kyōkasho: nitchū rekishi ni kan suru ishiki chōsa [Japanese Students' Views on the 15-year War and Textbooks: a Survey of Attitudes Regarding the History of Japan and China]* (1996). Tokyo: Nihon kyōshokuin kumiai `sengo 50-nen to Nihon no kyōiku' purojekuto Nitchū kyōkasho kenkyū tokubetsu iinkai [Japan Teachers Union, "50 Years After the War and Japanese Education" Project, Japan-China Textbook Research Special Committee]. (In Japanese). 55 p.
- Mao Tse-Tung (2021). Statement Expressing the Chinese People's Support for the Japanese People's Great Patriotic Struggle (January 27, 1964). In: *Selected Works of Mao Tse-Tung*. Paris: Foreign Languages Press, vol. IX, pp. 42–43.
- Mao Zedong (1999). Mei diguozhuyi shi zhongri liangguo renmin de gongtong diren (1960 nian 6 yue 21 ri) [U.S. Imperialism is the Common Enemy of the Chinese and the Japanese People (June 21, 1960)]. In: *Mao Zedong wenji [Collected Works of Mao Zedong]*. Beijing: Renmin chubanshe, vol. 8, pp. 200–208. (In Chinese).
- Shōji Junichirō (2011). Nippon niokeru sensō koshō nikansuru mondai no ichi kōsatsu [A Study on the Issue of War Designations in Japan]. *Bōei kenkyūjo kiyō [NIDS Security Studies]*, 3 (13): 43–80. (In Japanese). URL: http://www.nids.mod.go.jp/publication/kiyo/pdf/bulletin_j13-3_3.pdf (accessed: 18.10.2023).
- Tanaka, Stefan (1993). *Japan's Orient: rendering pasts into history*. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press. 320 p.
- Vickers, Edward & Yang, Biao (2013). Shanghai's History Curriculum Reforms and Shifting Textbook Portrayals of Japan. *China Perspectives*, 4: 29–37.

Поступила в редакцию: 29.10.2023

Принята к публикации: 31.10.2023

Received: 29 October 2023

Accepted: 31 October 2023

DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-69-77

Меры по обеспечению энергетической безопасности Японии как ответ на существующие и новые вызовы

Корнеев Константин Анатольевич¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Турбулентность на мировых энергетических рынках, вызванная, в том числе, и антироссийскими санкциями, обусловила дополнительные вызовы для энергетической безопасности Японии – страны, чья зависимость от импорта ископаемого топлива по-прежнему остаётся критически высокой. Несмотря на относительные успехи в развитии возобновляемой и водородной энергетики, а также на реализацию планов по увеличению доли АЭС в структуре генерации электроэнергии, Япония на горизонте ближайших 10–15 лет не сможет рассчитывать на энергетическое самообеспечение, что и формирует обязательные условия по снижению рисков энергетической безопасности. Это выражается не только в диверсификации поставщиков и заключения с ними взаимовыгодных контрактов, но и в усилении курса на широкое внедрение «чистых» энергоисточников, зачастую даже без учёта экономической целесообразности таких шагов. Кроме того, значительные средства инвестируются в достижение лучших показателей энергосбережения за счёт совершенствования интеллектуальных систем управления.

Ключевые слова: Япония, энергетическая безопасность, ВИЭ, АЭС, энергосбережение.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@icaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Корнеев К.А. Меры по обеспечению энергетической безопасности Японии как ответ на существующие и новые вызовы // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С 69–77. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-69-77

Measures to ensure Japan's energy security as a response to current and new challenges

Korneev Konstantin A.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. Turbulence in global energy markets, caused, among other reasons, by anti-Russian sanctions, has led to additional challenges for the energy security of Japan, a country whose dependence on fossil fuel imports remains critically high. Despite the relative success in the development of renewable and hydrogen energy, as well as the implementation of plans to increase the share of nuclear power plants in the

structure of electricity generation, Japan will not be able to count on energy self-sufficiency in the next 10–15 years, and these factors form mandatory conditions for reducing energy security risks. This is reflected not only in the diversification of suppliers and in the conclusion of mutually beneficial contracts with them, but also in strengthening the policy for the widespread utilization of “clean” energy sources, often even without taking into account the economic feasibility of such steps. In addition, significant funds are invested in achieving better energy efficiency indicators by improving intelligent control systems.

Keywords: Japan, energy security, renewable energy, nuclear power plants, energy conservation.

Author: *Korneev Konstantin A.*, Senior Researcher at the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Korneev K.A. (2023). Mery po obespecheniyu energeticheskoy bezopasnosti Yaponii kak otvet na sushchestvuyushchiye i novye vyzovy [Measures to ensure Japan’s energy security as a response to current and new challenges]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 4: 69–77. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-69-77

Для решения проблем энергетической безопасности, выраженных в радикальной зависимости Японии от зарубежных поставщиков энергетических ресурсов, правительство в первую очередь рассчитывает на существенное снижение потребления угля, нефти и природного газа в электроэнергетике – основной отрасли-потребителе ископаемого топлива. Благодаря целому ряду мер государственной поддержки (введению «зелёного» тарифа, который обязывает региональные компании-монополисты закупать дорогую электроэнергию, произведённую при помощи ВИЭ, по усреднённой региональной цене; налоговым льготам; субсидированию процентных ставок для компаний, ведущих бизнес в области ВИЭ, и пр.), с начала 2010-х гг. удалось увеличить долю ВИЭ, а именно СЭС – солнечных энергетических станций и ВЭС – ветроэнергетических станций, в структуре генерации в 2 раза (с 6 % до 12 %) ¹.

Тем не менее у Японии сегодня нет достаточных возможностей по доведению доли ВИЭ до 30 % в энергетическом балансе к началу 2030-х гг. и тем более до 50 % к 2050 г., что связано как с проблемами землеотведения под строительство новых СЭС и ВЭС (и протестами против их появления в прибрежных акваториях, где зачастую осуществляются традиционные промыслы), так и с большими капитальными затратами на сооружение объектов возобновляемой генерации (порядка 8 млрд долл. до 2030 г.). В октябре 2021 г. правительство Японии обнародовало шестую по счёту редакцию Стратегического (базового) энергетического плана до 2030 г. с прицелом на 2050 г. Согласно документу (он периодически обновляется и дополняется), к 2030 г. необходимо снизить выбросы CO₂ на 46 % от уровня 2013 г. и стимулировать дальнейшее их снижение вплоть до 50 % к 2040 г. По большому счёту, ВИЭ воспринимаются как универсальное средство достижения энергетической независимости, причём необходимо обеспечить впечатляющие результаты уже к 2030 г. в условиях недостатка площадей под строительство, финансирования и оборудования (которое в больших количествах закупается в Китае ввиду его низкой стоимости по сравнению с японскими аналогами, даже несмотря на лучшие характеристики последних).

¹Renewable Energy Laws and Regulations Japan 2024. *ICLG.com*, September 20, 2023. URL: <https://iclg.com/practice-areas/renewable-energy-laws-and-regulations/japan> (accessed: 01.11.2023).

В шестом Стратегическом энергетическом плане указано, что к 2030 г. прогнозируется рост доли возобновляемых источников до 22–24 % с фактических 12 % в структуре производства электроэнергии; также предполагается и рост доли атомной энергетики до 20–22 % с текущих примерно 9 %. Традиционные источники энергии (уголь, нефть и природный газ) займут 40–44 % рынка. Здесь необходимо уточнить, что эти целевые показатели практически не изменились по сравнению с пятой редакцией Плана, принятой в июле 2018 г.²

Также играет немаловажную роль и то, что в шестом Стратегическом энергетическом плане довольно много говорится о возрастающем значении водородной энергетики; более того, государство обязуется постоянно совершенствовать уже существующие и продвигать новые меры поддержки водородных проектов, во многом схожие с теми, что создавались для области ВИЭ, но и со своей определённой спецификой, например, касающейся развития транспорта на водородных топливных элементах или распределённой генерации. Основные задачи – стимулировать производство экологически чистого водорода, добиваться лидерства в разработке и внедрении водородных технологий, вести политику по декарбонизации экономики.

Япония стала первой в мире страной, которая в 2017 г. приняла национальную водородную стратегию – и летом 2023 г. правительство опубликовало её актуализированную версию, которая подразумевает превращение Японии в «водородную нацию» и задаёт амбициозные цели: например, увеличить потребление водорода и аммиака (как за счёт собственного производства, так и благодаря импорту) до 3 млн т к 2030 г., до 12 млн т – к 2040 г. и до 20 млн т – к 2050 г.; довести количество транспортных средств на водороде на дорогах страны до 800 тыс. единиц (против нынешних 8 тыс.) к 2030 г.; ввести в эксплуатацию до 20 ГВт мощностей электростанций, работающих на водородном топливе. Также заявлены дорогостоящие проекты по сооружению различной водородной инфраструктуры (транспортировка и хранение водорода). По некоторым предварительным оценкам, для реализации этих планов необходимо будет привлечь инвестиции на сумму порядка 100 млрд долл. в течение следующих 15 лет³.

В число базовых рисков для японской энергетики, помимо природных катастроф, входит и нестабильность на мировых энергетических рынках. Такая нестабильность может быть вызвана несколькими факторами:

1. Геополитическое противостояние. Маршруты поставок энергоресурсов в Японию из стран Персидского залива идут преимущественно через Восточно-Китайское море, и обострение отношений с Китаем может вызвать необходимость пересмотра части логистической сети, что повлечёт дополнительные финансовые издержки.

2. Региональные военные конфликты и нестабильность в странах-экспортёрах первичной энергии (тот же Персидский залив) могут привести к задержкам в поставках энергетических ресурсов. Накопленных запасов в хранилищах хватит Японии на 1–2 месяца, и этого срока недостаточно для того, чтобы оперативно найти альтернативных поставщиков и заместить выпадающие объёмы.

² The 6th Strategic Energy Plan. *Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan Publications*, November 26, 2021. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/ (accessed: 01.11.2023).

³ Bocobza, J., Tanabe, M. Japan Hydrogen Basic Strategy. *White & Case International Law Firm*, June 26, 2023. URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/japan-hydrogen-basic-strategy> (accessed: 01.11.2023).

3. Присоединение к санкционной политике, направленной против соседних стран (в первую очередь, против России и Китая): вводимые эмбарго и санкции вполне могут создавать общую нестабильность на энергетических рынках, особенно с учётом того, что Россия – один из крупнейших мировых экспортёров первичной энергии.

4. Финансовые и технологические факторы: чрезмерный акцент на развитии различных форм альтернативной энергетики может способствовать снижению инвестиций в строительство новой и/или обновление старой инфраструктуры передачи энергии (трубопроводы, терминалы, хранилища и т.д.). В итоге возрастёт вероятность отказов оборудования и аварий, что чревато существенными проблемами для местного населения, особенно в провинциях с более холодным климатом (о. Хоккайдо).

Ещё один немаловажный фактор (по сути, прямое следствие нестабильности) – это колебания цен на мировых энергетических рынках, которые представляют собой значительный риск для Японии, в основном потому, что государству и бизнесу сложно спрогнозировать даже краткосрочную динамику, чтобы заложить её в бюджетные показатели или же корпоративные стратегии. Ключевой вызов, с которым сталкивается здесь страна, – это высокая волатильность нефтяных цен. Япония – один из крупнейших потребителей нефти в мире, и колебания цен имеют большое влияние на её экономику, во многом по причине того, что нефть закупается в рамках краткосрочных (спотовых) контрактов. Высокие цены увеличивают затраты на импорт и напрямую ведут к увеличению стоимости энергии для обычных потребителей и/или бизнес-субъектов (в промышленности, коммунально-бытовом и коммерческом секторах). Помимо нефти, подобным колебаниям подвержены цены и на другие первичные источники энергии – природный газ и уголь, которые не менее важны для устойчивого и бесперебойного функционирования экономики страны [Kurachi, Morishima, Kawata 2022: 4].

Ввиду этих вызовов неудивительно, что Япония продолжает искать возможности для развития новых источников энергии и улучшения показателей энергоэффективности, о чём уже говорилось в начале статьи. Страна активно инвестирует в альтернативную генерацию, куда, помимо солнечной и ветровой энергии, а также низкоуглеродного водорода, следует включить биомассу и геотермальные источники. Ведутся исследования по переработке пищевых отходов с целью получения биогаза. Однако, несмотря на довольно активные шаги правительства по диверсификации источников энергоснабжения, Япония пока далека от того, чтобы обеспечить стабильность своей энергетической системы без учёта импорта нефти, угля и газа.

Данная ситуация вполне подтверждается и статистикой по газу: будучи одной из самых энергоёмких экономик в мире, Япония на протяжении нескольких последних лет уверенно занимала первое место и в списке крупнейших импортёров сжиженного природного газа (СПГ). Однако в 2021–2022 гг. ситуация изменилась – другие страны, в первую очередь Китай, чья экономика вошла в полосу восстановления после пандемии, значительно увеличили закупки СПГ на международном рынке. В результате предложение сократилось, объём импорта СПГ Японией снизился, и она утратила статус крупнейшего импортёра. Отчасти это связано и с постепенно продолжающейся «реабилитацией» АЭС в Японии, общей неопределённостью экономической ситуации, например, наличием ряда торгово-экономических конфликтов с соседями, а также сужением западноевропейских и американского рынков для традиционной японской экспортной продукции (машины, микроэлектроника

и различное высокотехнологичное оборудование), произошедшим по причине «обратного эффекта» антироссийских санкций для этих рынков⁴.

Например, совокупный экспорт из Японии в 2022 г. составил 746 млрд долл. По сравнению с 2021 г. сокращение поставок товаров из страны составило почти 2 %, то есть за год экспорт товаров уменьшился более чем на 10 млрд долл.⁵ Соответственно (тут нет прямой зависимости, но косвенная вполне просматривается) несколько снизились и закупки Японией первичной энергии из таких стран, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Иран, Ирак (нефть); Австралия, Катар, Малайзия, Россия (СПГ); Австралия, Индонезия, США (уголь). Но на этом фоне Япония увеличила закупки ядерного топлива (урана), которое страна также полностью импортирует. Основные его поставщики – Канада, США, Франция и Австралия. Очевидная причина заключается в пересмотре стратегических планов развития атомной отрасли – до конца 2020-х гг. планируется не только ввести в строй большую часть остановленных после аварии на АЭС «Фукусима» энергоблоков, но и начать строительство новых, о чём не раз писали японские СМИ.

Возрождение атомной энергетики выражается, помимо желания правительства начать строительство новых АЭС и перезапустить остановленные энергоблоки, также в стремлении преодолеть общественное сопротивление, убедить граждан, что атом безопасен и аварии, подобной той, что произошла в 2011 г. на АЭС «Фукусима», больше не повторится. Впрочем, на это потребуется время, а решения необходимо принимать уже сейчас. В начале 2023 г. правительство увеличило предельный срок эксплуатации реакторов с 40 до более чем 60 лет, с важной оговоркой, что по достижении 30-летнего срока эксплуатации необходимо получать специальное разрешение на каждые последующие 10 лет работы, которое выдаётся после проверок со стороны различных контролирующих органов. Это позволило осуществить перезапуск первого и второго блока АЭС «Такахама», которые ввели в эксплуатацию ещё в 1974–1975 гг., но остановили в 2011 г. Первый энергоблок начал вырабатывать электроэнергию в августе 2023 г., второй – в сентябре 2023 г. Из 60 реакторов суммарной установленной мощностью порядка 50 ГВт, построенных в 1963–2009 гг., к ноябрю 2023 г. перезапустили 12 реакторов мощностью 11 ГВт, и этот процесс постепенно набирает обороты⁶.

Однако регион Ближнего Востока по-прежнему сохраняет свою огромную значимость для Японии. Его перманентная нестабильность (гнущие конфликты в Сирии, Йемене, очередной виток военного противостояния Израиля и Палестины) обуславливает продолжение курса на диверсификацию географии поставок нефти и газа. Япония всё больше рассматривает страны Африки (имеется в виду континент в целом) как потенциальных поставщиков первичных энергоресурсов. В течение последних пяти-семи лет Япония увеличила закупки нефти в таких странах, как Алжир, Нигерия, Ангола, Габон и др. Японские компании активно взаимодействуют с африканскими государствами, заключая долгосрочные контракты на поставку нефти и СПГ. Это прямо связано с тем, что Африка

⁴ Carole, N. A Rising China is Reshaping Global Energy Markets. *GIS Reports*, November 10, 2023. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/china-energy-markets/> (accessed: 17.11.2023).

⁵ Trade Statistics of Japan (Code Lists & Releases). *Ministry of Finance (Japan)*, February 16, 2023. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/sankou/code/code_e.htm (accessed: 20.11.2023).

⁶ Proctor, D. 12 Nuclear Reactors Operating in Japan After Takahama Unit 2 Restart. *Power Magazine*, September 20, 2023. URL: <https://www.powermag.com/12-nuclear-reactors-operating-in-japan-after-takahama-unit-2-restart/> (accessed: 24.11.2023).

обладает значительными запасами первичной энергии, а экспорт этих ресурсов – один из основных источников дохода для многих африканских стран.

Следующей мерой, способной в определённом масштабе снизить риски энергетической безопасности, является энергоэффективность. Ещё в 1978 г. был принят специальный Закон об энергоэффективности (Energy Efficiency Act), в 2023 г. вышла его обновлённая редакция. Япония разработала актуальный план действий с учётом последних тенденций в представлениях об энергоэффективности и энергосбережении, куда входят целевые показатели по снижению потребления энергии и улучшению энергоэффективности в различных отраслях экономики. Следует выделить программу модернизации зданий и улучшения их энергетического класса, которая включает в себя не только обязательные требования или рекомендации, но и субсидии (а также иные стимулы) для владельцев зданий – в основном это касается различной коммерческой недвижимости – чтобы они снижали энергопотребление своих объектов на 10–20 % от текущего уровня за счёт внедрения, например, интеллектуальных систем управления электроснабжением.

Значительное внимание уделяется и постоянному повышению энергоэффективности в промышленности. Компании получают налоговые льготы и иную поддержку государства для внедрения энергосберегающих технологий – особенно в автомобилестроении, химической и металлургической промышленности. Стимулируется распространение энергоэффективного транспорта: действуют госпрограммы по развитию гибридных и электрических транспортных средств, предполагается даже, что к 2035 г. Япония полностью откажется от автомобилей на двигателях внутреннего сгорания. Ведётся работа и с населением: правительство страны периодически организует кампании по информированию граждан о необходимости экономно расходовать энергию, чтобы люди осознавали свой вклад в сокращение энергопотребления. Все вышеперечисленные меры в комплексе способствуют улучшению энергоэффективности японской экономики, более того, помогают уменьшить негативное воздействие на окружающую среду, особенно в мегаполисах⁷.

Есть и региональные программы – например, в отдельных префектурах предполагается обеспечивать энергоснабжение домохозяйств за счёт распределённой генерации. В данном случае источником электроэнергии становится биомасса (включая солому, древесные опилки и другие растительные отходы), из которой получают биогаз. Дальше этот газ либо сжигается напрямую, либо используется как промежуточный продукт для получения экологически чистого водорода, который может служить топливом для транспортных средств на топливных элементах. Это укладывается в общую логику мер по стимулированию развития распределённой генерации с целью снижения нагрузки на крупные региональные энергосистемы. Дополнительно в стране внедряются регулятивные меры, способствующие упрощению процесса подключения к общей электрической сети для независимых производителей электроэнергии в случае появления у них избытка мощности (это больше касается собственной генерации ведущих промышленных предприятий). В целом, развитие распределённой генерации – одно из стратегических направлений энергетической политики Японии. Потенциально на горизонте ближайших 5–7 лет оно позволит не только

⁷ Energy Efficiency and Conservation. *Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan*, October 27, 2023. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/energy_efficiency/index.html (accessed: 20.11.2023).

диверсифицировать количество энергоисточников, но также снизить выбросы CO₂ и других парниковых газов в атмосферу [Yamada, Nanahara, Yukita 2023: 525].

К числу новых вызовов для японской энергетической безопасности имеет смысл отнести нарастающие сложности в выстраивании стабильных и предсказуемых отношений с соседними государствами. В Японии всё чаще говорят о «недружественном окружении», оправдывая усиление стратегической кооперации с США, а также продолжающееся присутствие американских военных на японской территории. Буквально несколько лет назад к числу недружественных государств относили исключительно КНДР, однако впоследствии риторика изменилась. В июле 2023 г. Минобороны Японии представило свой ежегодный доклад – «Белую книгу по обороне», в которой охарактеризовало российскую активность в регионе как «вызывающую самую серьёзную обеспокоенность», а действия КНР назвало «величайшим стратегическим вызовом». Также опасения Токио вызывает сближение России и Китая в области военно-стратегического сотрудничества⁸. Япония критически зависит от морских торговых путей, и наличие территориальных споров с Россией, Китаем и Республикой Корея потенциально формирует дополнительные факторы риска для «логистического плеча» государства, что в условиях геостратегической нестабильности ведёт лишь к дополнительному напряжению в отношениях с соседями. То есть вероятна такая ситуация, когда экономически наиболее оптимальные маршруты окажутся неоптимальными с точки зрения безопасности⁹.

Возвращаясь к внутренним аспектам энергетической безопасности, следует отметить, что к 2022 г. объём инвестиций в развитие ВИЭ и водородной энергетики в Японии превысил 200 млрд долл. и примерно столько же планируется потратить к середине 2030-х гг. Эффект от этих инвестиций есть, но его трудно назвать достаточным с учётом масштаба заявленных целей – основная доля электрогенерации по-прежнему обеспечивается за счёт первичной энергии, и даже через десять лет эта картина принципиально не изменится. Поэтому продвижение идеи перехода к безуглеродной экономике не позднее 2050 г. сегодня выглядит политически мотивированным шагом, когда не принимаются во внимание (или существенно занижаются) затраты на создание соответствующей инфраструктуры, а также ряд естественных ограничений институционального и социально-экономического характера [Cheng, Blakers, Stocks, Lu 2022: 2].

Что касается выработки ответов на вызовы энергетической безопасности в перспективе до 2035 г., то, основываясь на вышеприведённом анализе, можно в агрегированном виде обозначить следующие пункты:

1. Вопросы развития альтернативной энергетики и сохранения окружающей среды. Во-первых, предполагается максимально снизить существующую нагрузку на окружающую среду за счёт строительства новых газовых ТЭС взамен мазутных и угольных; во-вторых, планируется на порядок увеличить долю ВИЭ и водорода в общей структуре генерации, а также ужесточить систему санкций за нарушения экологических норм для промышленных предприятий, коммерческого сектора и сферы услуг. Кроме того, следует проводить активные

⁸ Defense of Japan 2023 (Annual White Paper). *Japan Ministry of Defense*, July 2023. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (accessed: 21.11.2023).

⁹ Rozman, G. Tracking the Big Shift in Japan's Foreign Policy Thinking toward Asia, 2013-2016. *The Asian Forum*, March 21, 2022. URL: <https://theasianforum.org/tracking-the-big-shift-in-japans-foreign-policy-thinking-toward-asia-2013-2016/> (accessed: 22.11.2023).

информационные кампании среди населения, призывающие не только бережно расходовать энергию, но изначально выбирать поставщика электроэнергии, полученной из возобновляемых источников.

2. Отдельный фокус на развитии низкоуглеродного транспорта – электромобилей и техники на водородном топливе. Один из главных стимулов для развития экологически чистого транспорта в Японии – стремление к снижению выбросов CO₂, защите окружающей среды и сокращению зависимости от нефти как сырья для получения видов горючего топлива (бензин, дизель и пр.). Японское правительство даёт субсидии на приобретение электромобилей и водородных автомобилей (до 30 % стоимости транспортного средства), а также финансирует строительство соответствующей инфраструктуры (водородные АЗС, станции быстрой зарядки и т.д.). Эти меры формируют в стране устойчивый спрос на экологически чистый транспорт, продажи электромобилей и автомобилей на водородных топливных элементах растут с каждым годом. Крупные японские автопроизводители – Toyota, Nissan и Honda – активно разрабатывают и производят такие автомобили, причём не только для внутреннего рынка, но и на экспорт. Япония стремится стать лидером и в развитии других видов экологически чистого транспорта, среди которых – электрические и гибридные мотоциклы, велосипеды и скутеры.

3. Задачи усиления практического взаимодействия между энергетическими компаниями и правительствами префектур. Поскольку префектуры в Японии обладают достаточно большими полномочиями, они могут не дать разрешения на какие-либо работы и заблокировать процесс, несмотря даже на то, что существует официальное постановление центрального правительства. В основном это касается вопросов землеотведения под строительство крупных энергетических объектов, соблюдения экологических норм, расширения квот для местных специалистов и т.д.

4. Укрепление долгосрочных контрактных отношений с государствами-поставщиками первичных энергоресурсов в Японию. Несмотря на общий курс правительства по достижению энергетической независимости, с большой долей вероятности к 2035 г. зависимость от импорта первичных энергоресурсов всё ещё будет составлять 60–70 %. Поэтому с позиций энергетической безопасности и энергетической эффективности экономики в перспективе ближайших 10–15 лет стабильные и предсказуемые отношения с партнёрами очень важны.

Значительное внимание уделяется и действиям по обеспечению лучших показателей энергоэффективности, что увязывается с планами низкоуглеродного транзита. Немаловажен и технологический аспект – внедрение инновационных решений в этой области делает Японию одним из мировых лидеров в области различных энергосберегающих технологий, формируя серьёзные конкурентные преимущества и обеспечивая дополнительную экспортную нишу [Кистанов, Корнеев 2020: 76].

В завершение следует выделить ещё несколько важных шагов, при успешной реализации которых Япония сможет в целом осуществить преобразования, предусмотренные действующими стратегическими документами, и снизить риски энергетической безопасности. Это разделение производства, транспортировки и распределения энергии между различными независимыми компаниями (завершение рыночной реформы электроэнергетического сектора); создание понятной и прозрачной процедуры входа на энергетический рынок страны для новых инвесторов, в том числе из-за рубежа; а также

развитие негосударственных институтов, работающих по принципу равноудалённости от всех участников энергетического бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кистанов В.О., Корнеев К.А. Энергетическая политика Китая – собственные уникальные особенности и влияние опыта Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 67–79. DOI: 10.31857/S013128120009644-9

REFERENCES

Kistanov V.O., Korneev K.A. (2020). Energeticheskaya politika Kitaya – sobstvennye unikal'nye osobennosti i vliyanie opyta Yaponii [China's Energy Policy – its Own Unique Features and the Impact of Japan's Experience]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*, 3: 67–79. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120009644-9

* * *

Cheng, Ch., Blakers, A., Stocks, M., Lu, B. (2022). 100 % Renewable Energy in Japan. *Energy Conversion and Management*, 255 (115299): 2–18. DOI:10.1016/j.enconman.2022.115299

Kurachi, Yo., Morishima, H., Kawata, H., et al. (2022). *Challenges for Japan's Economy in the Decarbonization Process*. Bank of Japan Reports & Research Papers.

Yamada, Ya., Nanahara, T., Yukita, K. (2023). Power Factor Control for Inverters under High Penetration of Distributed Generation. *Electrical Engineering in Japan*, 143 (9): 524–531. DOI: 10.1002/eej.23452

Поступила в редакцию: 22.11.2023
Принята к публикации: 28.11.2023

Received: 22 November 2023
Accepted: 28 November 2023

DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-78-90

Взгляды премьер-министра Хатояма Юкио (2009–2010) на внешнюю политику Японии в контексте поиска новой внешнеполитической стратегии

Филиппов Дмитрий Александрович¹

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН

Аннотация. В данной статье рассматриваются взгляды премьер-министра Японии Хатояма Юкио (2009–2010 гг.) на внешнюю политику страны и её роль в международном сообществе. Воззрения и высказывания Хатояма анализируются нами в контексте многолетнего поиска японскими политическими элитами альтернативы доктрине Ёсида, служившей основной государственной внешнеполитической стратегией в течение Холодной войны. Несмотря на то, что попытки Хатояма по смене дипломатического курса Японии зачастую считаются невнятными или наивными, в статье утверждается, что, отчасти основываясь на появившихся в 1990-х гг. концепциях о месте Японии на международной арене, премьер-министр последовательно выступал за выработку новой стратегии. По своим параметрам она отличалась как от доктрины Ёсида, так и от наметившегося в 2000-е гг. курса на активизацию политики в области безопасности, который был полностью реализован при второй администрации Абэ Синдзо (2012–2020 гг.). Выдвинутые Хатояма внешнеполитические приоритеты были основаны на более активном участии Японии в поддержании глобальной стабильности при помощи невоенных методов, снижении зависимости от США, углублении интеграционных процессов в Восточной Азии и, наконец, достижении дружественных отношений с Китаем.

Ключевые слова: Хатояма, ДПЯ, внешняя политика Японии, доктрина Ёсида, Восточноазиатское сообщество.

Автор: Филиппов Дмитрий Александрович, PhD, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН (адрес: Москва, Нахимовский пр-т, 51/21). ORCID: 0000-0001-9307-8584. E-mail: fili-dmitrij@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Филиппов Д.А. Взгляды премьер-министра Хатояма Юкио (2009–2010) на внешнюю политику Японии в контексте поиска новой внешнеполитической стратегии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 78–90. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-78-90

Prime minister Hatoyama Yukio's (2009–2010) views on Japan's foreign policy in the context of the search for a new grand strategy

Filippov Dmitry A.¹

¹ Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines the views of Japanese Prime Minister Hatoyama Yukio (2009–2010) on Japan's foreign policy and its role in the international community. Hatoyama's views and rhetoric are analysed within the context of Japan's political elites' longstanding search for alternatives to the Yoshida doctrine, which underpinned Japan's grand strategy throughout the Cold War. While Hatoyama's attempts to modify Japan's diplomatic approach have often been considered incoherent or naive, the article argues that, drawing partially from the concepts regarding Japan's role on the international stage that were introduced in the 1990s, Prime Minister consistently advocated development of a new strategy. Its parameters were different from both the Yoshida doctrine and the emerging course towards a more robust security policy, which was fully implemented under the second administration of Abe Shinzo (2012–2020). This strategy was based on Japan's proactive role in upholding global stability through non-military means, reducing its dependence on the US, deepening integration in East Asia, and achieving friendly ties with China.

Keywords: Hatoyama, DPJ, foreign policy of Japan, Yoshida doctrine, East Asian community.

Author: *Filippov Dmitry A.*, PhD, Researcher at the Department of Asia and Africa, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (address: 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9307-8584. E-mail: fili-dmitrij@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of a conflict of interests.

For citation: Filippov D.A. (2023). Vzglyady prem'er-ministra Hatoyama Yukio (2009–2010) na vneshnyuyu politiku Yaponii v kontekste poiska novoy vneshnepoliticheskoy strategii [Prime Minister Hatoyama Yukio's (2009–2010) views on Japan's foreign policy in the context of the search for a new grand strategy]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 4: 78–90. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-78-90

В июле 2023 г. группа из одиннадцати японских учёных и экспертов по международным отношениям опубликовала доклад под названием «Будущее Азии на распутье: японская стратегия мира и устойчивого процветания»¹. В документе, подготовка которого заняла почти пять лет, подчёркивается необходимость выработки Японией альтернативной текущему правительственному курсу внешнеполитической стратегии на фоне обострения стратегического соперничества США и Китая, а также изменения условий безопасности в Восточной Азии. По мнению экспертов, отражённый в новой национальной стратегии по безопасности 2022 г. акцент администрации Кисида Фумио на силовой политике (включая японский военный потенциал) и укреплении военно-политического союза

¹ Asia's Future at a Crossroads: A Japanese Strategy for Peace and Sustainable Prosperity. URL: <https://bpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/6/2307/files/2023/07/Asias-Future-at-a-Crossroads-English.pdf> (accessed: 01.11.2023).

с США рискует сделать регион более разобщённым и повышает возможность конфликта между Америкой и Китаем.

В качестве альтернативы авторы предлагают стратегию, основанную на формулировке *синбэй дзирицу* – «проамериканская автономия», то есть независимая внешняя политика, которая тяготеет к Соединённым Штатам, но не полагается на них полностью. Укрепляя отношения с США в области безопасности, Японии целесообразно также развивать отношения с теми государствами региона, которые не являются американскими союзниками или партнёрами. Токио, как считают эксперты, необходимо признавать разнообразие политических систем и социокультурных традиций в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и углублять сотрудничество со «средними державами», такими как Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия и страны АСЕАН.

Предложения, высказанные в этом докладе, значительно отходят от внешнеполитической траектории, которой Япония следует уже около пятнадцати лет, однако они имеют много общего с видением японской дипломатии Хатояма Юкио, премьер-министром из Демократической партии Японии (ДПЯ), занимавшим этот пост в 2009–2010 гг. Приведя свою партию к победе на выборах в августе 2009 г., Хатояма нарушил почти непрерывную пятидесятилетнюю монополию на власть Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), однако созданному им правительству были присущи отсутствие координации, неопытность и внутренние конфликты [Uchida Ando 2015: 114–115]. Наибольшую же критику вызвали его решения именно в сфере внешней политики.

Заявления нового премьер-министра о том, что Японии следует меньше полагаться на США и проводить независимую внешнюю политику, были встречены в Вашингтоне с непониманием и раздражением. Обещания Хатояма о передислокации военной базы США Футэмма на Окинаве за пределы префектуры шли вразрез как с достигнутыми при ЛДП договорённостями, так и с программой самой ДПЯ, и стали камнем преткновения между его правительством и администрацией Барака Обамы. Это привело к напряжению в двусторонних отношениях и стало одним из ключевых факторов в отставке премьер-министра в июне 2010 г. В то же время попытки достичь потепления в отношениях с Китаем также окончились неудачей, не встретив интереса со стороны Пекина, а концепция Восточноазиатского сообщества, основанная на обтекаемых идеях доверия и сотрудничества, не произвела должного впечатления на те государства региона, которых устраивала сложившаяся гегемония США [Sahashi 2015: 143].

Некоторые инициативы Хатояма были встречены противодействием даже со стороны однопартийцев, а общественная поддержка его администрации неуклонно падала, поэтому премьер-министр не приобрёл достаточного авторитета и влияния для достижения своих целей. Внешняя политика Хатояма в тех условиях оказалась настолько провальной, что последовавшие за ним премьер-министры Кан Наото и Нода Ёсихико были заняты скорее восстановлением стабильных отношений с США, чем привнесением собственных новаций.

При анализе японского внешнеполитического курса при Хатояма, как правило, подчёркивается неопытность премьер-министра в дипломатических вопросах, тогда как его видение глобальной роли Японии и желание дистанцироваться от США называется «наивным», «идеалистичным» или даже «мечтательным» [Helms 2012: 189; Nakamura 2014: 112; Brooks 2012: 123]. Признавая нетрадиционность некоторых идей Хатояма по меркам японского политического истеблишмента, а также его временами неосторожную риторику,

можно придерживаться иного мнения и считать, что премьер-министр преследовал во внешней политике те же общие цели, что и другие японские лидеры – поиск баланса между крепкими отношениями с США и стабильными связями с усиливающимся Китаем. Более того, хотя проводимая Хатояма дипломатия оказалась несовместимой со складывающимися региональными условиями безопасности, его видение самостоятельной Японии, которая отказывается от односторонней ориентации на США, поддерживает дружественные связи с Китаем и подчёркивает свою азиатскую идентичность, можно воспринимать как альтернативную внешнеполитическую стратегию для Токио, которая отличалась как от доминантной в годы холодной войны доктрины Ёсида, так и от курса, заданного первой администрацией Абэ Синдзо (2006–2007 гг.) и продолженного премьер-министрами, последовавшими за Хатояма.

В настоящий момент вокруг Японии складываются всё более непростые условия безопасности: стратегическое соперничество США и Китая накаляет региональную обстановку, развитие КНДР своей программы баллистических и ядерных ракет повышает в глазах Токио вероятность конфликта с Пхеньяном, а сближение Москвы с Пекином и развитие военной активности России вблизи южных Курильских островов вызывают в Японии сильную озабоченность. В этих обстоятельствах, как отмечают вышеуказанные японские политологи, существует риск того, что текущий курс Токио на создание комплексного военного потенциала, укрепление союза с США в ущерб собственным инициативам в регионе и продвижение идеологизированной концепции свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона не ослабит конфронтацию между США и Китаем, а, напротив, приведёт к её эскалации. В связи с этим представляет интерес изучение выдвинутых Хатояма идей более умеренной внешней политики Японии, которая бы не слишком зависела от стратегии США и проводила интеграцию с государствами Восточной Азии.

В данной статье мы рассмотрели взгляды премьер-министра Хатояма Юкио на внешнюю политику Японии в контексте существующих на тот момент концепций развития международной стратегии страны. Для этого разрозненные внешнеполитические воззрения политиков ДПЯ мы сгруппировали по идеологическим принципам и выделили ключевые элементы дипломатической повестки партии. Проанализировали личные взгляды самого Хатояма, влияние на них других внешнеполитических концепций, а также особенности формулирования премьер-министром своей политики. Идентифицировали сходства и различия между выдвинутыми Хатояма приоритетами японской дипломатии и доктриной Ёсида, а также появившимися в 1990-х гг. альтернативными инициативами. Наконец, на примере проблемы перемещения американской базы Футэмма продемонстрировали, как неопытность премьер-министра и его склонность высказывать собственное мнение по тому или иному вопросу, не достигая консенсуса внутри своей партии, привели к значительному охлаждению отношений между Японией и США.

Прежде чем проанализировать взгляды Хатояма на японскую дипломатию и роль Японии в мире, рассмотрим внешнеполитическую платформу ДПЯ. Хатояма был единственным премьер-министром ДПЯ, придерживающимся определённой политической философии, а его позиции во внешней политике хорошо задокументированы ещё с 1990-х гг. Однако нельзя сказать, что его личные взгляды в целом отражали воззрения партии – с самого образования в 1996 г. ДПЯ характеризовало наличие весьма разнородных позиций

и идеологий, которых придерживались входящие в неё политики. Сам Хатояма состоял раньше в правящей ЛДП, его преемник Кан принадлежал к Социал-демократической партии, а Одзава Итиро до вступления в ДПЯ сменил несколько партий (ЛДП, Партия обновления Японии, Партия Новых Рубежей и, наконец, Либеральная партия). Неудивительно, что множество столь опытных политиков с различными воззрениями в одной партии означало, что ДПЯ состояла из нескольких групп, весьма слабо связанных между собой и придерживающихся зачастую противоположных взглядов [Asano 2011: 35]. В отличие от фракций внутри ЛДП, данные группы не отличались жёсткой внутренней структурой и дисциплиной, будучи разделены скорее по идеологическим принципам (это обстоятельство и объясняет отсутствие сплочённости в правительстве Хатояма по вопросам как внутренней, так и внешней политики).

С точки зрения внешнеполитических позиций ДПЯ представляется возможным разделить на четыре направления – реалисты, пацифисты, центристы и нео-автономисты². Реалисты, к которым относился последний премьер-министр ДПЯ Нода, представляли собой довольно маленькую группу внутри партии. Они состояли в основном из более молодых политиков и выступали за крепкий японо-американский союз и пересмотр конституции в целях легализации права Японии на коллективную самооборону. Пацифисты, напротив, не поддерживали пересмотр конституции, отводили Японии лишь скромную роль в вопросах международной безопасности и выступали за более активные интеграционные процессы в Восточной Азии. Центристам, которых представлял Кан, не были присущи твёрдые взгляды на внешнюю политику страны, однако они в целом поддерживали традиционную для ЛДП прагматическую, умеренную дипломатию. Наконец, нео-автономисты, ярким представителем которых и был Хатояма, выступали за более независимую внешнюю политику, которая не слишком бы ориентировалась на США, но и не втягивала бы Японию в орбиту Китая. Нео-автономисты предлагали идею Восточноазиатского сообщества в качестве альтернативы одностороннему курсу на США, а также рассматривали систему международных отношений с либеральных позиций, считая, что Япония должна бороться с угрозами со стороны других государств путём их интеграции в многосторонние механизмы и организации.

Несмотря на наличие внутри партии столь разнообразных взглядов на внешнюю политику, повестку ДПЯ в этой сфере можно охарактеризовать следующим образом: признавая важнейшее значение союза с США для японской национальной безопасности, партия хотела выработать такой дипломатический курс, который ставил бы Японию в меньшую зависимость от Америки и был в большей степени ориентирован на Восточную Азию. Такая позиция определялась тремя факторами.

Во-первых, руководство ДПЯ хотело избежать чрезмерного втягивания Японии во внешнеполитическую стратегию США, а также минимизировать финансовое бремя совместных с Вашингтоном военных операций. Во-вторых, партийные лидеры воспринимали финансовый кризис 2008 г. как знак того, что гегемония США ослабевает, а распространяемая Америкой форма глобализма подходит к концу. К 2009 г. среди политических элит Японии усилилось стремление расширить и укрепить связи с Восточной

² Konishi W.S. From Rhetoric to Reality: Foreign-Policy Making Under the Democratic Party of Japan. *The Institute For Foreign Policy Analysis*. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/read/24098072/from-rhetoric-to-reality-japanese-foreign-policy-making-under-the-> (accessed: 20.11.2023).

Азией, поскольку именно этот регион первым преодолел финансовый кризис [Носова 2011: 136–137]. Между тем США и Европа пострадали от кризиса больше всего и ещё не оправились от его последствий, поэтому Япония не могла рассчитывать на них в вопросе оживления собственной экономики. В-третьих, к концу 2000-х гг. усилились и стоящие перед Восточной Азией вызовы, особенно в нетрадиционной сфере – загрязнение окружающей среды, стихийные бедствия, терроризм и т.д. Вследствие этого ДПЯ полагала, что японо-американский союз уже не может в полной мере гарантировать безопасность Японии, а новые условия в области как экономики, так и безопасности требуют от страны сближения с восточноазиатскими соседями. Таким образом, можно сказать, что предлагаемая Хатояма стратегия заключалась в переходе от дипломатии, ориентированной на США, к более широкому многостороннему курсу, основанному на восточноазиатском регионализме.

В целом же, хотя ДПЯ зачастую рассматривали как более умеренную, пацифистскую в вопросах внешней политики партию, чем ЛДП, она выступала за то, чтобы Япония играла бóльшую роль на международной арене, и переход от «замкнутого» пацифизма, которого страна придерживалась в прошлом, к «открытому» пацифизму позволил бы ей активнее поддерживать глобальную безопасность³. Разница между ЛДП и ДПЯ в данном вопросе заключалась в том, что первая выступала за укрепление военного элемента сотрудничества с США, тогда как вторая отдавала приоритет традиционным невоенным методам, таким как экономическая помощь, поддержка государственных институтов и гуманитарная деятельность. Подобное видение роли Японии на мировой арене отнюдь не было уникальным для Хатояма и его партии и имело общие элементы с двумя концепциями, предложенными в 1990-е гг.

Напомним, что в годы холодной войны в качестве внешнеполитической стратегии Токио служила так называемая доктрина Ёсида, названная по имени премьер-министра Ёсида Сигэру, который и сформулировал её принципы. Тремя ключевыми элементами данной стратегии были: фактически полная зависимость от США в вопросах национальной безопасности, фокус на экономическом развитии страны, а также осторожная, пассивная дипломатия [Cooney 2007: 36; Sebata 2010: 199]. С окончанием холодной войны и перестройкой системы международных отношений перед Японией встала задача адаптации международной стратегии к новым геополитическим условиям. Именно поиск альтернатив доктрине Ёсида и представляли две концепции, оказавшие влияние на внешнеполитические позиции как Хатояма, так и ДПЯ в целом.

Первая из них – безопасность человека, инициатива, разработанная в 1998 г. правительством Обути Кэйдзо и основанная на усилении роли Японии в вопросах поддержания международной стабильности, влияния на мировую экономику, а также помощи развивающимся странам [Edström 2003: 213]. Отметим, однако, что авторы концепции безопасности человека выступали против развития оборонного комплекса Японии, полагая, что увеличение расходов на оборону вызовет опасения в Китае и Южной Корее. В качестве альтернативы предлагалось сочетание невоенных методов, например, программы по официальной помощи в целях развития и миротворческих миссий ООН.

³ Manifesto for August 2009 Lower House Election. *The Democratic Party of Japan*. URL: dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2009.pdf (accessed: 10.11.2023).

Вторая инициатива, влияние которой заметно во внешнеполитической повестке ДПЯ при Хатояма – видение Японии как глобальной невоенной державы, предложенное журналистом Фунабаси Ёити примерно в то же время. Фунабаси считал, что именно уникальный статус страны как единственного пацифистского государства в мире должен стать основой её дипломатии. Задачей же Японии, согласно Фунабаси, являлось как использование экономических методов, так и распространение демократических ценностей для построения либерального международного порядка. Концепция глобальной невоенной державы также предполагала понижение оборонного бюджета и второстепенную, «вспомогательную» роль Японии в глобальной стратегии США [Funabashi 1991]. Несложно, таким образом, проследить влияние элементов данных двух идей – акцент на невоенных методах обеспечения безопасности, противодействие ремилитаризации Японии, нежелание быть слишком зависимыми от внешней политики США – на политическую платформу ДПЯ.

В дискуссиях внутри Японии о выработке внешнеполитической стратегии, которая отвечала бы новым вызовам и угрозам, заметную роль сыграл и вышеупомянутый Одзава Итиро, также входивший в ДПЯ. С начала 1990-х гг. Одзава заявлял о том, что Япония должна стать «нормальной» страной, то есть её влияние на международной арене должно быть соразмерно экономическому статусу. Одзава критиковал «пассивный» пацифизм, присущий Японии в рамках доктрины Ёсида, считал, что Япония должна добиваться большего престижа на международной арене, и выступал за конституционную реформу, которая бы позволила стране участвовать в коллективной системе безопасности [Ozawa 1993].

Что касается Хатояма, то его взгляды на политику, как внутреннюю, так и внешнюю, были основаны на расплывчатой философии *юай*, или содружества. Идеи *юай* были впервые сформулированы Хатояма Итиро – дедом премьер-министра, который и сам занимал должность главы японского правительства в 1954–1956 гг. Он понимал *юай* как философию, уважающую свободу и независимость людей и направленную на создание основ для сотрудничества⁴. Применяя идеи *юай* к японской внешней политике, Хатояма Юкио выступал за политическую и экономическую интеграцию с соседними государствами, включая Китай, в рамках Восточноазиатского сообщества, построенного на взаимопонимании и уважении их идеологических различий⁵.

Большое влияние на взгляды Хатояма оказал его советник по вопросам внешней политики, учёный Тэрасима Дзицуру, который считал, что Японии следует гордиться своей пацифистской историей и укреплять связи с восточноазиатскими государствами. Тэрасима полагал, что в условиях противостояния США и Китая Япония должна стать третьей стороной данного треугольника и отказаться от односторонней ориентации на Америку [Terashima 2009: 159]. В подобном же ключе высказывался и сам Хатояма, который ещё в 1997 г. писал, что «Япония всегда зависела во внешней политике от США, что, возможно, было необходимо во время холодной войны, однако теперь Япония лишь слепо следует за

⁴ Address By H.E. Dr. Yukio Hatoyama Prime Minister of Japan at the Sixty-Fourth Session of the General Assembly of the United Nations. *Prime Minister of Japan and His Cabinet*, 24 Sep 2009. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200909/ehat_0924c_e.html (accessed: 05.11.2023).

⁵ Hatoyama Y. A New Path for Japan. *The New York Times*, 26 Aug 2009. URL: <https://www.nytimes.com/2009/08/27/opinion/27iht-edhatoyama.html?pagewanted=all> (accessed: 08.11.2023).

США, в то время как новые реалии требуют формулировки и реализации независимой внешней политики» [Asano 2011: 32]. Хатояма признавал японо-американский союз основой дипломатии страны, однако подчёркивал азиатскую идентичность Японии и утверждал, что её «основной сферой существования» должна быть Восточная Азия. Премьер-министр был убеждён, что однополярный миропорядок и глобальное лидерство США ослабевают, и для сохранения независимости Японии следует укреплять отношения с «восходящим» Китаем и ускорять интеграцию с другими восточноазиатскими государствами. Иными словами, Хатояма полагал, что дипломатия, ориентированная на Восточную Азию, лучше отвечает японским национальным интересам, чем американоцентричная политика.

Обозначив взгляды Хатояма на пути развития внешнеполитической стратегии Японии, сопоставим их теперь с другими ключевыми точками зрения и концепциями того времени.

Безусловно, предлагаемая Хатояма повестка сильно отличалась от внешнеполитических приоритетов таких неоконсервативных лидеров ЛДП, как Коидзуми Дзюнъитиро, Абэ Синдзо или Асо Таро, которые крайне критически относились к Китаю, выступали за расширение полномочий Сил самообороны Японии и поддерживали более интенсивное военно-политическое сотрудничество с США. Хатояма же был настроен резко против ремилитаризации страны и повышения оборонных расходов, поддерживал наложенные на Силы самообороны ограничения на активное вмешательство и полагал, что Токио должен вносить лепту в поддержание международной безопасности именно невоенными методами.

Как уже было сказано, в подобных позициях можно найти влияние выдвинутых в 1990-х гг. инициатив, также делавших акцент на экономической дипломатии и скромном оборонном бюджете. В то же время, если идея глобальной невоенной державы Фунабаси предполагала, что Япония будет играть «вспомогательную» роль в японо-американском союзе, Хатояма выступал за пересмотр параметров двусторонних отношений с тем, чтобы Япония играла в них более равноценную, независимую роль. В этом он соглашался со своим коллегой Одзава, который также считал, что страна должна придерживаться более независимой от США внешней политики. Однако если Одзава поддерживал «нормализацию» Японии и воспринимал японский пацифизм как источник стыда, а не гордости, то Хатояма был убеждённым пацифистом, который подчёркивал статус Японии как миролюбивой страны, а его идея Восточноазиатского сообщества была основана не на достижении престижа или могущества, а на историческом примирении между государствами региона.

Таким образом, стратегическое видение Хатояма отличалось как от господствующей в течение нескольких десятилетий доктрины Ёсида, так и от ключевых альтернатив данной стратегии. Желание Хатояма избавить Японию от почти тотальной зависимости от США в военно-политической сфере контрастировало с заветами премьер-министра Ёсида, согласно которым Токио фактически отдавал Америке на откуп свою национальную безопасность. Между тем, поддерживаемые им идеи «открытого» пацифизма и активизации Японии на международной арене, несомненно, выходили за рамки пассивной дипломатии, которой Япония придерживалась в течение холодной войны. При этом автономная, менее зависимая от США внешняя политика, за выработку которой выступал Хатояма, не предполагала ремилитаризации страны или ослабления конституционных ограничений на применение силы в военных конфликтах, а отдавала предпочтение свободной торговле, гуманитарной помощи и прочим экономическим методам.

При всех своих нетрадиционных внешнеполитических взглядах Хатояма в целом придерживался вполне мейнстримных политических параметров в отношении как США, так и Китая. В широком смысле он преследовал те же цели, что и предыдущие и последующие премьер-министры – улучшение отношений с Китаем и поддержание сильного японо-американского союза (например, Хатояма считал стабильные, крепкие отношения с США необходимым условием для создания Восточноазиатского сообщества). Несмотря на ряд неординарных высказываний и мер в области внешней политики, связанных с хаотичным процессом принятия решений и отсутствием жёсткой дисциплины в его правительстве, Хатояма отчасти выражал и традиционные для японской политики мнения. Например, на прошедшем в декабре 2009 г. саммите в Индонезии премьер-министр подчеркнул важность, которую для японской дипломатии представляют общие ценности – такой же позиции придерживался и Абэ в ходе своего первого премьерства в 2006–2007 гг.⁶ А чуть ранее, в ноябре 2009 г. Хатояма выступил с речью в Сингапуре, в ходе которой призвал к поддержанию безопасности в акватории региона⁷, что отвечало ожиданиям стран Юго-Восточной Азии. Данная речь примечательна и тем, что её подготовил МИД Японии, тогда как большинство текстов выступлений Хатояма было написано его спичрайтером, драматургом Оридза Хирата.

Несмотря на то, что Хатояма принадлежал к уважаемой политической династии, он обладал крайне ограниченным опытом и познаниями в вопросах дипломатии, а его мнение по той или иной проблеме зачастую зависело от того, с кем он в последний раз её обсуждал [Iwama 2012: 136]. Более того, политик заслужил репутацию непредсказуемой личности даже внутри собственной партии, поскольку никто из коллег, включая членов его внутреннего круга, не имел чёткого представления о том, какова будет внешняя политика Хатояма в должности премьер-министра [Uchida Ando 2015: 122–123]. Например, продвигаемая им идея Восточноазиатского сообщества отражала личные воззрения Хатояма, а не партийный консенсус, а в вопросах внешней политики он обычно руководствовался собственными соображениями, которые нередко противоречили существующей платформе ДПЯ. Хотя у Хатояма было несколько советников, часть из них даже не входила в правительство, а значит, его взгляды в определённой степени формировались людьми без подходящих компетенций и аффилиаций.

Можно заключить, что стоящая перед Хатояма задача нахождения баланса в отношениях Японии с США и Китаем была актуальной и для других премьер-министров, однако используемая им для артикуляции своего видения риторика и избранный для достижения внешнеполитических задач подход отличали его от большинства японских лидеров и в итоге помешали реализовать свою повестку. Хатояма полагал, что эпоха глобальной гегемонии США подошла к концу и Япония должна следовать за усиливающимся Китаем, тогда как Восточноазиатское сообщество по замыслу премьер-министра должно было стать своего рода противовесом американскому господству

⁶ Remarks by Prime Minister Hatoyama at the Bali Democracy Forum II. *Prime Minister of Japan and His Cabinet*, 10 Dec 2009. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200912/10bali_e.html (accessed: 10.11.2023).

⁷ Address by H.E. Dr. Yukio Hatoyama Prime Minister of Japan: Japan's New Commitment to Asia – Toward the Realization of an East Asian Community. *Prime Minister of Japan and His Cabinet*, 15 Nov 2009. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200911/15singapore_e.html (accessed: 10.11.2023).

в регионе⁸ – именно в этой антиномии заключалась неординарность Хатояма на фоне японских политических элит.

Действия правительства Хатояма по реализации его внешнеполитических инициатив закончились неудачей. Концепция Восточноазиатского сообщества, выдвинутая премьер-министром, оказалась слишком неясной со структурной, организационной и идеологической точек зрения, а сами государства региона отнеслись к предложению скептически в силу того, что многие из них были заинтересованы в стабильном лидерстве США, тогда как, по замыслу Хатояма, Америка в это гипотетическое сообщество не входила⁹. Попытки японского лидера наладить отношения с Китаем имели схожий результат – хотя Си Цзиньпин, бывший на тот момент заместителем председателя КНР, и высказался в поддержку Восточноазиатского сообщества во время визита в Токио (декабрь 2009 г.), дальше этого прогресс в двусторонних отношениях не продвинулся¹⁰. Уже в начале 2010 г. риторика правительства Хатояма изменилась – Япония стала призывать Китай к более ответственной внешней политике, а создание Восточноазиатского сообщества стало долгосрочным планом¹¹. В марте 2010 г. обстановка в регионе накалилась после того, как южнокорейское судно было потоплено северокорейской торпедой. На фоне этого потепление в японо-китайских отношениях перестало быть возможным.

Крупнейшим же внешнеполитическим фиаско правительства Хатояма стало невыполненное обещание премьер-министра по передислокации военной базы США Футэмма. Этот вопрос мы осветим подробнее по трём причинам. Во-первых, именно неудача Хатояма на этом поприще в наибольшей степени повлияла на его отставку после всего девяти месяцев на посту главы правительства. Во-вторых, если первым тревожным сигналом для США со стороны новой администрации Японии стала её инициатива по созданию Восточноазиатского сообщества (в состав которого, как упоминалось ранее, Америка не была включена), то настойчивость попыток Хатояма добиться перемещения базы за пределы Окинавы заставили США относиться к премьер-министру с недоверием. В итоге на премьерство Хатояма пришёлся, вероятно, период наибольшей нестабильности японо-американского союза за всю его историю [Green 2011: 91]. В-третьих, неопытность, некомпетентность и неорганизованность, продемонстрированные администрацией Хатояма в решении данной проблемы, оказались характерны и для других сфер её внутри- и внешнеполитической деятельности и закрепили негативное восприятие его премьерства со стороны как экспертов, так и японской общественности.

База Футэмма, расположенная в городе Гинован префектуры Окинава, была местом размещения бóльшей части сил передового базирования США. Вопрос о её перемещении назрел ещё в 1990-е гг., а в 2006 г. правительство ЛДП и администрация Джорджа Буша-мл. достигли соглашения, которое предполагало передислокацию военной базы в город Наго на северо-востоке префектуры. Однако в июле 2009 г. Хатояма впервые пообещал, что добьётся

⁸ Hatoyama Y. *My Political Philosophy. Voice*, 2009.

⁹ A Shaky Start to Hatoyama's Yuai Diplomacy. *The Tokyo Foundation for Policy Research*, 13 Nov 2009. URL: <https://www.tokyofoundation.org/research/detail.php?id=123> (accessed: 04.12.2023).

¹⁰ Xi says Japan tour produces "positive result". *CCTV*, 17 Dec 2009. URL: <https://english.cctv.com/20091217/101113.shtml> (accessed: 20.11.2023).

¹¹ Japan-Malaysia Joint Leaders' Statement: "Enhanced Partnership for a New Frontier". *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, 19 Apr 2010. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/malaysia/jointstate1004.html> (accessed: 20.11.2023).

перемещения Футэмма за пределы префектуры (*кэнгай*), и ещё не раз заявлял о таком намерении до конца года. Стоит отметить, что предвыборный манифест ДПЯ, также обнародованный в июле, этого обещания не содержал. Хатояма с оптимизмом полагал, что США уважительно отнесутся к его требованию, поскольку неправильно истолковал настроения в Вашингтоне, посчитав, что приоритетными направлениями американской внешней политики на тот момент являлись Афганистан и Иран [Sahashi 2015: 136].

Однако США были не готовы на какие-либо значимые изменения параметров военного присутствия на Окинаве, поэтому риторика Хатояма вызвала недовольство в администрации Обамы, особенно с учётом того, что заявления японского лидера напрямую противоречили достигнутым в 2006 г. договорённостям. Одновременно с этим расплывчатые призывы премьер-министра о переходе к самостоятельной внешней политике и построении японо-американских отношений на основе равноправия создавали в США впечатление, что он выступает за фундаментальный пересмотр основ японской дипломатии. В итоге уже вскоре после вступления Хатояма в должность премьер-министра в Вашингтоне его стали рассматривать в лучшем случае как ненадёжного партнёра, а в худшем – как политика антиамериканского толка, что негативным образом повлияло и на восприятие остальных его внешнеполитических инициатив.

Дополнительным фактором, вызывавшим в США раздражение, стало и то, что администрация Хатояма недостаточно регулярно и своевременно передавала им информацию о меняющейся позиции по вопросу Футэмма, а также постоянно откладывала начало переговорного процесса, чтобы дать неопытным политикам из ДПЯ время разобраться в вопросе.

Наконец, как и в случае с идеей Восточноазиатского сообщества, намерение Хатояма договориться о передислокации Футэмма за пределы префектуры отражало скорее его личные взгляды – консенсуса в ДПЯ по этой проблеме не наблюдалось. Например, существующий план перемещения 2006 г. публично, наперекор главе правительства, поддержали министр обороны Китадзава Тосими, министр иностранных дел Окада Кацуя и губернатор Окинавы Накаима Хирокадзу. Подобная непоследовательность ещё больше подрывала репутацию премьер-министра в глазах администрации Обамы.

Для Хатояма важность данной проблемы была, вероятно, связана с идеологическими соображениями – ему нужно было доказать, что Япония может быть независима от США, тогда как вопрос реализации этих планов был второстепенным. В декабре 2009 г. он выразил надежду найти новое место для размещения базы к маю 2010 г., установив без консультаций с США нереалистичные рамки переговорного процесса. В январе правительство предложило в качестве альтернативного места передислокации базы остров Токуносима в префектуре Кагосима, однако к апрелю стало понятно, что такой вариант также неприемлем, поскольку на Токуносима невозможно было проводить тренировку американских морских пехотинцев. Наконец во время визита на Окинаву в мае Хатояма принёс извинения местным жителям за то, что нарушил своё обещание, добавив, что недооценил важность выполняемой военными силами США функции сдерживания. В конце того же месяца Япония и США подписали соглашение, которое фактически подтверждало уже имевшиеся планы по передислокации Футэмма на северо-восток Окинавы, а Хатояма, чью политику на тот момент не одобряли уже 70 % японцев, объявил 2 июня об уходе в отставку. В проамериканских политических

кругах Японии его внешнеполитическая деятельность получила наименование «заблуждение» и «отклонение от курса» [Панов *et al.* 2019: 359].

Последствия неудачной внешнеполитической линии премьер-министра коснулись не только его самого – на примере Хатояма последующим лидерам из ДПЯ Кан и Нода стало очевидно, что в сложившихся геостратегических условиях дистанцирование Японии от США и проведение по-настоящему независимой внешней политики невозможно, и они вернули дипломатию страны к традиционным американоцентричным параметрам. Кроме того, неспособность администрации Хатояма сколько-либо эффективно решить задачи во внутренней и внешней политике оставила отпечаток и на последующих правительствах ДПЯ, которые так и не вернули утраченную общественную поддержку, в результате чего на выборах 2012 г. ЛДП вновь пришла к власти во главе с Абэ Синдзо.

* * *

С момента отставки Юкио Хатояма с должности премьер-министра прошло более 13 лет. За это время курс Японии на перевооружение, расширение оперативных полномочий Сил самообороны, а также укрепление военно-политического сотрудничества как с США, так и с государствами Индо-Тихоокеанского региона, кажется, утвердился бесповоротно в качестве основы внешнеполитической стратегии страны. Попытки Хатояма изменить приоритеты японской внешней политики окончились неудачей, нанеся урон как японо-американскому союзу, так и репутации ДПЯ. Однако именно он стал премьер-министром, который, вероятно, в наибольшей степени отошёл от принципов доктрины Ёсида (как минимум на тот момент), попытавшись избавиться от почти абсолютной зависимости Японии от США в пользу автономной дипломатии и более активной роли страны на международной арене. Видение премьером Хатояма японской внешней политики, которое, как было показано, зачастую не совпадало с позицией его собственной партии, было основано на убеждении о неминуемом крахе однополярного мира, в связи с чем Японии следовало улучшать отношения с Китаем и интегрироваться с другими государствами Восточной Азии.

Хатояма не сумел реализовать свои планы в области внешней политики, поскольку они шли вразрез с формирующимся климатом безопасности в Восточной Азии и не нашли отклика ни в Китае, ни в других государствах региона, ни тем более в США. С тех пор условия безопасности, по мнению Токио, стали лишь более неблагоприятными – в новой стратегии национальной безопасности текущая международная ситуация оценивается как наиболее тяжёлая со времён Второй мировой войны¹². На этом фоне идеи, выдвинутые Хатояма, кажутся нереалистичными, и крайне маловероятно, что японское правительство вновь возьмёт их на вооружение. Однако тот факт, что многие предложения, с которыми выступал политик, нашли отражение в недавнем докладе японских экспертов с рекомендациями по реформатированию дипломатии страны, позволяет говорить о том, что альтернативное видение Хатояма внешнеполитической стратегии Японии сохраняет влияние и воспринимается серьёзно и по сей день.

¹² National Security Strategy of Japan. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 24.11.2023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Носова И.А. «Азиатский разворот» во внешнеполитическом курсе Японии (2009–2010) // Япония после смены власти. 2011. С. 129–144.
- Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. История внешней политики Японии. М.: Международные отношения, 2019. 456 с.

REFERENCES

- Nosova I.A. (2011). “Aziatsky razvorot vo vneshnepoliticheskom kurse Yaponii (2009–2010) [“The Asian turn” in Japan’s foreign policy (2009–2010)]. *Yaponiya Posle Smeny Vlasti [Japan After the Change of Power]*: 129–144. (In Russian).
- Panov A.N., Sarkisov K.O., Streltsov D.V. (2019). *Istoriya vneshney politiki Yaponii [The History of Japan’s Foreign Policy]*. Moscow, 456 p. (In Russian).
- * * *
- Asano K. (2011). *Minshutō seikenka no Nihon seiji [Japanese Politics Under the Rule of the Democratic Party]*. Tokyo. (In Japanese). [浅野一弘. 民主党政権下の日本政治. 東京, 講談社].
- Brooks W.L. (2012). Stress Test for the U.S.-Japan Alliance under the Democratic Party of Japan. *SAIS Review of International Affairs*, 32 (2): 121–135. DOI: 10.1353/sais.2012.0037
- Cooney K. J. (2007). *Japan’s Foreign Policy Since 1945*. New York: M.E. Sharpe, 295 p.
- Edström B. (2003). Japan’s foreign policy and human security. *Japan Forum*, 15 (2): 209–225.
- Funabashi Y. (1991). Japan and the New World Order. *Foreign Affairs*, 70 (5): 58–74.
- Green M. (2011). The Democratic Party of Japan and the Future of the U.S.-Japan Alliance. *Journal of Japanese Studies*, 37 (1): 91–116. DOI: 10.1353/jjs.2011.a413481
- Helms L. (2012). *Poor Leadership and Bad Governance: Reassessing Presidents and Prime Ministers in North America, Europe and Japan*. Cheltenham: Edward Elgar, 224 p.
- Iwama Y. (2012). What Is a “liberal” East Asia Policy? Japan and the DPJ Government. In: *Security Cooperation in Northeast Asia: Architecture and Beyond*. New York: Routledge, pp. 124–146.
- Nakamura T. (2014). Japan’s Changing Security Policy and the “Dynamic Defence Force” Concept. In: *Power Transition and International Order in Asia: Issues and Challenges*. London: Routledge, pp. 103–124.
- Ozawa I. (1993). *Nippon Kaizō Keikaku [Japan Reform Plan]*. Tokyo, 258 p. (In Japanese). [小沢一郎. 日本改造計画. 東京, 講談社].
- Sahasi R. (2015). The DPJ Government’s Failed Foreign Policy: A Case of Politician-Led Government Gone Wrong. In: *Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan*. Tokyo, New York: Japan Center for International Exchange, pp. 131–159.
- Sebata T. (2010). *Japan’s Defense Policy and Bureaucratic Politics, 1976–2007*. Lanham: University Press of America, 414 p.
- Terashima J. (2009). *Sekai wo shiru chikara [The Power to Comprehend the World]*. Tokyo, 206 p. (In Japanese). [寺島実郎. 世界を知る力. 東京, PHP新書].
- Uchida Ando Y. (2015). What Went Wrong under the DPJ? In: *Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan*. Tokyo, New York: Japan Center for International Exchange, pp. 108–131.

Поступила в редакцию: 23.11.2023
Принята к публикации: 26.11.2023

Received: 23 November 2023
Accepted: 26 November 2023

DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-91-102

Российское направление внешней политики Японии в 2023 г.: факторы формирования и реальное наполнение

Нелидов Владимир Владимирович^{1,2}

¹ МГИМО МИД России

² Институт востоковедения РАН

Аннотация. В статье приводится общая оценка российского направления внешней политики Японии по состоянию на конец 2023 г. и анализируются факторы, определяющие его содержание. Рассматриваются выступления премьер-министра и разделы публикаций МИД Японии, посвящённые российско-японским отношениям, анализируется состояние экономических связей с учётом принятых страной санкционных мер против России, рассматривается место РФ в Стратегии национальной безопасности Японии, принятой в конце 2022 г. Делается вывод о том, что, несмотря на очевидное влияние США на японскую позицию в отношении России, не приходится говорить о грубом навязывании Вашингтоном своей позиции Токио, и речь идёт скорее об уже сложившемся консенсусе по этому вопросу между японской и американской сторонами. Впрочем, «внешнее давление» не ограничивается сотрудничеством с Соединёнными Штатами, и всё более значимую роль для Японии начинает играть взаимодействие с многосторонними форматами «коллективного Запада». С внутривосточной точки зрения ситуация также способствует поддержанию антироссийского курса Токио, так как внутри страны представители альтернативных точек зрения де-факто подвергаются остракизму и «отменяются». Но даже с учётом всех этих негативных факторов, в российском направлении внешней политики Японии просматриваются отдельные признаки прагматизма, и это позволяет надеяться, что в случае разрешения украинского кризиса политическое руководство страны не будет чинить препятствий нормализации российско-японских отношений.

Ключевые слова: Япония, внешняя политика, российско-японские отношения, украинский кризис, внешнеполитический процесс, японо-американские отношения.

Автор: Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76); старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438. E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142П).

Для цитирования: Нелидов В.В. Российское направление внешней политики Японии в 2023 г.: факторы формирования и реальное наполнение // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 91–102. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-91-102

Russian direction of Japan's foreign policy: Contents and forming factors

Nelidov Vladimir V.^{1,2}

¹ Moscow State Institute of International Relations

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article provides a general evaluation of the Russian direction of Japan's foreign policy as of late 2023 and analyzes the factors that determine its contents. It considers the speeches of the Prime Minister of Japan, the sections of the Japanese Foreign Ministry's publications which focus on Russia-Japan relations, analyzes the state of economic ties given the sanctions imposed by Japan on Russia, and studies the place of Russia in Japan's National Security Strategy, adopted in late 2022. The author comes to the conclusion that, despite the obvious influence of the U.S. on the Japanese position regarding Russia, one can hardly speak of Washington bluntly imposing its views on Tokyo. Rather, we find an already established consensus regarding this issue between Japan and the U.S. Meanwhile, the "foreign pressure" is not limited to interaction with the United States, as cooperation with multilateral formats of the "collective West" starts to play an increasingly important role for Japan. From the point of view of domestic politics, the situation also facilitates the continuation of Tokyo's anti-Russian course, as, within the country, those expressing alternative points of view are de-facto subject to ostracism and "cancelling." But, even given all these negative factors, one can still glimpse some signs of pragmatism in the Russian direction of Japan's foreign policy. This lets one hope that, should the Ukrainian crisis be resolved, the Japanese leadership will not put obstacles in the way of normalization of Russia-Japan relations.

Keywords: Japan, foreign policy, Russia-Japan relations, Ukrainian crisis, foreign policy decision making process, Japan-U.S. relations.

Author: Nelidov Vladimir V., PhD (History), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Senior Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438. E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00142П).

For citation: Nelidov V.V. (2023). Rossiiskoe napravlenie vneshnei politiki Yaponii v 2023 g.: faktori formirovaniya i realnoe napolnenie [Russian direction of Japan's foreign policy: Contents and forming factors]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 4: 91–102. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-91-102

Введение

Российско-японские отношения, ещё в середине 2010-х гг., в эпоху правления премьер-министра Синдзо Абэ (2012–2020), находившиеся на подъёме, по состоянию на 2023 г. пребывают в глубоком кризисе. После начала Специальной военной операции (СВО) на территории Украины японское руководство не колеблясь выступило на стороне «коллективного Запада», введя серьёзнейшие меры санкционного давления против

Российской Федерации. В ответ на это российское правительство включило Японию в число «недружественных стран» и запретило въезд в Россию практически всему высшему руководству Японии. Все совместные программы были заморожены, переговоры о заключении мирного договора – полностью прекращены. Хотя дипломатические отношения между странами сохраняются, конструктивные обсуждения накопившихся проблем оказались по сути нереализуемы, если не считать очень ограниченных возможностей «дипломатии второго трека». Впрочем, нельзя не отметить, что полностью неожиданным этот разрыв не был: сближение, опиравшееся, как оказалось, почти исключительно на личные контакты между президентом В.В. Путиным и премьером С. Абэ, надеявшимся таким образом добиться удовлетворения территориальных претензий к России, начало демонстрировать признаки затухания ещё в конце 2010-х гг. [Нелидов 2020].

Но хотя российско-японские отношения и достигли своего надира, они тем не менее остаются важным объектом для исследования – как, прежде всего, с точки зрения национальных интересов Российской Федерации, так и в плане поиска возможных путей преодоления существующих сложностей. В ещё большей степени актуальность исследования определяется тем, что далеко не все страны-партнёры США заняли такую же резкую по отношению к России позицию по украинскому вопросу, как Япония. К примеру, Южная Корея, хотя и поддержала в целом сторону Запада, тем не менее в целом занимает гораздо менее конфронтационную позицию [Дьячков 2022].

Как бы то ни было, объективная оценка состояния российско-японских отношений в 2023 г. требует от нас ответить на следующие вопросы: какую позицию занимает японское руководство по отношению к России в настоящий момент (конец 2023 г.)? В какой степени эта позиция определена внутривнутриполитическими факторами, а в какой – внешними условиями разворачивающегося противостояния между «коллективным Западом» и странами, бросающими ему вызов? Насколько можно ожидать изменения японской позиции в обозримом будущем?

В отечественной научной литературе факторы состояния и динамики двусторонних отношений Москвы и Токио подвергаются детальному анализу в работах ряда авторов: Д.В. Стрельцова [Стрельцов 2020; Стрельцов 2021; Стрельцов 2022], О.И. Казакова [Казаков 2021; Казаков 2022], В.О. Кистанова [Кистанов 2017], В.В. Нелидова [Нелидов 2020; Нелидов 2022a; Нелидов 2022b], А.Н. Панова [Панов и др. 2019]. Также, говоря об исследовании российско-японских отношений, нельзя не отметить значимый фундаментальный труд “Handbook of Japan-Russia Relations”, вышедший в 2023 г., подготовленный при участии в том числе и ряда отечественных исследователей и дающий панораму истории и состояния российско-японских отношений [Togo & Streltsov 2023]. И всё же стремительные изменения международной ситуации, особенно за последние два года, а также необходимость оценивать эти изменения в свете интересов нашей страны делают поставленные вопросы по-прежнему актуальными.

Позиция Японии в отношении России в 2023 г.

Чтобы получить общее представление о том, какое место в целом занимают отношения с Россией в политическом курсе японского руководства, имеет смысл обратить внимание на программные речи премьер-министра, с которыми глава правительства регулярно выступает

в парламенте страны и которые могут служить своего рода «барометром» политического курса. Сравним два выступления – последнюю на момент написания статьи программную речь премьер-министра Кисида Фумио в парламенте от 23 октября 2023 г.¹ и его же аналогичное выступление годом ранее, 3 октября 2022 г.². Контраст того, как в них освещается украинский кризис, очевиден.

В выступлении 2022 г. раздел, посвящённый внешней политике и дипломатии Японии, начинается с пассажа об этой ситуации. Премьер Кисида подробно говорит о кризисе, упоминая и присоединение к РФ новых регионов, и частичную мобилизацию в России, и то, что, по мнению японского премьера, «Украина [сегодня] – это, возможно, Восточная Азия завтра». Слово «Россия» в этом выступлении упоминается шесть раз, в том числе в самом начале речи и также в разделе об экономике, где украинский кризис называется среди причин повышения цен на энергоносители и продовольствие; слово «Украина» упоминается семь раз.

Но в речи, произнесённой Кисидой годом позже, картина уже совсем иная. Слово «Россия» упоминается лишь дважды, один раз – в контексте перечисления международных кризисов (и после этого через запятую следует «ситуация вокруг Израиля и Палестины»). Также два раза упоминается слово «Украина», причём здесь тоже нет ни одного полного предложения, которое было бы посвящено конкретно помощи киевским властям.

Гораздо более детальное изложение японской позиции в отношении России может быть найдено в ежегодной публикации МИД – «Синей книге дипломатии Японии». Публикация 2022 г. упоминает начало СВО лишь кратко, так как основное её содержание посвящено положению внешней политики Японии в 2021 г.³. Однако в издании 2023 г. этой теме отведён целый раздел в начале публикации, в котором излагается ход событий (естественно, с точки зрения стран Запада), позиция Японии, подробно перечисляются санкционные меры, наложенные Японией на Россию, и контрсанкции, введённые российской стороной, рассказывается о том, какую помощь Япония оказывает киевскому правительству, и говорится о сотрудничестве с другими странами в контексте этой ситуации.

Последний пункт заслуживает особого внимания, так как отражает смещение акцентов японской внешней политики, начавшееся задолго до украинских событий, однако существенно ускоренное ими. Первым номером в этом пункте идёт сотрудничество в рамках «Большой семёрки», что неудивительно, учитывая, что Япония была председателем данного форума в 2023 г. Далее следует сотрудничество в рамках ООН (здесь, впрочем, авторы сетуют на ограниченность возможностей принятия резолюций в Совете Безопасности) и сотрудничество с международными судебными институтами. При этом, хотя соответствующий пункт и называется «Сотрудничество со странами-единомышленниками и международным сообществом», все его подпункты связаны именно с многосторонними

¹ 第一百十二回国会における岸田内閣総理大臣所信表明演説 [Программная речь премьер-министра Кисида на 212 сессии парламента]. 23.10.2023. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2023/1023shoshinhyomei.html (дата обращения: 02.12.2023).

² 第一百十回国会における岸田内閣総理大臣所信表明演説 [Программная речь премьер-министра Кисида на 210 сессии парламента]. 03.10.2022. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2022/1003shoshinhyomei.html (дата обращения: 02.12.2023).

³ 外交青書 2022 [Синяя книга дипломатии Японии 2022]. С. 118. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100334590.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

форматами взаимодействия⁴. Это ещё один пример того, что сведение связей внутри «коллективного Запада» лишь к зависимости его союзников от Вашингтона представляет собой предельное упрощение ситуации. Если мы хотим понять логику отношений между странами Запада, логику мышления их дипломатов и элит, следует серьёзно относиться к первому слову в словосочетании «коллективный Запад».

Ещё одна небезытересная деталь того, как в «Синей книге» 2023 г. излагается ситуация вокруг Украины, заключается в том, насколько предвзято или объективно в ней отражены позиции сторон. Конечно, по большей части нарратив этой публикации полностью совпадает с пропагандистскими штампами западных СМИ, излагающих причины и ход конфликта в лучшем случае предвзято и однобоко, а подчас и с откровенными искажениями действительности. Однако, к примеру, в самом начале рассказа о ходе кризиса говорится: «В своём телевизионном выступлении [24 февраля 2022 г.] президент России Путин заявил, что целью [действий России] была защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергались издевательствам и геноциду (!) со стороны киевского режима, и для достижения этой цели Россия будет стремиться к демилитаризации и денацификации Украины»⁵. Контраст с утверждениями Вашингтона о якобы «неспровоцированности» действий России очевиден, хотя, конечно, подобные пассажи вряд ли можно считать даже намёком на то, что официальный Токио готов проявить понимание в отношении российской позиции.

Наконец, стоит обратить внимание ещё на один раздел «Синей книги», посвящённый экономическим санкциям против России. Как уже было упомянуто выше, в публикации МИД подробно описаны эти меры, причём некоторые из них, обозначенные как «запрет на новые инвестиции в Россию» и «запрет на экспорт в Россию товаров роскоши», на практике имеют весьма странное содержание. Так, например, выезжающим из Японии в Россию пассажирам запрещено везти с собой, помимо прочего, ноутбуки ценой выше 40 тыс. иен (около 25 тыс. рублей, то есть в эту категорию попадает большая часть имеющихся на рынке ноутбуков), а также вывозить наличные средства на общую сумму больше 100 тыс. иен (около 62 тыс. рублей)⁶. Учитывая, что посещающие Японию российские граждане не имеют возможности пользоваться банковскими картами и любыми формами трансграничных денежных переводов, подобные валютные ограничения становятся существенной проблемой для туристов и всех путешественников.

Впрочем, подобные меры, эффективность воздействия которых на высшее политическое руководство России или на отечественные оборонные предприятия в лучшем случае сомнительна, не исключают того, что Япония не собирается полностью отказываться от энергетического сотрудничества с РФ. Так, в «Синей книге» 2023 г. утверждается: «Политика Японии состоит в том, чтобы сохранять наши интересы в нефтегазовых проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2» в России, так как эти интересы важны для энергетической безопасности Японии с точки зрения обеспечения стабильных поставок энергоносителей в средне- и долгосрочной перспективе». Отметим, что указание на «средне- и долгосрочную перспективу» прямо противоречит предшествующему утверждению, что японское

⁴ 外交青書 2023 [Синяя книга..]. С. 22–25.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ «Пассажирам, выезжающим в Российскую Федерацию как конечный пункт следования». Памятка таможенной службы Японии, октябрь 2023 г.

правительство собирается «свести на нет» (даже в японской версии используется заимствование из английского – «phase out») зависимость от России в сфере энергетики⁷.

Подобный «прагматизм» японской санкционной политики стал причиной, по которой говорить о коллапсе российско-японских экономических связей, даже несмотря на грозные заявления Токио о введении «суровых санкций против России», не приходится. О новых инвестиционных проектах, действительно, в обозримой перспективе придётся забыть. Однако по состоянию на февраль 2023 г., то есть через год после начала СВО, частично или полностью приостановили свою работу 60,6 % японских компаний, но лишь 4 % из них приняли решение полностью уйти с российского рынка, в то время как 35,4 % компаний решили работать «как прежде». При этом значительная часть приостановивших свою работу в России японских компаний (60 %) назвали в качестве причины репутационные риски⁸ – фактор, обладающий определяющим значением, если говорить о компаниях, ориентированных на конечного потребителя (B2C), но гораздо менее существенный для фирм, предоставляющих продукцию и услуги другим организациям (B2B). Не оказали радикального влияния японские санкции и на общие объёмы торговли между странами: в 2022 г. она выросла на 6,2 %, так как сокращение японского экспорта (главным образом, из-за сокращения импорта автомобилей) было более чем компенсировано ростом стоимости российского экспорта, что было вызвано, прежде всего, ростом мировых цен на энергоносители⁹.

Отдельного рассмотрения с точки зрения отношения к России заслуживает и принятая в декабре 2022 г. новая Стратегия национальной безопасности¹⁰ – ключевой программный документ в данной сфере¹¹. Ситуация вокруг Украины и России в целом неоднократно упоминается в этом документе в весьма критическом свете, но есть, тем не менее, существенные нюансы, которые позволяют говорить, что выраженная в нём позиция далеко не такая жёсткая, какой могла бы быть. В частности, Россия называется там «самой серьёзной и прямой угрозой безопасности в европейском регионе», но что касается собственно Японии, то здесь о нашей стране говорится, что «деятельность России в Индо-Тихоокеанском регионе, включающем Японию, наряду с её [России] стратегической координацией с Китаем, вызывают серьёзную обеспокоенность с точки зрения безопасности». Иными словами, Россия не обозначается как угроза непосредственно для Японии, а в качестве основного источника обеспокоенности называется российско-китайское взаимодействие, а не Россия сама по себе. Этим она отличается от КНДР, «военная активность» которой в тексте Стратегии обозначается как «серьёзная и непосредственная угроза национальной безопасности Японии», или Китая, в отношении которого, впрочем, используется чуть более мягкая формулировка: в тексте говорится, что деятельность Китая представляет «беспрецедентный и крупнейший вызов с точки зрения обеспечения мира

⁷ 外交青書 2023 [Синяя книга дипломатии Японии 2023]. С. 17. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100523089.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

⁸ За год более 60 % компаний Японии частично или полностью приостановили работу в России. ТАСС, 22.02.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17114971> (дата обращения: 02.12.2023).

⁹ Товарооборот Японии и России вырос на 6,2 % в 2022 году. Коммерсантъ, 19.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5774320> (дата обращения: 02.12.2023).

¹⁰ 国家安全保障戦略. 令和4年12月 [Стратегия национальной безопасности. Декабрь 2022 г.]. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216banzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

¹¹ Подробный анализ документа и связанных с ним вопросов содержится, в частности, в [Стрельцов 2023].

и безопасности Японии, а также мира и стабильности международного сообщества». При этом в отношении Китая утверждается, что «Япония должна ответить [на этот вызов] с использованием всей своей национальной мощи и в сотрудничестве со своим союзником¹², странами-единомышленниками и другими странами», в то время как в отношении России аналогичного призыва к противостоянию в Стратегии не приводится. Таким образом, можно сказать, что с точки зрения современных приоритетов японской политики в сфере национальной безопасности «российский вопрос» сводится к двум пунктам: ситуации вокруг Украины и сотрудничеству России и Китая, в то время как противостояние с Китаем и угроза со стороны КНДР воспринимаются как гораздо более комплексные и фундаментальные проблемы.

Факторы формирования антироссийской позиции Японии

Осветив в предыдущем разделе общее содержание позиции официального Токио на конец 2023 г. в отношении России, попробуем ответить на вопрос: какие внешние и внутривнутриполитические факторы её определяют.

В российском общественно-политическом дискурсе общим местом являются утверждения, что Япония не может быть полностью суверенной страной в силу своей зависимости от США. Отчасти эти утверждения верны, но только отчасти. Как представляется, для полного понимания истоков японской внешней политики следует, во-первых, попытаться определить конкретные механизмы и способы влияния Вашингтона на политику Токио, а во-вторых, отделить влияние со стороны США (в японском политическом обиходе часто используется термин «*гайацу*»), дословно – «внешнее давление») от иных внешних и внутривнутриполитических факторов.

Если говорить о влиянии США, то, как представляется, нарратив «диктата» Вашингтона или «Японии как вассала США», столь часто встречающийся в высказываниях российских журналистов и даже официальных лиц, оказывается хотя и не полностью ложным, однако всё же слишком сильно упрощает реальность. Конечно, диалог между Вашингтоном и Токио не прекращается. С 24 февраля 2022 г., согласно данным пресс-релизов Белого дома, стороны провели шесть очных встреч на высшем уровне, два раза президент Байден и премьер Кисида говорили по телефону, шесть раз с представителями высшего японского руководства (с премьером Кисидой, главой секретариата национальной безопасности Японии Акиба Такэо и генеральным секретарём Либерально-демократической партии Мотэги Тосимицу) встречались высокопоставленные чиновники Белого дома (советник по национальной безопасности Джейк Салливан и вице-президент Камала-Харрис)¹³. И во время практически всех этих встреч так или иначе затрагивалась тема украинского кризиса.

Вполне допустимо сказать, что делаемые японскими официальными лицами заявления и одобряемые ими программные документы в значительной степени выражают мнения и взгляды не только собственно японского, но и американского руководства. Примером может послужить рассмотренная выше новая Стратегия национальной безопасности Японии.

¹² В английском варианте используется единственное число, то есть подразумеваются США.

¹³ Подсчитано автором на основании данных официального сайта Белого дома URL: <https://www.whitehouse.gov/> (дата обращения: 02.12.2023).

Так, после её опубликования 16 декабря 2022 г., было обнародовано заявление советника президента США Джейка Салливана, в котором он особо подчёркивал, что США благодарны Японии за поддержку Украины. Впрочем, это же можно сказать и о всех прочих японских программных документах в сфере национальной безопасности послевоенного периода, так как японо-американский военно-политический союз является фундаментом и неотъемлемым элементом японской оборонной политики (и это подчёркивается почти во всех подобных документах).

С точки зрения согласования позиций между США и Японией немалую роль играет и деятельность американского посла в Токио, Рама Эмануэля. Эмануэль в прошлом был членом палаты представителей конгресса США от Демократической партии, работал в президентских администрациях Билла Клинтона и Барака Обамы и в целом известен своим «жёстким» стилем в политике, а потому может быть расценен как представитель наиболее одиозного и непреклонного крыла американской неолиберальной политической элиты. Даже тот факт, что Эмануэль был назначен послом в Японии 25 марта 2022 г., всего через месяц после начала СВО, по всей видимости, неслучаен. Один из каналов его взаимодействия с японским руководством – регулярные контакты с уже упомянутым генеральным секретарём правящей Либерально-демократической партии Японии Мотэги Тосимицу¹⁴, и, насколько можно судить по открытым источникам, Эмануэль использует их в том числе и для того, чтобы продвигать антироссийскую позицию Вашингтона.

Примечательно, что антироссийская позиция Японии во многом закрепляется не только солидарностью с США, но и тем, что Япония стремится активизировать своё участие в различных международных форматах – опять-таки, главным образом представляющих собой те или иные ипостаси «коллективного Запада». Так, именно председательство Японии в «большой семёрке» в 2023 г. было одним из факторов жёсткости её позиции по вопросу санкционного давления на Россию¹⁵. Более активная роль Японии на международной арене также традиционно выражается и в стремлении играть ведущую роль в различных форматах, объединяющих прежде всего страны, имеющие тесные связи с США. Наглядным примером здесь может послужить формат Quad, а также сама по себе концепция Индо-Тихоокеанского региона, ставшая одним из ключевых понятий современной японской и американской внешней политики и вошедшая в активный оборот во многом благодаря С. Абэ и его речи «Слияние двух морей», произнесённой им в индийском парламенте ещё в августе 2007 г.¹⁶. При этом многосторонние усилия Японии не ограничиваются непосредственным географическим окружением: в «Синей книге дипломатии Японии 2023» прямо подчёркивается, что в 2022 г. резко активизировались её связи с НАТО и что значимым фактором здесь стала ситуация вокруг Украины¹⁷.

¹⁴ @USAmbJapan, 9 Mar 2023. URL: <https://twitter.com/USAmbJapan/status/1633756494905606145> (accessed: 02.12.2023). (В настоящее время Роскомнадзор блокирует X (быв. Twitter) в России).

¹⁵ См., в частности, материалы круглого стола Ассоциации японоведов «Председательство Японии в большой семерке в 2023 г.», доступные в видеоформате на сайте YouTube по адресу URL: <https://youtu.be/0tUO41EVpZU?si=7ou3si4ziul7TRWf>

¹⁶ "Confluence of the Two Seas" Speech by H.E.Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, 22 Aug 2007. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed: 02.12.2023).

¹⁷ 外交青書 2023 [Синяя книга дипломатии Японии 2022]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100523089.pdf> (дата обращения: 02.12.2023). С. 129–130. Более подробно о сотрудничестве Японии и НАТО см. в [Трунов 2023].

Этот факт должен указать, что на внешнеполитическую стратегию Японии нельзя смотреть через призму ложной дихотомии «зависимости от США», подразумевающей пассивное следование за курсом Вашингтона, и «независимой внешней политики», которая бы означала её бóльшую прагматичность и преследование собственных национальных интересов. На протяжении многих десятилетий с точки зрения японских дипломатов и политиков более активная внешняя политика подразумевала более активное участие в том, что они воспринимали как «международное сообщество», и подчас активная дипломатия и многостороннее международное сотрудничество воспринимались чуть ли не как синонимы¹⁸. И в этом смысле активное использование в современной японской внешнеполитической риторике фразы «международный порядок, основанный на правилах» отражает именно эту склонность японской дипломатии прежде всего ориентироваться на международное сообщество – понимаемое, впрочем, в типичном для западных стран ограниченном смысле.

Внутриполитические факторы, безусловно, также играют свою роль, и в более ранней работе автора подробно рассматривались позиции различных политических сил в отношении украинского кризиса [Нелидов 2022b]. В 2023 г. ситуация практически не изменилась, и она по-прежнему характеризуется де-факто консенсусом между почти всеми ключевыми политическими игроками в том, что касается их антироссийской позиции. Немногочисленные публичные политики, осмеливающиеся высказывать альтернативные мнения, подвергаются резкому остракизму. Так, к примеру, депутат палаты советников Мунэо Судзуки, до сих пор остающийся одним из немногих активных сторонников развития отношений между Японией и РФ, после своего визита в Россию в октябре 2023 г. был вынужден покинуть Партию обновления Японии, к которой он принадлежал до этого¹⁹. Что же касается экспертного сообщества, то оно оказывается жертвой типичного для Японии стремления средств массовой информации к консенсусу, подчас доходящего до уровня самоцензуры: ведущие японские СМИ приглашают исключительно тех специалистов, которые придерживаются антироссийской «генеральной линии», в то время как эксперты, разделяющие альтернативные точки зрения, как правило, лишены возможности высказаться.

Заключение

По ситуации на конец 2023 г. общее состояние российско-японских отношений во многом оставляет желать лучшего. Антироссийская позиция Токио подпитывается как изнутри, так и извне. В самой Японии сложившийся и сохраняющийся на этот счёт консенсус политических кругов и значительной части общественного мнения закрепляется тем, что СМИ по сути «отменили» тех экспертов и политических деятелей, которые придерживаются альтернативных взглядов. С точки зрения «внешнего давления» на Японию, безусловно, свою роль играет влияние Вашингтона. Впрочем, никаких свидетельств того, что Соединённым Штатам приходится принуждать и так согласную с их точкой зрения Японию, нет, в результате чего «внешнее давление» имеет форму скорее постоянных напоминаний

¹⁸ О том, как это определяло политику Японии в конце биполярного периода, см. [Nelidov 2023].

¹⁹ Japan lawmaker who made unannounced Russia trip removed from party. *Kyodo News*, 10.10.2023. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/10/9a53ba1020fa-japan-innovation-party-removes-lawmaker-over-unannounced-russia-trip.html> (accessed: 02.12.2023).

и призывов к солидарности, осуществляемых посредством регулярных контактов между правящими кругами обеих стран. Но нельзя сводить это давление лишь к отношениям Токио и Вашингтона. С течением времени всё большую роль в японской внешней политике играет участие в различных многосторонних форматах. Большинство из них объединяет страны-партнёры США, поэтому с практической точки зрения результаты остаются такими же, как если бы внешняя политика Японии диктовалась из Вашингтона. Но факт остаётся фактом: говоря о «коллективном Западе», нельзя недооценивать первое слово этого словосочетания. Следует избегать грубого упрощения, согласно которому лишь Вашингтон по-настоящему обладает субъектностью в этом лагере.

Но даже несмотря на все эти неблагоприятные для российско-японских отношений факторы, отдельные признаки прагматизма в японской политике в отношении Российской Федерации всё же есть. Изложение хода украинского конфликта в публикациях японского внешнеполитического ведомства представляется относительно объективным – настолько, насколько это возможно при современной внешнеполитической ориентации Японии. Несмотря на широкий спектр санкционных мер, введённых против России и бьющих в том числе и по простым российским гражданам, экономические отношения между двумя странами не понесли такого урона, какой можно было бы предполагать. Сопоставление выступлений премьер-министра в конце 2022 и в конце 2023 гг. позволяет высказать осторожное предположение, что украинский кризис постепенно уходит из фокуса внимания японских властей и политики в целом, а потому первоначальные заверения в непреклонности антироссийской позиции, делавшиеся сразу после начала СВО, очевидно под влиянием момента, не следует воспринимать как нечто заданное раз и навсегда. И даже Стратегия национальной безопасности, принятая в декабре 2022 г., хотя и содержит в изобилии критику в адрес России, тем не менее не называет её угрозой непосредственно для Японии.

Как и в 2022 г., практически вся динамика двустороннего трека российско-японских отношений определяется одним ключевым фактором, довлеющим над всеми прочими, а именно украинским кризисом. С уверенностью можно утверждать, что будущее российско-японских отношений в кратко- и среднесрочной перспективе будет определяться дальнейшим ходом его разрешения. Внутриполитические факторы играют здесь второстепенную роль. Даже если в среднесрочной перспективе премьера Кисида сменит на посту главы правительства другой политик (что, впрочем, далеко не гарантировано, так как очевидного сильного конкурента пока не просматривается [Mulgan 2023]), он, скорее всего, будет носителем тех же самых взглядов на российско-японские отношения, что доминируют в японском политическом мире сейчас. Тем не менее, названные выше причины позволяют предположить, что в случае, если этот кризис в той или иной форме придёт к урегулированию или, как минимум, его острота будет существенно снижена, то японское руководство не станет возводить непреодолимых препятствий к хотя бы частичному восстановлению двусторонних отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дьячков И.В. Отношения России с государствами Корейского полуострова в новой реальности // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 44–55.
- Казаков О.И. О новых тенденциях в российско-японских отношениях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 26–36.

- Казиков О.И. Об особенностях российско-японских отношений в гуманитарной сфере в 2022 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 4. С. 16–31.
- Кистанов В.О. Россия и Япония: актуальные проблемы отношений // Актуальные проблемы современной Японии. 2017. № 31. С. 7–26.
- Нелидов В.В. "Порочный круг" российско-японских отношений: сдерживающие факторы и перспективы улучшения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022а. № 1. С. 39–52.
- Нелидов В.В. Новая неопределённость в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2020. № 4. С. 119–136.
- Нелидов В.В. Украинский кризис во внутривнутриполитическом дискурсе Японии // Японские исследования. 2022б. № 4. С. 108–122.
- Панов А.Н., Стрельцов Д.В., Куреева А.А., Нелидов В.В. 2019. Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе. Москва: Российский совет по международным делам.
- Стрельцов Д.В. О новой концепции национальной безопасности Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 9–25.
- Стрельцов Д.В. Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. № 2. С. 110–126.
- Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения после Абэ: новый стресс-тест? // Японские исследования. 2022. № 2. С. 120–133.
- Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (3). С. 68–85.
- Трунов Ф.О. Подход НАТО к выстраиванию сотрудничества с Японией: трудности и перспективы // Японские исследования. 2023. № 3. С. 88–102.

REFERENCES

- Dyachkov, I.V. (2022). Otnosheniya Rossii s gosudarstvami Koreiskogo poluostrova v novoi real'nosti [Russia's Relations With North and South Korea in the New Reality]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 6: 44–55. (In Russian).
- Kazakov O.I. (2021). O novykh tendentsiyakh v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [On the New Trends in the Russian-Japanese Relations]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 3: 26–36. (In Russian).
- Kazakov O.I. (2022). Ob osobennostyakh rossiysko-yaponskikh otnosheniy v gumanitarnoy sfere v 2022 godu [On the Peculiarities of Russian-Japanese Relations in the Humanitarian Sphere in 2022]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 4: 16–31. (In Russian).
- Kistanov, V.O. (2017). Rossiya i Yaponiya: aktual'nye problemy otnoshenii [Russia and Japan: Current Problems of Relations]. *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii [Current Problems of Contemporary Japan]*, 31: 7–26. (In Russian).
- Nelidov, V.V. (2019). Rossiisko-yaponskie dvustoronnie otnosheniya: predely sblizheniya [Russian-Japanese Bilateral Relations: Limits of Rapprochement]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2: 65–82. (In Russian).
- Nelidov, V.V. (2022a). "Porochnyi krug" rossiisko-yaponskikh otnoshenii: sderzhivayushchie faktory i perspektivy uluchsheniya ["Vicious Circle" of Russian-Japanese Relations: Constraining Factors and Prospects for Improvement]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 1: 39–52. (In Russian).
- Nelidov, V.V. (2022b). Ukrainskiy krizis vo vnutripoliticheskom diskurse Yaponii [Ukrainian crisis in Japan's domestic political discourse]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4: 108–122. (In Russian).

- Panov, A., Streltsov, D., Kireeva, A., Nelidov, V. (2019). *Perspektivy razvitiya rossiisko-yaponskikh otnoshenii na novom etape [The Prospects of Development of Russian-Japanese Relations in the New Era]*. Moscow: Russian International Affairs Council. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2020). Rossiisko-yaponskie otnosheniya: dolgosrochnye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*, 13 (3): 68–85. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2021). Rossiiskoe napravlenie politiki Yaponii v Arktike [The Russian vector of Japan's policy in the Arctic]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2: 110–126. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2022). Rossiisko-yaponskiye otnosheniya posle Abe: novyi stress-test? [Russian-Japanese relations after Abe: A new stress test?]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2: 120–133. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2023). O novoi kontseptsii natsional'noi bezopasnosti Yaponii [About the New National Security Concept of Japan]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 2: 9–25. (In Russian).
- Trunov, Ph.O. (2023). Podkhod NATO k vystraivaniyu sotrudnichestva s Yaponiei: trudnosti i perspektivy [NATO's approach to develop cooperation with Japan: Difficulties and prospects]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 3: 88–102. (In Russian).

* * *

- Mulgan, A.G. (2023). Is Prime Minister Kishida Leading Japan by Default? *The Diplomat*. Nov 23, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/is-prime-minister-kishida-leading-japan-by-default/> (accessed: 24.11.2023).
- Nelidov, V.V. [Forthcoming]. (2023). Foreign Policy Decision Making in Japan During the Gulf War. *Russian Japanology Review*, 6 (2).
- Togo, K., & Streltsov, D. (Eds.). (2023). *Handbook of Japan-Russia Relations*. Amsterdam University Press.

Поступила в редакцию: 03.12.2023
Принята к публикации: 05.12.2023

Received: 3 Dec 2023
Accepted: 5 Dec 2023

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 4, 2023

Редактор	Цветкова А.А.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казаков О.И.

Дата публикации: 22.12.2023

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
Институт Китая и современной Азии РАН
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13
Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 4, 2023

Editor:	Tsvetkova A.A.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.

Date of issue: 22.12.2023

Contacts:

- *Address:* Institute of China and Contemporary Asia of the Russian
Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13
Center for Scientific Monitoring and Development

www.eastasiajournal.ru

